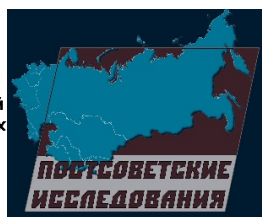

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022 Том 5 № 6

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курьлев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курьлев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович
кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна
доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна
старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассе Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник РФ Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ), Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2022 г., следующий:

№ 7 2022	Большое евразийское пространство	до 15.10.2022 г.
№ 8 2022	Приднестровский конфликт: история и современность	до 01.11.2022 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

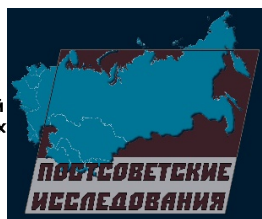
Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

© К.П. Курылев, 2022

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2022 VOLUME 5 No. 6

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2022 will deal with the following issues:

№ 7 2022	The Great Eurasian Space	Until 15.10.2022 г.
№ 8 2022	The Transnistrian conflict: history and modernity	Until 01.11.2022 г.

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН

Майтдинова Г.М. Реализация Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 года: права человека и верховенство закона573

Шарапов О.М. Роль межрегионального сотрудничества в укреплении стратегического партнерства Республики Таджикистан и Российской Федерации....584

Коваленко Д.Н., Рахимов К.Х. Проблема терроризма и особенности его проявления на примере Республики Таджикистан.....592

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Понька Т.И., Сиголаев К.В., У Цзисинь. Становление и развитие терроризма в Республике Казахстан 601

Кабазиев М.Ш. Республика Казахстан: этническая идентичность и изобретение традиций612

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Ибрагимов А.Г. Прагматичная внешняя политика Ирана на Южном Кавказе.....620

Гузаеров Р.И. Военно-техническое сотрудничество Азербайджана и Израиля.....627

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Ву Чи-Ян Взаимодействие стран-участниц в рамках ОДКБ.....635

ПРОБА ПЕРА

Танчук И.А. Узбекская диаспора в Москве.....647

РЕЦЕНЗИЯ

Шапорова В. Рецензия на книгу Савин Л.В. Гибридная война и серая зона. М.: Евразийское движение, 2022. — 180 с.....656

Contents

REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Maitdinova G.M. Implementation of the Strategy to counter extremism and terrorism in the Republic of Tajikistan for 2021-2025: human rights and the rule of law.....573

Sharapov O.M. The role of interregional cooperation in strengthening the strategic partnership of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation.....584

Kovalenko D.N., Rakhimov K.H. The problem of terrorism and the peculiarities of its manifestation on the example of the Republic of Tajikistan.....592

REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Ponka T.I., Sigolaev K.V., Wu Jixin. Formation and development of terrorism in the republic of Kazakhstan.....601

Kabaziyev M.Sh. The Republic of Kazakhstan: Ethnic identity and the invention of traditions.....612

SOUTH CAUCASUS

Ibrahimov A.G. Pragmatic Foreign Policy of Iran in the South Caucasus.....620

Guzaerov R.I. Military-technical cooperation between Azerbaijan and Israel.....627

MULTILATERAL COOPERATION

Wu Chi-Yuan Interaction of the participating countries within the framework of the CSTO635

FIRST STEPS

Tanchuk I.A. Uzbek Diaspora in Moscow.....647

REVIEW

Shaporova V. Review on book Savin L. Hybrid Warfare and the Gray Zone. Moscow: Evrasiiskoe dvizhenie, 2022. — 180 c.....656

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН / REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Научная статья / Research article

**Реализация Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в
Республике Таджикистан на 2021–2025 года: права человека и
верховенство закона**

Г. М. Майтдинова

*Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, e-mail: guzel-maitdinova@mail.ru*

Аннотация. Таджикистаном выработана единая государственная политика по предотвращению радикализации общества и по борьбе с экстремизмом и терроризмом, приняв два главных документа – Национальные Стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы (от 12 ноября 2016 г.) и от 1 июня 2021 г., охватывающий комплекс конкретных мер в борьбе с экстремизмом и терроризмом на период 2021-2025 годы. В Таджикистане принято свыше 35 документов и актов, являющейся правовой базой, регулирующей противодействие религиозному радикализму, экстремизму и терроризму. К 2018 году на территории Таджикистана официально запрещена деятельность 18 экстремистских организаций. Таджикистан в борьбе с международным терроризмом осуществляет комплексный подход: укрепляет правовую базу, принимает превентивные меры по устранению причин терроризма, а также предпринимает меры по защите основополагающих ценностей общества, учитывая государственные задачи по устранению локальных вызовов, способствующих росту экстремизма. Данная стратегия реализуется в контексте осуществления Глобальной Контртеррористической Стратегии ООН и Резолюций Совета безопасности ООН. В статье дан анализ практической реализации Национальной Стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2025 годы, акцентируя внимание в своем исследовании на соблюдении прав человека и верховенства закона.

Ключевые слова: национальная стратегия, терроризм, экстремизм, политика, международное сотрудничество, правовые основы, права человека, закон.

Для цитирования: Майтдинова Г.М. Реализация Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 года: права человека и верховенство закона // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):573-583.

**Implementation of the Strategy to counter extremism and terrorism in the
Republic of Tajikistan for 2021-2025: human rights and the rule of law**

Guzel M. Maitdinova

*Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, e-mail: guzel-maitdinova@mail.ru*

Abstract. Tajikistan has developed a unified state policy to prevent the radicalization of society and to combat extremism and terrorism, adopting two main documents - the National Strategies of the Republic of Tajikistan to counter extremism and terrorism for 2016-2020 (dated November 12, 2016) and June 1, 2021, covering a set of specific measures in the fight against extremism and terrorism for the period 2021-2025. Tajikistan has adopted over 35 documents and acts, which is the legal framework governing the opposition to religious radicalism, extremism and terrorism. By 2018, the activities of 18 extremist organizations were officially banned in Tajikistan. Tajikistan takes an integrated approach in the fight against international terrorism: it strengthens the legal framework, takes preventive measures to eliminate the causes of terrorism, and also takes measures to protect the fundamental values of society, taking into account state tasks to eliminate

local challenges that contribute to the growth of extremism. This strategy is implemented in the context of the implementation of the UN Global Counter-Terrorism Strategy and UN Security Council Resolutions. The article provides an analysis of the practical implementation of the National Strategy of the Republic of Tajikistan to counter extremism and terrorism for 2021-2025, focusing in its study on the observance of human rights and the rule of law.

Key words: national strategy, terrorism, extremism, politics, international cooperation, legal framework, human rights, law.

For citation: Guzel M. Maitdinova. Implementation of the Strategy to counter extremism and terrorism in the Republic of Tajikistan for 2021-2025: human rights and the rule of law // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;6(5):573-583 (In Russ.).

Современные геополитические трансформации евразийского пространства, обретение устойчивого характера основных вызовов и угроз безопасности всего центральноазиатского региона побуждает Таджикистан придавать первостепенное внимание вопросам обеспечения безопасности на национальном и региональном уровнях¹. Возрастающие риски центральноазиатской безопасности и меняющийся характер глобального терроризма в сочетании с деятельностью международных террористических организаций в афганском приграничье, ростом экстремистских организаций, стремящихся дестабилизировать обстановку в центральноазиатских государствах, деятельностью частных военных формирований, распространением религиозного экстремизма, увеличением незаконного оборота наркотических средств и рост влияния наркомафии, угрозой и применением биооружия, деятельностью организованных преступных группировок; экологическими вызовами, с нерешенными этнополитическими проблемами; коррупцией на разных уровнях государственных структур; демографическими проблемами и повышением уровня бедности населения, снижением просвещения населения; сетевыми вызовами, а в конечном итоге с угрозами гибридных войн содействуют укреплению сотрудничества на глобальном и региональном уровнях и реализации

политики противодействия на национальной уровне, исходя из понимания, что вышеперечисленные факторы будут снижать темпы реализации национальных стратегий развития и модернизации государств.

Таджикистан в борьбе с международным терроризмом осуществляет комплексный подход— укрепляет правовую базу, принимает превентивные меры по устранению причин терроризма, а также предпринимает меры по защите основополагающих ценностей общества, учитывая государственные задачи по устранению локальных вызовов, способствующих росту экстремизма, а также по реализации «Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы» и «Плана действий по реализации Национальной стратегии». Как известно в принятой в 2006 году в рамках ООН Глобальной контртеррористической стратегии, подчеркивается осуществление комплексного подхода в борьбе с международным терроризмом, где в документе выделяется мера по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом. В настоящее время универсальный уровень противодействия экстремизму и терроризму носит уже не рамочный характер, а наполнено практическим содержанием, где задействованы усилия центральноазиатских государств по профилактике и разрешению проблем распространения экстремистской идеологии и террористических организаций,

¹ Полный текст послания президента Таджикистана парламенту страны // <http://www.toptj.com/News/2021/01/26/polnyy-tekst-poslaniya-prezidenta-tadzhikistana-parlamentu-strany>. 26.01.2021 г.

вставших на путь насильственной борьбы на основе расовой, религиозной, культурной нетерпимости. 1 июня 2021 года в Таджикистане принята «Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы и План действий по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы, в которых определены цели, задачи и основные направления государственной политики Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму, а также коллективные усилия государства и гражданского общества. Данная стратегия реализуется в контексте осуществления Глобальной Контртеррористической Стратегии ООН и Резолюций Совета безопасности ООН.¹

Таджикистаном выработана единая государственная политика по предотвращению радикализации общества и по борьбе с экстремизмом и терроризмом, приняв следующие главные документы: Национальная Стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы (от 12 ноября 2016 г.), охватывающая комплекс конкретных мер в борьбе с экстремизмом и терроризмом на период 2016–2020 годы; Концепция государственной политики Республики Таджикистан в области религии (от 4 апреля 2018 г.); Государственная программа по воспитанию патриотизма и укреплению национального менталитета молодежи Таджикистана на 2018–2022 годы (от 1 марта 2018 года). В результате реализации Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы, заложены основы целенаправленной и скоординированной государственной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму в стране.² В

Таджикистане принято свыше 35 документов и актов, являющейся правовой базой, регулирующей противодействие религиозному радикализму, экстремизму и терроризму. Были приняты законы: Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом», от 16 ноября 1999 г.; Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», от 8 декабря 2003 г.; Только за последние годы введены изменения в Уголовный кодекс Республики Таджикистан и в других законах, где предусматриваются статьи, ужесточающие наказание за экстремизм и террористическую деятельность. В 2018 году подписан Указ Президента Республики Таджикистан о Национальной Концепции противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения на 2018–2025 годы, принят указ Президента Республики Таджикистан от 5 марта 2018 года, за №1033 «О Национальной Концепции противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения на 2018–2025 годы. Кроме того, введено изменение в статью 28 Конституции Республики Таджикистан, запрещающей учреждение и функционирование политических партий религиозного характера. К 2018 году на территории Таджикистана официально запрещена деятельность 18 экстремистских организаций. В Таджикистан из религиозных учебных заведений Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и др. были возвращены на родину более 3500 учеников и студентов. 2 января 2020 года был принят закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», определяющий права и обязанности государственных органов в данной сфере, формы и виды ответственности за экстремистские действия, а также меры профилактики экстремистской деятельности.

В Таджикистане созданы специальные антитеррористические структуры и

¹ Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 года. - Душанбе, 2021.С.64.

² Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 года. - Душанбе, 2021.С.65.

подразделения в составе правоохранительных и других силовых органов. В процессе укрепления институциональных основ борьбы с экстремизмом и терроризмом в структуре Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан создано управление по борьбе с экстремизмом и терроризмом, образован межведомственный штаб по координации деятельности оперативных служб и следственных подразделений, а также выявлению и расследованию преступлений, связанных с вовлечением граждан в ряды террористических организаций.¹ Национальным банком РТ ежегодно объявляется список финансовых лиц, причастных к экстремизму и терроризму. В стране усилилась борьба с кибер-терроризмом, интернет-рекрутингом, финансированием экстремизма и терроризма и т.д.

Таджикистан особое внимание уделяет соблюдению прав человека в пенитенциарных учреждениях и реинтеграции лиц, возвращенных из зон военных действий. В Таджикистане разработана Концепция по реформе уголовно исполнительной системы на период до 2025 года, в котором предусмотрено строительство ИВС и новых исправительных учреждений, обеспечение учреждений исполнения уголовных наказаний оборудованием и средствами, отвечающими современным требованиям, внесение изменений и дополнений в законодательство с целью приведения в соответствие с международно-правовыми актами, признанными Таджикистаном, улучшение условий работы психологов с осужденными, развитие производства и большее привлечение осужденных к исправительным работам, улучшение условий в исправительных камерах, а также введение альтернативных мер наказания и другие. Созданы условия для привлечения осужденных на труд, совершенствуется производственно-хозяйственная

деятельность исправительных учреждений, совершенствуется система среднего общеобразовательного и среднего профессионального образования в исправительных учреждениях. Органами исполнения уголовных наказаний подписаны соглашения с более 12 международными и неправительственными организациями (Глобальный фонд ООН, СПИД-ФОНД «Восток-Запад», представительство Фонда «Каритас-Люксембург» в Таджикистане, ЮНИСЕФ, Региональный офис ЮСАИД в Центральной Азии, международная организация DVV International в Таджикистане, неправительственные организации «Вита», «Сино», «Хаёти нав», «Дина» и др.), которые имеют доступ к местам лишения свободы для мониторинга. Проводятся тренинги в пенитенциарных учреждениях на тему «Обучение и подготовка медицинских работников полному медицинскому документированию в случаях выявления доказательств применения пыток» в городах Душанбе, Курган-Тюбе и Худжанд, а также сотрудники данных учреждений прошли обучение международным нормативно-правовым актам, включая Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, МППП, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Бангкокские правила, Пекинские правила и Стамбульские правила. Правительством реализована «Программа организации работы и развитие промышленного производства в исправительных учреждениях РТ на период 2015–2020 годы», которая была направлена на создание рабочих мест для осужденных и развитие производства в исправительных учреждениях.² В Таджикистане начата реализация программ ООН по реабилитации осужденных посредством открытия цехов по металлообработке и деревообработке в

¹ Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 года. - Душанбе, 2021.С.67-68.

² Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека. Таджикистан.2-13 мая 2016 г. Hrc/wg.6/25/tjk/1

исправительных учреждениях страны. В настоящее время Правительство Таджикистана реализует Программу профессионального обучения и трудоустройства осужденных в условиях исправительных учреждений, а также лиц, освобожденных от отбывания наказания на период 2021–2030 годы.

В 2014 году в Таджикистане был принят Закон «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми». В контексте реализации данного закона реализуется «Комплексная программа по борьбе с торговлей людьми», а также реализуется дополнительный План действий по усилению борьбы с торговлей людьми, который направлен на искоренение наихудших форм детского труда и оказание помощи жертвам торговли людьми. Организованы комплексные исследования причин и масштабов участия женщин в насильственном экстремизме, развенчиваются стереотипы, используемые экстремистами для психологического воздействия. В соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между Правительством Таджикистана и Международной организацией миграции, потерпевшие направляются в созданные кризисные центры для получения реабилитационной и восстановительной помощи. В стране принимаются меры к возвращению, медицинскому и психологическому оздоровлению, обеспечению работой и учебой женщин и детей, возвращенных из зон боевых действий на Ближнем Востоке. В результате принятых Таджикистаном мер из зон боевых действий в Сирии и Ираке были возвращены более 300 граждан Таджикистана, в апреле 2019 года 84 ребенка, в июле 2022 года на родину вернули 146 женщин и детей, которым была оказана материальная, психологическая помощь и приняты меры к их адаптации к новым реалиям. Были разработаны программы реабилитации и интеграции заключенных, осужденных за совершение преступлений экстремистского и террористического характера, в том числе за участие в военных конфликтах в зарубежных странах. В сетку

государственного телевидения включены аналитические программы, в которых разъясняются соотношение светского характера государства со свободой совести и научного мировоззрения, популяризируются достижения науки и др. В настоящее время в Таджикистане разрабатывается Комплексный план действий Таджикистана в сфере защиты прав человека, основанного на объединении национальных планов действий, рекомендаций Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан и международных организаций по различным аспектам прав человека.¹

Для искоренения социальной базы для насаждения идеологии экстремизма и терроризма Таджикистан реализует стратегию сокращения бедности. Только за 20 последних лет в стране были приняты и реализованы 3 стратегических документа по снижению уровня бедности. Уровень бедности с 83 процента 1999 года был сокращен к настоящему времени до 26,3 процента². Между тем растет численность населения Таджикистана, что усиливает социальную нагрузку на государство и не благоприятствует снижению бедности. За 30 лет независимости число населения страны с 5,5 млн увеличилось до 9,8 млн человек, то есть в 1,8 раза, и в скором времени население Таджикистана достигнет 10 млн человек. В этих условиях увеличивается нагрузка на государство: необходимо создавать рабочие места, строить школы, детские сады, дома, инфраструктуру и т.д. Здесь для решения социально-экономических проблем нужна поддержка международных организаций на глобальном и региональном уровнях.

Во исполнения Национальной Стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы центральные и местные органы исполнительной власти в

¹ Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы. Душанбе, 2021, с.100.

² Полный текст послания Президента Таджикистана парламенту страны // <http://www.toptj.com/News/2021/12/21/polnyy-tekst-poslaniya-prezidenta-tadzhikistana-parlamentu-strany#:~:text=21.12.2021%3A00,%D0%>

стране разработали собственные планы действий по предотвращению экстремизма и радикализма. Таджикистан, предпринимая превентивные меры по дерадикализации, реинтеграции, ресоциализации лиц, приверженных экстремистской идеологии, проводит определенную информационно-просветительскую работу среди населения с помощью общественности и СМИ: в вузах страны введены учебные курсы по противодействию экстремизму и терроризму, а также проводятся курсы для госслужащих по профилактике борьбы с коррупцией. Кроме того, в Таджикистане созданы просветительские группы, состоящие из госслужащих, ученых и представителей творческой интеллигенции, которые проводят в регионах страны беседы с населением об угрозе радикализма, терроризма, экстремизма; создают в СМИ антирадикальную и антитеррористическую информационную среду. В стране ведется подготовка религиозных кадров, обладающих глубокими религиозными знаниями и взят курс на повышение конкурентоспособности таджикской системы религиозного образования, а также внедряются интерактивные дебаты между населением и представителями духовенства. В стране противостоят радикальным религиозным идеям и ценностям, возрождается традиционная духовная и материальная культура, широко внедряются среди населения этнические ценности, традиции этнической культуры и пр. Во всех населенных пунктах Таджикистана создаются условия для духовного и физического развития молодежи и обеспечивается их доступ к объектам культуры, спорта и отдыха. Создаются в стране спортивные сооружения, строятся театры, музеи, образовательные учреждения культуры для привития общечеловеческих ценностей, здорового образа жизни молодежи. Только за период с 2016 по июнь 2020 года в Таджикистане построены 1155 спортивных сооружений (16 крупных спортивных комплексов, 12 стадионов, 10 плавательных бассейнов и др.).¹

Актуальность угрозы экстремизма и терроризма заключается в том, что в новых государствах Центральной Азии усиливается информационно-идеологическая деятельность международных террористических организаций. Запрещенная в РФ террористическая организация ИГИЛ, реализуя свою глобальную стратегическую задачу по созданию всемирной террористической сети, активно задействовали интернет-ресурсы Центральной Азии для формирования общественного мнения, влияя на социальные процессы, на религиозную и коллективную психологию, а также используя «паутину» для создания каналов связи и управления действиями своих членов. В Таджикистане, несмотря на предпринятые меры, все еще усиливаются идеологические аспекты исламской радикализации- вовлечение молодежи через сеть в экстремистские течения и организации. За последние годы около 1500 граждан Таджикистан были вовлечены в ряды ИГИЛ, более 500 погибли в боевых действиях в Сирии, а сотни других были привлечены к ответственности за участие в экстремистской деятельности внутри страны. Таджикистан вырабатывает и реализует уже подходы по обеспечению информационной безопасности своего политического пространства.

В настоящее время Таджикистан, как страна, находящаяся на рубеже борьбы с международным терроризмом, с наркотрафиком, организованной преступностью, торговлей людьми усиливает взаимодействие с международными акторами по укреплению таджикско-афганской границы. Учитывая, что угрозы, исходящие со стороны таджикско-афганской границы, являются общими для всех евразийских государств, Евросоюз осуществляет для укрепления региональной безопасности ряд проектов в рамках двух программ: «Программа содействия управлению границами Центральной Азии» (БОМКА) и «Программа по предотвращению

¹ Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025

года. - Душанбе, 2021.С.66

наркотиков в Центральной Азии» (САДАР). Только за последние годы программой БОМКА оказывается помощь в укреплении границ Таджикистана- в укреплении КПП – Нау, Пахтаабод, Хошади, Сохчарев, Пролетар, Фотехобод, Рузвай, Ишкашим, Патар, Тем, Дашти Язгулам, Нульванд, Дарайсанг, Шилз, Сохчарв, Поршенев, Пастхув. Таджикские приграничные международные рынки, прилегающие к международным пунктам перехода, были также отремонтированы в рамках программ БОМКА/КАДАП, включая обеспечение дополнительными крытыми рыночными рядами, водой, базовыми санитарными удобствами. Программой полностью отремонтировано и дополнительно застроено высшее пограничное училище Государственного управления пограничных войск (ГУПВ РТ) на 300 курсантов. Более 800 офицеров Пограничных войск и таможи Таджикистана прошли обучение по пограничному контролю, профилированию и досмотру, правам человека и беженцев, а также основам компьютерной грамотности. Таджикским пограничным войскам и таможне были предоставлены транспорт, радиостанции, генераторы, наборы для обнаружения наркотиков и компьютерное оборудование. Для руководства пограничных ведомств были организованы обучающие поездки с целью ознакомления с управлением границами в Европейском Союзе. Программа БОМКА предоставляет помощь Таджикистану в развитии некоторых стратегических пограничных пунктов на севере страны. Так спроектирован, построен Международный КПП «Патар», находящийся в Ферганской долине, на участке Душанбе — Худжанд-Коканд-Ош. Кроме того, БОМКА оснастил КПП «Патар» и «Фотехобод» специальным оборудованием. Летом 2009 г. в рамках программы БОМКА были завершены ремонтные работы на пограничных заставах «Шидз», «Пастхув», «Сохчарв» и «Дашти Язгулям». В рамках проекта завершены полномасштабные ремонтные работы на трех погранзаставах: «Нульванд», «Дарайсанг», «Поршенев». В целях обучения, на базе пограничных отрядов в Горно-Бадахшанской Автономной области (ГБАО)

и в зданиях других министерств и ведомств, были созданы компьютерные классы с программным обеспечением для самостоятельной подготовки по различным направлениям: предотвращение наркотрафика, отмывание денег и прочие преступления. Для обнаружения наркотических и взрывчатых веществ, задержания подозреваемых в наркотрафике, а также в целях сбора и анализа информации о наркопреступлениях во всех государствах Центральной Азии были созданы Подразделения по профилированию наркотиков. Для этих подразделений программа БОМКА переоснастила соответствующие служебные помещения и обеспечила их необходимыми кадрами и офисным оборудованием, провела серию учебных занятий для личного состава с привлечением международных экспертов. До настоящего времени ЕС выделил в рамках БОМКА 40,1 млн. евро на весь период, охватывающий 2003-2020; из этой суммы 6,6 млн. евро было выделено на девятый этап внедрения (2015-2020). В перспективе, ЕС подтвердил свою готовность продолжить сотрудничество с пятью странами - участницами БОМКА в рамках следующего десятого этапа программы, который позволит расширить усилия по региональному сотрудничеству с Афганистаном не только для решения вопросов безопасности, но и для содействия трансграничному соединению и развитию торгового потенциала. С этой целью ЕС обязался выделить 21,75 млн евро на период 2020–2025 годов.¹ В дополнение к проекту БОМКА в 2010 г. ЕС запустил «Проект содействия управления границей на севере Афганистана» – БОМНАФ (Border Management Northern Afghanistan – BOMNAF), направленный на повышение безопасности в приграничных зонах Афганистана, Таджикистана и Узбекистана.

В рамках программы УНП ООН для государств Центральной Азии,

¹ Project News: Border Management Programme in Central Asia concluded its 9th phase The International Centre for Migration Policy Development. <https://www.icmpd.org/news-centre/news-detail/project-news-border-management-programme-in-central-asia-concluded-its-9th-phase/>

предназначенной для укрепления потенциала контрольно-пропускных пунктов (КПП) и улучшения трансграничного сотрудничества посредством продвижения концепции создания Офисов пограничного взаимодействия (ОПВ), а также для развития информационно-коммуникационных сетей для органов пограничного контроля, были созданы ОПВ в географически удалённых и потенциально уязвимых пунктах пересечения границ на 2- участках границы между Таджикистаном и Афганистаном, а также на 4 участках границ Узбекистаном и Таджикистаном, на 4 - Кыргызстаном и Таджикистаном. Таджикская сторона предоставила помещения и персонал для ОПВ, а УНП ООН предоставила высокотехнологичное оборудование и специализированное аналитическое программное обеспечение, необходимое для создания устойчивых механизмов информационного обмена на региональном уровне, что позволило улучшить превентивное взаимодействие по расследованию случаев незаконного оборота наркотиков. С 2020 года на национальном и региональном уровнях в рамках ОПВ стал проводить УНП ООН регулярные межведомственные и трансграничные учебные курсы по стандартизации механизмов информационного обмена и отчётности для межведомственной и трансграничной коммуникации на отдельных контрольно-пропускных пунктах. Принятые превентивные меры позволили в 2020 году правоохранительным органам Таджикистана изъять 2425 килограммов наркотических средств: 183 килограмма наркотических средств было изъято Агентством по контролю за наркотиками, 1117 килограммов – Министерством внутренних дел, 1097 килограммов – подразделениями Государственного комитета национальной безопасности, 22 килограмма – Таможенной службой и 5 килограммов – Агентством по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией. В этот период правоохранительными органами страны было выявлено и зарегистрировано 700

преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В 2020 году Агентство по контролю за наркотиками выявило 144 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Между тем, в Таджикистане официально зарегистрировано 5099 наркозависимых.

Важной проблемой национальной и региональной безопасности все еще остаются экологические проблемы Центральной Азии, в том числе Таджикистана. В настоящее время, несмотря на предпринимаемые меры, в критическом состоянии находятся хвостохранилища и отвальные поля предприятий горнодобывающей и горноперерабатывающей промышленности Республики Таджикистан, где основными загрязняющими радионуклидами в отходах являются уран, радий, полоний, торий, сурьма и ртуть. На сегодняшний день на территории Таджикистана имеется более 22-х хвостохранилищ и отвалов горных пород, содержащих радиоактивные элементы, представляющие потенциальную угрозу не только для таджикского населения, но и соседних стран. Министерством промышленности и новых технологий РТ в сотрудничестве с Европейской комиссией завершили составление технико-экономического обоснования и оценки воздействия на окружающую среду для проектов рекультивации бывших урановых рудников и предприятий по первичной обработке урана в Дигмае и Истиклоле.¹ В данном контексте важно было продолжение взаимодействия с Таджикистаном международных структур по реализации Национальной стратегии по управлению отходами на 2017-2030 годы, учитывая, что отходы урановых разработок могут быть не только угрозой для здоровья населения, но и все еще могут быть использованы террористическими организациями для изготовления «грязных атомных бомб».

В своей новой внешнеполитической концепции Таджикистан подчеркивает о готовности принять адекватные меры по

¹ Обзоры результативности экологической деятельности. Таджикистан. Третий обзор. ООН. С. XXXVI

противодействию современным вызовам и угрозам. На национальном уровне Таджикистан осуществляет меры, направленные на укрепление ключевых аспектов своей внешней политики в плане борьбы с международным терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия, религиозным радикализмом и др. Таджикистан заложил прочную международно-правовую основу для взаимодействия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом подписав более 80 межгосударственных соглашений Россией, Китаем, государствами Центральной Азии, США, государствами Европы, международными организациями и др. Таджикистан выступает за консолидацию усилий международного сообщества в борьбе с новыми угрозами безопасности на всех уровнях, свидетельством которому является проведение под эгидой ООН Международной конференция высокого уровня «Противодействие терроризму и насильственному экстремизму», которая прошла в Душанбе 3-4 мая 2018 года с участием высоких представителей 46 стран мира и более 40 международных организаций. В феврале 2022 года, Таджикистан, придавая важное значение консолидации коллективных международных усилий по противодействию терроризму, принял участие в разработке и подписании Совместной позиции Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества, Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств и Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам противодействия терроризму и экстремизму. Данный документ имеет важное значение тем, что декларирует общие подходы по вопросам противодействия международному терроризму и экстремизму, поддержку Сторонами резолюции Совета Безопасности ООН 2354 (2017) по противодействию распространению террористических идей и реализации требований Глобальной

контртеррористической стратегии ООН об устранении условий, способствующих распространению терроризма, предупреждению и борьбе с ним, а также осуществлению работы по дерадикализации и искоренению питательной среды для терроризма, считая необходимым принятие действенных коллективных мер по предупреждению и пресечению распространения и пропаганды террористической и связанной с ней радикальной идеологии, включая религиозный экстремизм, подстрекательство к терроризму и вербовку в ряды террористических и экстремистских организаций, придавая важное значение противодействию использованию террористическими организациями сети Интернет.¹ Между тем, 8 декабря 2021 года в городе Душанбе на 11-я ежегодной встрече заместителей министров иностранных дел стран Центральной Азии была официально запущена 4-я фаза совместного проекта под названием «Совместный план действий: На пути к комплексной реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН в Центральной Азии»².

Исходя из вышеизложенного, важно было бы учесть на национальном, региональном и глобальном уровнях несколько рекомендаций для принятия превентивных мер в борьбе против экстремизма и международного терроризма:

1. Для оптимизации реализации в Таджикистане «Национальной стратегии по управлению отходами на 2017–2030 годы необходима программа помощи (для реабилитации и полноценной работы Республиканского пункта

¹ Состоялось подписание Совместной позиции РАТС ШОС, АТЦ СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму <https://www.toptj.com/News/2022/02/21/odkb-rats-shos-i-atc-sng-podpisali-sovmestnuyu-poziciyu-po-protivodeystviyu-terrorizmu#:~:text=21.02.202211%3A44,%D0%98%D>

² В Душанбе обсудили проблемы безопасности Центрально-Азиатского региона // <http://www.toptj.com/News/2021/12/09/v-dushanbe-obsudili-problemy-bezopasnosti-centralno-aziatskogo-regiona#:~:text=09.12.202107%3A00,%D0%98%D>

захоронения радиоактивных отходов (примерно нужно сумма около 250 тыс. евро) В настоящее время Министерством промышленности и новых технологий Таджикистана в сотрудничестве с Европейской комиссией завершено составление технико-экономического обоснования и оценки воздействия на окружающую среду для проектов рекультивации бывших урановых рудников и предприятий по первичной обработке урана в Дигмае и Истиклоле.

2. Инициатива Таджикистана по созданию Пояса безопасности вдоль таджикско-афганской границы, кроме укрепления государственной границы должна быть дополнена комплексной Программой гуманитарного пояса безопасности в трансграничном Амударьинском регионе, которая включала бы: содействие развитию сельского

хозяйства, обеспечение пресной водой населения, строительство школ, детских садов, социального жилья для уязвимых слоев населения, создание рабочих мест.

3. Разработать Региональную Программу содействия реинтеграции возвратившихся мигрантов в экономику стран для содействия реализации Национальной стратегии по трудовой миграции.

4. В качестве превентивных мер, учитывая у экстремистов привлекательность визуализации своих идеологий, было бы целесообразно обратить внимание на реализацию на глобальном, региональном и национальном уровнях программ по созданию аудиовизуальной продукции с альтернативным содержанием, используя «мягкие» инструменты для противодействия экстремизму и терроризму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Билан А.К., Гришина Н.Р., Радзион А.О.* Проблема терроризма в Таджикистане // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 5. С. 440-447.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6. С. 479-486.
- Лежень В.В.* Центральная Азия в фокусе геополитических интересов мировых центров силы: взаимодействия и противоречия // Материалы международной научной конференции «Средний Восток в системе геополитических координат: прошлое, настоящее, будущее». Душанбе, 2005. С.13.
- Майтдинова Г.* Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1. С. 9-16.
- Майтдинова Г.М., Шаропов О.М.* Таджикско-российские отношения в условиях становления государственности (1991–2010). Постсоветские исследования. 2022;1(5):18-29.
- Мухаммад А.Н.* Современная политика Республики Таджикистан в международных отношениях: специфика и направления // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 4. С. 357-366.
- Назаров Т., Сатторзода А.* Дипломатия муосири тоҷик. Душанбе, 2006. С. 90-92.
- Одинаева Б.Ф.* Особенности наркоситуации в Центральной Азии и сотрудничество Таджикистана в борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение. С. 31-33.
- Рахимов К.Х.* Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390-1401.
- Рахмонов Э.* Независимость Таджикистана и возрождение нации. В 8 т. Душанбе, 2006–2010. Т.1. С. 156-157.
- Рахмонов Э.* Ответственность за будущее нации. // Независимость Таджикистана и возрождение нации. В 8 т. Душанбе, 2006–2010. Т. 5, с. 120.
- Саидов З.* Актуальные аспекты внешнеполитического механизма и международной деятельности Республики Таджикистан. Душанбе, 2010, с.8-9.

Шарипов С.И. Новая система международных отношений и внешняя политика Таджикистана. // Таджикистан и современный мир. №2 (11) 2006. С. 9.

REFERENCES

- Bilan A.K., Grishina N.R., Radzion A.O.* Problema terorizma v Tadzhiqistane // Postsovetskie issledovaniya. 2021. T. 4. № 5. S. 440-447.
- Bulkin V.V., Moiseenko K.S.* Terrorizm v Central'noj Azii (Tadzhiqistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. № 6. S. 479-486.
- Lezhen' V.V.* Central'naya Aziya v fokuse geopoliticheskikh interesov mirovykh centrov sily: vzaimodejstviya i protivorechiya // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Srednij Vostok v sisteme geopoliticheskikh koordinat: proshloe, nastoyashchee, budushchee». Dushanbe, 2005. S.13.
- Majtdinova G.* Tadzhiqistan v geopoliticheskikh trendah v nachale tret'ego desyatiletia XXI v. // Postsovetskie issledovaniya. 2021. T. 4. № 1. S. 9-16.
- Maitdinova G.M., Sharopov O.M.* Tajik-Russian Relations in the conditions of Statehood Formation (1991-2010). Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;1(5):18-29
- Muhammad A.N.* Sovremennaya politika Respubliki Tadzhiqistan v mezhdunarodnyh otnosheniyah: specifika i napravleniya // Postsovetskie issledovaniya. 2022. T. 5. № 4. S. 357-366.
- Nazarov T., Sattorzoda A.* Diplomatiyai muosiri tochik. Dushanbe, 2006. S. 90-92.
- Odinaeva B. F.* Osobennosti narkosituacii v Central'noj Azii i sotrudnichestvo Tadzhiqistana v bor'be s nezakonnym oborotom narkotikov // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Central'naya Aziya v usloviyah geopoliticheskoy transformacii: vneshnepoliticheskoe izmerenie. S. 31-33
- Rahimov K.H.* Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva Respubliki Tadzhiqistan s SHOS v sfere obespecheniya bezopasnosti i stabil'nosti v mnogopolyarnom mire // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1390-1401.
- Rahmonov E.* Nezavisimost' Tadzhiqistana i vozrozhdenie natsii. V 8 t. Dushanbe, 2006–2010. T.1. S. 156-157.
- Rahmonov E.* Otvetstvennost' za budushchee natsii. // Nezavisimost' Tadzhiqistana i vozrozhdenie natsii. V 8 t. Dushanbe, 2006–2010. T. 5, s. 120.
- Saidov Z.* Aktual'nye aspekty vneshnepoliticheskogo mekhanizma i mezhdunarodnoj deyatel'nosti Respubliki Tadzhiqistan. Dushanbe, 2010, s.8-9.
- Sharipov S.I.* Novaya sistema mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnyaya politika Tadzhiqistana. // Tadzhiqistan i sovremennij mir. №2 (11) 2006. S. 9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майтдинова Гузель – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета, директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской Академии архитектуры и строительства. Республика Таджикистан, г. Душанбе. E-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

Guzel M. Maitdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy of the Russian-Tajik (Slavic) University, Director of the Center for Geopolitical Studies of RTSU, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction. Republic of Tajikistan, Dushanbe. E-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

Роль межрегионального сотрудничества в укреплении стратегического партнерства Республики Таджикистан и Российской Федерации

О. М. Шарапов

*Российско-Таджикский (славянского) университет, Душанбе, Республика Таджикистан
E-mail: omsharopov@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию места и роли таджикско-российского межрегионального сотрудничества в развитии стратегического партнерства двух государств. В статье автором приведены основные факторы и предпосылки межрегионального взаимодействия России и Таджикистана. В работе рассматриваются приоритетные сферы совместной деятельности субъектов Российской Федерации и регионов Республики Таджикистан, кроме того, отдельное внимание уделено другим перспективным направлениям таджикско-российского межрегионального сотрудничества. В статье сделан вывод о том, что основы межрегионального сотрудничества новых независимых государств после распада СССР были заложены еще в рамках интеграционных процессов в формате СНГ. В работе указаны также основные проблемы, препятствующие развитию межрегионального сотрудничества, даны некоторые рекомендации по его совершенствованию и укреплению.

Ключевые слова: сотрудничество, расширение, основа, документ, отношения, соглашение, укрепление, договор.

Для цитирования: Шарапов О. М. Роль межрегионального сотрудничества в укреплении стратегического партнерства Республики Таджикистан и Российской Федерации // Постсоветские исследования. 2022; 6 (5):584-591.

The role of interregional cooperation in strengthening the strategic partnership of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation

Otabek M. Sharapov

*Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan
E-mail: omsharopov@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to the study of the place and role of the Tajik-Russian interregional cooperation in the development of a strategic partnership between the two states. In the article, the author presents the main factors and prerequisites for interregional cooperation between Russia and Tajikistan. The paper discusses the main areas of joint activities of the constituent entities of the Russian Federation and the regions of the Republic of Tajikistan; in addition, special attention is paid to other promising areas of Tajik-Russian interregional cooperation. The article concludes that the foundations for interregional cooperation of the newly independent states after the collapse of the USSR were laid as early as within the framework of integration processes in the CIS format. The paper also indicates the main problems hindering the development of interregional cooperation, some recommendations are given for its improvement and strengthening.

Keywords: cooperation, expansion, basis, document, relations, agreement, strengthening, agreement.

For citation: Otabek M. Sharapov. The role of interregional cooperation in strengthening the strategic partnership of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;4(5):584-591 (In Russ.).

В последние несколько лет, несмотря на пандемию и связанные с ней ограничения, происходящую трансформацию международных отношений и проблемами

мировой экономики, сотрудничество между Россией и Таджикистаном становится все более интенсивным. Так, наблюдается положительная динамика укрепления и расширения связей, появления новых и перспективных направлений сотрудничества, увеличения правовой основы взаимодействия двух государств.

В то же время, важной основой российско-таджикского стратегического партнерства является, по нашему мнению, межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации и регионов Республики Таджикистан. В этой связи, стоит отметить, что межрегиональное сотрудничество России и Таджикистана имеет большой потенциал и уже является весьма перспективным направлением взаимодействия наших стран. Основными сферами межрегионального сотрудничества Таджикистана и России по-прежнему остаются торгово-экономическая и культурно-гуманитарная области, тем не менее, в последнее время появляются новые направления совместных усилий. Среди них, можно отметить, сотрудничество в области городского управления, рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, регулирования миграционных процессов, информационных и цифровых технологий, туризма, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и другие. Таким образом, исследование вопросов межрегионального сотрудничества России и Таджикистана является весьма актуальным и представляет научный интерес.

Необходимо отметить, что основы межрегионального сотрудничества постсоветских государств были заложены еще в рамках Содружества Независимых Государств. В формате СНГ межрегиональное сотрудничество остается одним из приоритетных направлений его деятельности. В целях развития и регулирования межрегионального взаимодействия в Содружестве была разработана соответствующая документальная основа, которую одобрили

большинство государств - участников организации, в том числе Россия и Таджикистан. В этом плане, стоит отметить, что в рамках СНГ сформирована солидная правовая база для развития межрегиональных связей. Так, 6 ноября 2020 г. в СНГ на смену старой Концепции была принята обновленная Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств - участников СНГ на период до 2030 года. Ранее, 10 октября 2008 г. была подписана Конвенция о приграничном сотрудничестве государств - участников СНГ, а 16 сентября 2016 г. - Конвенция о межрегиональном сотрудничестве государств - участников СНГ. По мнению таджикского исследователя А. Алиджановой, указанные документы стали основополагающими в развитии межрегионального сотрудничества России и Таджикистана [Алиджанова 2018: 42-51]. Тем не менее, в СНГ большее внимание, на наш взгляд, уделяется развитию приграничного сотрудничества между странами - участницами, что в силу объективных причин, не может развиваться в рамках российско-таджикского межрегионального сотрудничества по причине отсутствия общих границ наших государств.

Однако, несмотря на отсутствие совместных границ и некоторую географическую отдаленность наших стран друг от друга, межрегиональное сотрудничество именно с регионами России для Таджикистана является более масштабным, динамичным и приоритетным, нежели аналогичное взаимодействие с регионами других граничащих с Таджикистаном государств. Это обусловлено рядом факторов. Прежде всего, сложившимися тесными историческими и культурными связями народов России и Таджикистана. Кроме того, важными факторами является огромный потенциал Российской Федерации в сфере экономики, образования, науки, инновационных технологий, а также взаимная потребность государств друг в друге в силу природно-ресурсной, торгово-экономической, демографической, военной и других

составляющих. В период после распада СССР на развитии межрегионального взаимодействия все больше стал сказываться и миграционный фактор. Важно отметить, что Россия на протяжении ряда последних лет, по-прежнему, остается главным торговым партнером Таджикистана и входит в лидирующую тройку инвестирующих в республику государств. На данный момент между двумя государствами подписано более 300 различных документов, регулирующих все действующие направления взаимодействия Таджикистана и России, а в рамках межрегионального сотрудничества - более 80 подобных соглашений и договоров. В Таджикистане функционируют более 100 предприятий с российским участием [Гулмахмадзода 2022: 32–37].

Стоит отметить, что межрегиональное сотрудничество России и Таджикистана активно поддерживается парламентами двух стран. Весомый вклад в развитии межрегиональных связей вносит межпарламентский форум «Россия - Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества». На данный момент проведено 8 заседаний межпарламентских форумов. Проведение форумов на регулярной основе и под непосредственным руководством глав парламентов наших стран придает большую динамику развитию взаимоотношений субъектов Российской Федерации и регионов Республики Таджикистана во многих областях взаимовыгодного сотрудничества.

Большой вклад в расширение и укрепление межрегионального взаимодействия вносит и деятельность Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству двух государств. Всего проведено 18 заседаний комиссии, что способствовало расширению торгово-экономических межрегиональных связей и увеличению товарооборота России и Таджикистана, укреплению взаимодействия в области рационального использования природных ресурсов, привлечению инвестиций и т.д.

Очень значимой в развитии межрегионального взаимодействия является и деятельность торгово-промышленных

палат России и Таджикистана. Взаимоотношения торгово-промышленных палат двух стран базируются на широкой правовой основе. Так, за 30 лет независимости торгово-промышленной палатой Таджикистана было заключено более 55 договоров о сотрудничестве с аналогичными российскими региональными палатами, на основании которых функционируют представительства таджикской палаты в России. Таким образом, расширяются контакты и взаимодействие региональных торгово-промышленных палат Таджикистана и России. Сотрудничество Торгово-промышленных палат России и Таджикистана способствует обмену информацией в соответствующих областях, выработке и реализации взаимовыгодных экономических проектов, привлечению инвестиций и открытию совместных предприятий, выставочной и ярмарочной деятельности, проведению бизнес-форумов и т.д.

Укреплению межрегионального сотрудничества содействуют по мере своих возможностей и Генеральные консульства двух государств. Так, в Таджикистане функционирует Генеральное консульство России в городе Худжанде, а Генеральные консульства Таджикистана в России действуют в Екатеринбурге, Новосибирске, Санкт-Петербурге и Уфе. В Республике Таджикистан функционируют также представительства Россотрудничества в Душанбе и Худжанде, которые способствуют дальнейшей активизации межрегиональных связей.

По данным посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан с российской стороны лидирующими субъектами межрегионального сотрудничества с республикой в целом являются *(в алфавитном порядке наименований - О.Ш.)*:

- города Москва и Санкт-Петербург;
- Республики Башкортостан, Дагестан и Татарстан;
- Алтайский, Красноярский, Краснодарский, Ставропольский и Хабаровский края;
- Иркутская, Нижегородская,

Новосибирская, Московская, Оренбургская, Рязанская, Ростовская, Свердловская, Саратовская, Самарская и Челябинская области.

С таджикской же стороны их главными партнерами выступают город Душанбе, Согдийская область (город Худжанд), Хатлонская область (города Бохтар и Куляб), Рогунский район (город Рогун).¹

Необходимо отметить, что развитие межрегионального сотрудничества положительно сказывается на росте товарооборота России и Таджикистана, который увеличился на 25% в 2021 г. в сравнении с 2020 г., составив более 1,3 млрд долларов. Тем самым, товарооборот с Россией составил 21,3% от общего объема внешнеторгового оборота Таджикистана с зарубежными странами. Важно отметить, что за первые четыре месяца 2022 г. объем товарооборота России и Таджикистана уже составил 476,5 млн. долл., что означает рост на 49% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.² Таким образом, в целом, в 2022 г. ожидается рост товарооборота Таджикистана с Россией, в том числе и благодаря межрегиональному сотрудничеству.

По данным Торгового представительства России в Таджикистане, только по итогам двух последних лет (2020-2021 гг.) 67 субъектов Российской Федерации заключили торговые соглашения с регионами республики, из них взаимодействие только с 12 субъектами составило около 80% всего товарооборота двух стран в указанный период.³ По подсчетам профессора Г.М. Майтдиновой, в 2021 г. основной объем внешнеторгового оборота с Россией формировался за счёт импорта

Таджикистаном из Приволжского, Центрального, Уральского, Северо-Западного, Сибирского федеральных округов, на долю которых приходится около 81,2 % от общего объема импорта республики. Основными партнёрами от общего объема экспорта товаров Таджикистана в Россию за указанный период в процентном соотношении являлись: Москва – 14,3%, Оренбургская область – 13,7%, Челябинская область – 7,5%, Санкт-Петербург – 7,26%, Московская область – 7,2%, Ханты-Мансийский автономный округ – 5,5%, Свердловская область – 4,1%, Красноярский край – 3,8%, Самарская область – 3,0%, Ивановская область – 2,6% и другие [Майтдинова 2022].

В то же время, с сожалением приходится констатировать, что объем экспорта Таджикистана в Россию в 2021 г. составил всего 72,5 млн. долл. из общего объема товарооборота с Россией, а все остальные 1280,5 млн. долл. составили импорт республики из России.⁴ В этом плане, Таджикистану есть над чем работать, тем более, учитывая некоторые благоприятные экономические условия, сложившиеся для республики в последние годы. Так, например, в 2019 г. наконец произошло подписание соглашения об «упрощенном таможенном коридоре» для поставок товаров двух стран. Кроме того, в последние годы в России наблюдается рост спроса на свежую и экологически натуральную плодоовощную продукцию, а в Таджикистане происходит рост сбора фруктов и овощей, а также - разработки и добычи некоторых полезных ископаемых. Помимо этого, Российская Федерация в связи с санкционной политикой западных стран стремится к поиску и укреплению связей с неевропейскими партнерами в различных областях взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, регионам Республики Таджикистан необходимо правильно воспользоваться имеющимися возможностями в целях укрепления и расширения межрегионального

¹ Межрегиональное сотрудничество // URL: <https://dushanbe.mid.ru/mezregional-noe-sotrudnicestvo> (Дата обращения: 01.07.2022).

² Товарооборот между Таджикистаном и Россией вырос почти на 50% в 2022 году // URL: <https://tass.ru/ekonomika/14716751> (Дата обращения: 16.07.2022).

³ Регионы Таджикистана и России расширяют торгово-экономическое сотрудничество // URL: https://tass.ru/ekonomika/14347271?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (Дата обращения: 16.07.2022).

⁴ Торговые партнеры Республики Таджикистан // URL: <https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru> (Дата обращения: 15.07.2022).

взаимодействия с субъектами Российской Федерации.

Все большую роль в развитии межрегионального сотрудничества Таджикистана и России играет культурно-гуманитарное направление взаимодействия. Необходимо отметить, что Таджикистан по-прежнему остается страной, в которой большим интересом относятся ко всему, что связано с Россией - к русскому языку, российскому образованию, внутриполитическим процессам в стране и многому другому. В Таджикистане среди населения в основном чувствуется большая симпатия к России, и отсюда и ко всему «русскому». Это связано, как и с историческими связями и ментальностью наших народов, совместным проживанием в едином советском государстве, так и вкладом России в мирное урегулирование гражданской войны в Таджикистане. Но это обуславливается также и современными реалиями. Так, например, известно, что большое количество граждан республики находятся в сезонной трудовой миграции в России, что, по сути, является не только единственным источником дохода, учитывая несоответствие темпов роста населения и рабочих мест в республике, но и позволяет более или менее достойно обеспечивать мигрантам свои семьи. А один мигрант в условиях Таджикистана обеспечивает фактически несколько человек, учитывая многодетность семей в стране. Поэтому во многих семьях в республике можно встретить хотя бы одного члена семьи, родственника, находящегося в миграции в России, что, так или иначе, укрепляет связи между нашими странами, регионами и народами.

Отношение к России и к русскому языку в Таджикистане достаточно позитивное, чего не скажешь обо всем постсоветском пространстве в целом. Таджикская сторона регулярно обращается к России с просьбой отправить русских учителей и российские учебники, построить школы с русским языком обучения и открыть филиалы ведущих российских ВУЗов с российским образовательным стандартом в Таджикистане. На данный момент в республике действуют филиалы трех

московских ВУЗов - МГУ им. М.В. Ломоносова, НИТУ «МИСиС» и НИУ «МЭИ», а в Российской Федерации обучаются более 31 тыс. студентов из числа граждан нашей страны. Таджикские студенты представлены в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, Уфы и Казани, Нижнего Новгорода, Челябинска, Екатеринбурга, Новосибирска, Барнаула и других городов России. Востребованным направлением является участие российских региональных вузов в подготовке квалифицированных кадров для Таджикистана, тем самым развиваются прямые межвузовские контакты [Гулмахмадзода 2022: 32–37]. Ярким примером такого рода сотрудничества является деятельность совместного Российско-Таджикского (Славянского) университета в городе Душанбе.

С 2017 г. действует совместный проект России и Таджикистана «Русский учитель», впервые запущенный именно в нашей республике и уже получивший положительные отзывы. В рамках проекта ежегодно российские учителя из различных регионов Российской Федерации прибывают в Республику Таджикистан для осуществления педагогической деятельности в школах крупнейших таджикских городов. В дополнение к этому, отметим, что в сентябре 2022 г. планируется открытие пяти российских школ в разных городах Таджикистана, что будет способствовать укреплению, в том числе и межрегиональных связей в сфере образования. Таким образом, российское образование остается очень востребованным в Таджикистане, а ВУЗ-ы России, в свою очередь, заинтересованы в приеме таджикских студентов, свидетельством чему является решение об увеличении образовательных квот России для Таджикистана в 2022 г. до 1 тысячи.

В то же время, в регионах Российской Федерации все более осязаемой становится и деятельность таджикских культурных и общественных организаций и объединений. На данный момент, подобного рода структуры представлены более чем в 70 субъектах Российской Федерации, что свидетельствует о росте престижа и

авторитета этих организаций, расширении связей народов двух стран и влияния миграционного фактора. В Таджикистане в последние годы среди многих молодых граждан, да и людей более старшего поколения, есть желание уехать именно в Россию с целью работы или даже насовсем, что связано как с возможностью нахождения хорошего заработка, больших перспектив и условий для жизнедеятельности, нежели на Родине, так и с наличием соглашения о двойном гражданстве между нашими странами. Несмотря на все трудности, с которыми сталкиваются таджикские трудовые мигранты в России, отношение к российскому государству среди них и их родных, также весьма позитивное. Так, например, таджикстанцы в большинстве своем даже соперничают с российскими сборными и спортсменами точно так же, как и своим таджикским спортсменам и их командам, а некоторые из спортсменов России настолько популярны, что их победы отмечаются среди граждан незапланированными массовыми акциями поддержки.

В связи со всеми вышеуказанными факторами, отношение ко всем действиям России, как на международной арене, так и внутри страны, в целом, среди большинства населения остается позитивным и воспринимается с пониманием или одобрением. На это влияет и тот факт, что российское телевидение в Таджикистане является весьма востребованным источником информации о том, что происходит в мире. Таджикское телевидение и в плане освещения международных событий, и в целом в плане предоставления всего контента, в том числе и развлекательного, достаточно сильно уступает, в связи с чем, у многих граждан Таджикистана благодаря кабельному телевидению, параболическим антеннам и другим техническим средствам, настроены все основные российские ТВ-каналы, которые пользуются большой популярностью. Кроме того, в основном, граждане Таджикистана владеют только русским языком, как иностранным, и

соответственно, вся зарубежная информация поступает из российских источников информации. Аналогичная ситуация и со средствами массовой информации в сети Интернет. Что касается социальных сетей, то в стране пользуются как российскими, так и другими социальными сетями, которые часто также выступают источниками информации. Однако какими бы социальными сетями ни пользовались таджикстанцы, в абсолютном большинстве вся информация и значительная часть общения в них проходит на русском языке. Таким образом, можно констатировать, что Таджикистан находится в одном культурно-информационном пространстве с Россией.

В целом, подводя итоги по всей статье, можно отметить, что межрегиональное сотрудничество субъектов Российской Федерации и регионов Республики Таджикистан характеризуется положительной динамикой роста и развития, формированием новых и укреплением, и расширением действующих направлений взаимодействия. В то же время, нельзя сказать, что таджикско-российское межрегиональное сотрудничество развивается совершенно беспрепятственно. На наш взгляд, несмотря на значимые успехи и достижения, нынешнее состояние межрегионального сотрудничества двух стран не в полной мере соответствует тому потенциалу, который имеют Россия и Таджикистан во взаимодействии друг с другом. Это характерно, как и для экономической сферы взаимодействия, так и для других актуальных направлений сотрудничества. Кроме того, есть и ряд других проблем, тормозящих развитие межрегионального сотрудничества России и Таджикистана - ограниченность правовой основы взаимодействия, не всегда достаточная проработанность механизмов их реализации. В этой связи, Таджикистану и России необходимо также учитывать опыт межрегионального сотрудничества европейских регионов в целях повышения эффективности взаимодействия. Однако в целом, имеющиеся проблемы в межрегиональном сотрудничестве двух государств решаемы при наличии

политической воли у обеих сторон. хорошие перспективы, уже внося весомый Межрегиональное сотрудничество России и вклад в укреплении стратегического Таджикистана имеет большой потенциал и партнерства наших стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиджанова А.* Межрегиональное сотрудничество - новый формат в отношениях Республики Таджикистан с Российской Федерацией // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2018. - № 4 (77). - С. 42–51.
- Буторов С.А.* О перспективах российско-таджикского сотрудничества в условиях глобализации // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение». С.16-17.
- Гулмахмадзода Д.* Таджикистан и Россия: 30 лет устойчивого стратегического партнерства и союзничества // Международная жизнь. - 2022. - № 4. - С. 32–37.
- Летов В.Ю.* Новые формы и перспективы российско-таджикского сотрудничества в пограничной сфере // Материалы международной научной конференции «Национальные интересы и политика безопасности государств Центральной Азии в условиях глобализации (евразийские модели как альтернатива мондиализму)». С.186.
- Майтдинова Г.М., Шаропов О.М.* Таджикско-российские отношения в условиях становления государственности (1991–2010). Постсоветские исследования. 2022;1(5):18-29.
- Межрегиональное и приграничное сотрудничество государств-участников СНГ: проблемы и перспективы (2006 год) - М.: Исполнительный Комитет СНГ, 2006. – 240с.
- Мирзоев Б.К.* Военно-техническое сотрудничество Республики Таджикистан и Российской Федерации в двустороннем формате и в рамках интеграционных объединений // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение». Душанбе, 2007. С. 26-28.
- Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества в государствах -участниках СНГ (информационно-аналитическая записка). - М.: Исполнительный Комитет СНГ, 2010. – 114с.
- Рахимов К.Х.* Международно-правовые основы сотрудничества Республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390-1401.
- Сатторов А., Саидов З.О.* Российско-таджикские отношения на современном этапе и перспективы развития // Материалы международной научной конференции «200 лет Министерству иностранных дел России и 10 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и Таджикистаном. С. 17-18.

REFERENCES

- Alidzhanova A.* Mezhregional'noe sotrudnichestvo - novyj format v otnosheniyah Respubliki Tadjhikistan s Rossijskoj Federaciej // Vestnik Tadjhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. – 2018. - № 4 (77). - S. 42–51.
- Butorov S.A.* O perspektivah rossijsko-tadjhikskogo sotrudnichestva v usloviyah globalizacii // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Central'naya Aziya v usloviyah geopoliticheskoy transformacii: vneshnepoliticheskoe izmerenie». S.16-17.
- Gulmahmadzoda D.* Tadjhikistan i Rossiya: 30 let ustojchivogo strategicheskogo partnerstva i soyznichestva // Mezhdunarodnaya zhizn'. - 2022. - № 4. - S. 32–37.
- Letov V.YU.* Novye formy i perspektivy rossijsko-tadjhikistanskogo sotrudnichestva v pogranichnoj sfere // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Nacional'nye interesy i politika bezopasnosti gosudarstv Central'noj Azii v usloviyah globalizacii (evrazijskie modeli kak al'ternativa mondializmu)». S.186.
- Majtdinova G.M., SHaropov O.M.* Tadjhiksko-rossijskie otnosheniya v usloviyah stanovleniya gosudarstvennosti (1991–2010). Postsovetские issledovaniya. 2022;1(5):18-29.

- Mezhregional'noe i prigranichnoe sotrudnichestvo gosudarstv-uchastnikov SNG: problemy i perspektivy (2006 god) - M.: Iсполnitel'nyj Komitet SNG, 2006. – 240с.
- Mirzoev B.K.* Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Respubliki Tadzhiqistan i Rossijskoj Federacii v dvustoronnem formate i v ramkah integracionnyh ob"edinenij // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Rossiya i Central'naya Aziya v usloviyah geopoliticheskoj transformacii: vneshnepoliticheskoe izmerenie». Dushanbe, 2007. S. 26-28.
- Razvitie mezhregional'nogo i prigranichnogo sotrudnichestva v gosudarstvax -uchastnikah SNG (informacionno-analiticheskaya zapiska). - M.: Iсполnitel'nyj Komitet SNG, 2010. – 114с.
- Rahimov K.H. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva Respubliki Tadzhiqistan s SHOS v sfere obespecheniya bezopasnosti i stabil'nosti v mnogopolyarnom mire // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1390-1401.
- Sattorov A., Saidov Z.O.* Rossijsko-tadzhikskie otnosheniya na sovremennom etape i perspektivy razvitiya // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «200 let Ministerstvu inostrannyh del Rossii i 10 let so dnya ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij mezhdru Rossiej i Tadzhiqistanom. S. 17-18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шарапов Отабек Мурадович,	Otabek M. Sharapov, PhD in political
кандидат политических наук, доцент,	science, associated professor, Head of the
заведующий кафедрой «Зарубежного	Department of foreign regional studies and
регионоведения и внешней политики»	foreign policy of Russian-Tajik (Slavonic)
Российско-Таджикского (славянского)	University. Dushanbe, Republic of Tajikistan E-
университета, г. Душанбе, Республика	mail: omsharopov@mail.ru
Таджикистан. E-mail: omsharopov@mail.ru	

Проблема терроризма и особенности его проявления на примере Республики Таджикистан

Д. Н. Коваленко

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
1032217393@rudn.ru*

К. Х. Рахимов

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Центр исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2771-1817, rakhimov-kkh@rudn.ru*

Аннотация. Международный терроризм является одной из главных проблем современности, который препятствует международному сотрудничеству, способствует подрыву демократических основ любого государства. В настоящее время уйгурские сепаратисты, радикальная оппозиция в Таджикистане, вносят дисбаланс в нормальное функционирование Республики. На сегодняшний момент только совместная деятельность, разработка и развитие организационной структуры Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также сотрудничество с международными организациями (ООН, ШОС, СНГ, СВМД, ОБСЕ, ЕС и НАТО), совместные форумы и активная разработка совместных программ могут обеспечить быстрое и своевременное реагирование на новые вызовы и угрозы. Предотвращение финансирования терроризма также является одним из ключей к решению этой проблемы. Таджикистан, рассматривая борьбу против терроризма как важнейшую задачу обеспечения своей национальной, региональной и мировой безопасности, будет стремиться к дальнейшему укреплению международного сотрудничества в этом направлении.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, террористические группировки, ИГИЛ, безопасность, Таджикистан.

Для цитирования: Коваленко Д. Н., Рахимов К. Х. Проблема терроризма и особенности его проявления на примере Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2022;6(5):592-600.

The problem of terrorism and the peculiarities of its manifestation on the example of the Republic of Tajikistan

Diana N. Kovalenko

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
1032217393@rudn.ru*

Komron H. Rakhimov

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
Post-Soviet Countries Research Center (CISC), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2771-1817, rakhimov-kkh@rudn.ru*

Abstract. International terrorism is one of the main problems of our time, which hinders international cooperation and contributes to undermining the democratic foundations of any State. Currently, Uighur separatists, the radical opposition in Tajikistan, are causing an imbalance in the normal functioning of the Republic. Now, only joint activities, development and development of the organizational structure of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), as well as cooperation with international organizations (UN, SCO, CIS, CICA, OSCE, EU and NATO), joint forums and active development of joint programs can ensure a quick and timely response to new challenges and threats. Preventing the financing of terrorism is also one of the keys to solving this

problem. Tajikistan, considering the fight against terrorism as the most important task of ensuring its national, regional and global security, will strive to further strengthen international cooperation in this direction.

Keywords: extremism, terrorism, terrorist groups, ISIL, security, Tajikistan.

For citation: Diana N. Kovalenko., Komron H. Rakhimov. The problem of terrorism and the peculiarities of its manifestation on the example of the Republic of Tajikistan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;6(5):592-600 (In Russ.).

Истоки возникновения терроризма в Республике Таджикистан.

Таджикистан – страна, не имеющая выхода к морю, граничащая с Китаем, Узбекистаном, Кыргызстаном и, прежде всего, с Афганистаном, что делает страну уязвимой для распространения террористической деятельности, что заметно тревожит ее соседей. Хотя Таджикистан был относительно свободен от крупномасштабных экстремистских атак, страна является вторым по величине экспортером иностранных боевиков в Ирак и Сирию в регионе Центральной Азии, по причине неправильного управления центральным правительством социальными, экономическими и политическими делами страны [Чикризова, Шумакова 2020: 78–82]. На данный момент зона постсоветского пространства отличается высоким конфликтным потенциалом, угрозой троллируемого распространения оружия массового уничтожения, с высоким риском его попадания в руки радикальных группировок [Курылев, Савичева 2013: 7].

Вскоре после провозглашения Таджикистаном независимости от Советского Союза в сентябре 1991 года, в стране быстро началась гражданская война, продолжавшаяся с 1992 по 1997 год. Конфликт между правительством, поддерживаемым российскими войсками, и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО), состоящей из коалиции демократических, исламских и местных этнических групп, привел к гибели более 157 000 человек и депортации более 1,5 миллионов человек. В разгар войны в 1992 году Эмомали Рахмон был избран президентом и с тех пор правит страной. Кризис и проблемы между администрацией Э. Рахмона и религиозной оппозицией продолжает тревожить страну, поскольку

администрация не заинтересована в любых публичных проявлениях религиозности. Правительство ввело жесткие ограничения на выражение религиозного мнения и осуществляет жесткий контроль над мечетями и имамами в стране, где большинство населения составляют мусульмане. Подконтрольные правительству Совет улемов и Государственный комитет по делам религии назначают всех имамов и священнослужителей и определяют, где и когда могут быть открыты мечети. Кроме того, в стране введена утвержденная государством версия ислама, которая предусматривает бритье бороды, запрет на ношение хиджаба и возрастные ограничения в отношении тех, кто может посещать мечеть или совершать хадж. Кроме того, Э. Рахмон продолжает закрывать медресе, а также приказывает вернуть граждан Таджикистана, обучающихся за рубежом в исламских учебных заведениях, полагая, что религиозные учебные заведения идеализируют экстремистскую деятельность. Несмотря на репрессии в отношении религиозного образования, правительство пока не приложило никаких усилий для создания альтернативных учебных заведений для населения школьного возраста. По мнению Мухаммадрахима Абдуманнонова, эксперта по социальным вопросам из Худжанда, предотвращение преподавания ислама может лишить молодые группы населения возможности изучать этические нормы морали и нравственности и потенциально сделать их более уязвимыми для вербовки экстремистами. Политика Душанбе в отношении религиозных традиций и одежды проистекает из того, что центральное правительство смешивает религиозность и "внешние признаки радикализма". Под прикрытием национальной безопасности

администрация Э. Рахмона использовала регулирование религиозного самовыражения как способ усиления государственного контроля над общественными делами и пространствами [Акинер 2002: 360].

Террористические группировки на территории Республики Таджикистан.

Террористические группировки в Таджикистане активизировались после распада СССР в 1992 году. Начиная с этого периода и до 1994 года терроризм вёл свою деятельность на фоне гражданской войны и являлся одним из основных способов уничтожения политических врагов. После начала мирного переговорного процесса в 1994 году, терроризм носил более провокационный характер, способствующий дестабилизации политических процессов и обострению конфликтов. Излюбленным арсеналом террористкой деятельности являются вооружённые налёты, взрывы, похищения с целью выкупа и тому подобное. Под основные мишени террористов попадают таджикостанские политические деятели (высокопоставленные чиновники, депутаты парламента и местных органов власти, известные политики, а также общественные деятели и профессионалы в какой-либо области, пользующиеся авторитетом в Таджикистане), российские военнослужащие и пограничники, иностранцы (представители международных организаций, журналисты, инженеры).

В 1994–1996 гг. были убиты экс-президент Таджикистана Мухаммад Осими, ректор педагогического института Исхаки, журналист Олимпур и прочие знаменитые деятели. Образованию терроризма в стране способствовали эмиссары из стран Ближнего Востока, наводнившие страну в 1992 г. Агенты различных фундаменталистских организаций из Судана, Афганистана, Саудовской Аравии обучали боевиков исламской оппозиции методам ведения диверсионной войны, и много раз сами становились главной ударной силой вооружённых подразделений. Террористы в Таджикистане не подчиняются единому центру, а деятельность их зачастую носит криминальный характер. Наиболее известна террористическая группа Резвона Садирова. В декабре 1997 группировка Садирова

похитила двух граждан из Франции, прибывших в Таджикистан с гуманитарной миссией. Это стала последней в истории организации: Садиров был пойман и убит, также уничтожены или арестованы около 50 членов его банды.

После окончания гражданской войны в Таджикистане в 1997 году было подписано Общее соглашение об установлении мира и национального согласия, которое обеспечивает мир и безопасность, свободные и справедливые выборы, многопартийную систему и свободу слова с независимыми СМИ. Хотя администрация Э. Рахмона одобряет антиисламскую политику, Таджикистан был единственной страной в Центральной Азии, в которой исламистской политической партии было разрешено действовать на законных основаниях. Однако в 2015 году Партия исламского возрождения Таджикистана (далее - ПИВТ) потеряла представительство в правительстве, поскольку не смогла выполнить квоты по членству. Затем партия была включена в список террористических организаций после того, как правительство заявило, что политическая партия причастна к организации антиправительственного восстания, которое привело к двум терактам в Вахдате и Душанбе. В 2019 году Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) включила Таджикистан в список "стран, вызывающих особое беспокойство" в соответствии с Законом о международной религиозной свободе от 1998 года.

Учитывая, что соседние страны Таджикистана сталкиваются с повышенным уровнем экстремистской активности и вербовки, в частности с Аль-Каидой в Афганистане, Душанбе принял Закон о борьбе с терроризмом в 1999 году, и с тех пор внес ряд поправок, включая одну в 2017 году. Однако центральное правительство использует усилия по борьбе с терроризмом как способ дальнейшего подавления политической оппозиции и социального инакомыслия. Резкое ограничение свободы вероисповедания побудило некоторых граждан искать альтернативное представительство в лице экстремистских организаций, чтобы противостоять

нынешней администрации. Кроме того, в Таджикистане процветает безработица, 29,5 процента населения живет в бедности, а 14 процентов - в крайней бедности, и эта реальность учитывается в стратегии вербовки экстремистов. Учитывая, что большое количество таджиков переезжает в Россию в поисках возможностей трудоустройства, большая часть вербовки происходит в России, где таджики работают в качестве трудовых мигрантов. Отсутствие социально-экономических возможностей в сочетании с репрессивной политической средой сделали страну и ее граждан симптоматичными для вербовки экстремистов.

В Центральной Азии Таджикистан занимает второе место по числу иностранных боевиков на душу населения: более 1300 таджиков выехали за границу, чтобы присоединиться к экстремистским организациям в Ираке и Сирии. Учитывая легкость перемещения незаконной деятельности в регионе Центральной Азии по причине несоблюдения границ, вполне возможно, что радикально настроенные таджики могут способствовать укреплению экстремистских ячеек как на внутренней, так и на международной почве.

Экстремистские настроения и принадлежность к экстремистам более вероятны среди трудовых мигрантов: более 85% таджикских боевиков в Ираке и Сирии были трудовыми мигрантами в России. Ввиду отсутствия возможностей трудоустройства в Таджикистане таджики часто мигрируют в Россию в поисках работы. После переселения некоторые сталкиваются с расизмом, что экстремисты используют в целях вербовки. Вербовщики ИГИЛ часто выбирают социально изолированных людей или тех, кто пережил определенную травму и ищет поддержку в обществе.

Более 1300 таджиков в настоящее время воюют в Ираке и Сирии, а Таджикистан занимает первое место в мире по экспорту террористов-смертников в ИГИЛ. Есть подозрение, что таджиков выбирают в качестве смертников, поскольку Гулмурод Халимов, высший авторитет ИГИЛ, был гражданином Таджикистана. Халимов,

получивший образование в США, бывший глава элитных сил безопасности Таджикистана, перешел на сторону ИГИЛ в 2015 году, где его быстро назначили военным министром, после чего он стал мишенью и погиб в результате авиаудара в Мосуле в апреле 2017 года. Перебежка Халимова представляла угрозу безопасности Таджикистана, но также продемонстрировала риск для международных игроков, связанный с предоставлением неограниченной помощи США в области безопасности несостоятельным государствам.

Нападение на семерых велосипедистов в июле 2018 года в Дангаре стало первым нападением, спонсируемым ИГИЛ в Таджикистане, которое привлекло международное внимание. Информационное агентство Атаф, принадлежащее ИГИЛ, заявило, что нападавшие были "боевиками Исламского государства". Таджикские службы безопасности подозревали четырех человек в нападении, задержали предполагаемого лидера террористической ячейки Хусейна Абдусаматова, арестовали пять человек за неуведомление властей о возможном преступлении и приказали 20 таджикским рабочим-мигрантам в России вернуться домой для допроса. Хотя ИГИЛ утверждало, что действует в Таджикистане уже довольно давно, нападения, о которых они заявляли, часто были делом рук людей, не связанных с этой организацией. Это нападение стало первым, о котором группировка заявила публично и которое было подтверждено официальными источниками.

В течение последних лет ИГИЛ изменило свой стиль атак и проникло даже в тюремную систему, подстрекая членов группировки к беспорядкам со смертельным исходом. Два тюремных бунта в ноябре 2018 года и мае 2019 года привели к гибели более 50 человек. Однако власти Таджикистана не совсем точно предоставили информацию об обоих происшествиях. Это вызвало разбирательство о том, было ли центральное правительство причастно к бунту, поскольку четверо из убитых заключенных были бывшими членами ИРПТ и один из них

священнослужителем, который открыто выступал против правительства [Косиченко 2002: 213].

Кроме того, таджикские члены ИГИЛ на протяжении многих лет разрабатывали планы по совершению нападений по всей Европе. В феврале 2018 года российский суд приговорил шестерых граждан Таджикистана, к тюремному заключению сроком от 12 до 16 лет. Шестеро обвиняемых планировали взорвать микроавтобус под Москвой в 2016 году. Также в феврале 2018 года стало известно, что Рахмат Акилов - гражданин Узбекистана, угнавший грузовик и въехавший в толпу людей в Стокгольме в 2017 году, - по имеющимся данным, поддерживал контакты с таджикскими членами ИГИЛ.

Основанная в 1990 году, Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) стала преемницей исламистского крыла оппозиционного блока, который боролся против правительства Э. Рахмона во время гражданской войны. После войны ПИВТ была единственной оппозиционной партией страны и насчитывала более 40 000 сторонников. Партия выступала за демократическое правительство и одобряла обязательное изучение исламского образования и традиций во всем гражданском обществе. Несмотря на то, что ПИВТ была единственной юридически признанной исламистской партией в Центральной Азии, в 2015 году она потеряла представительство и была включена в список террористических организаций. Правительство утверждало, что эта политическая партия причастна к организации антиправительственного восстания, которое привело к двум нападениям на службы безопасности в Душанбе и полицейский участок в Вахдате в сентябре 2015 года. Обвинения в том, что ПИВТ стояла за неудавшимся переворотом 2015 года, так и не были доказаны, но Высший суд Таджикистана запретил партию на основании невыполнения квот членства после выборов 2015 года. Выборы были сфальсифицированы, поскольку

наблюдатели зафиксировали ряд нарушений в день выборов, включая многократное голосование и вброс бюллетеней¹. В период своего расцвета ПИВТ располагала 30 процентами правительственных должностей, а к концу своего правления ПИВТ имела только два места в 63-местной нижней палате парламента. Учитывая их постоянную поддержку со стороны населения, они считались достаточной угрозой для администрации Э. Рахмона.

Несмотря на Общее соглашение об установлении мира и национального согласия, которое гарантировало многопартийную систему, члены ПИВТ часто подвергались преследованиям со стороны членов правящей партии по подозрению в том, что они выступают за экстремистскую деятельность и поддерживают ее. По данным Международной кризисной группы, службы безопасности часто смешивали ИГИЛ и ПИВТ и даже утверждали, что около 500 таджикских боевиков в Ираке или Сирии были бывшими членами ПИВТ. 2 августа 2018 года 14 членов ПИВТ были приговорены к срокам от семи до 26 лет после заявления правительства о том, что эти члены прошли подготовку в Афганистане вместе с ИГИЛ и планировали взорвать стратегически важные объекты и иностранные дипломатические представительства в Душанбе. Весь судебный процесс проходил в обстановке строгой секретности, что не позволило правозащитным группам проверить достоверность версии государства в отношении обвиняемых [Черняев, Трусова 2020: 150–163].

Событие, способствовавшее угасанию ПИВТ, произошло 4 сентября 2015 года, когда заместитель министра обороны генерал Абдухалим Назарзода предпринял попытку свержения правительства. Назарзода вместе со 130 сторонниками спровоцировал два нападения на полицейские посты в Душанбе и Вахдате. В результате нападений погибло более 35 человек, при этом высокопоставленные

¹ Халитов М. Таджикистан - внутренние предпосылки, внешние угрозы, противодействие //

URL:<http://centrasia.ru/newsA.php?st=1381317480> (дата обращения: 09.06.2022).

правительственные чиновники заявили, что Назарзода действовал по указанию ПИВТ. Назарзоде удалось скрыться с места преступления, но через две недели он был убит в ходе контрповстанческой операции. Сообщается, что Назарзода спровоцировал конфликт после слухов о том, что Э. Рахмон планирует уволить его за "совершение преступления" и "сторонника Исламского государства". Э. Рахмон также поспешил обвинить ПИВТ в нападениях, поскольку Назарзода был бывшим командиром этой партии во время гражданской войны. Однако Назарзода отошел от ПИВТ после своего назначения в вооруженные силы. Двенадцать руководителей ПИВТ были арестованы за предполагаемую причастность, хотя правительство так и не смогло обосновать обвинения. 2 июня 2016 года Верховный суд приговорил 12 лидеров ПИВТ к срокам от 14 лет до пожизненного заключения.

Политика противодействия терроризма в Республике Таджикистан.

Следует отметить, что Таджикистан активно принимал ряд законов о борьбе с терроризмом. В 1999 году был принят Закон о борьбе с терроризмом, а в 2003 году - Закон о борьбе с экстремизмом. Однако эти законы содержали нечеткую терминологию, которая администрация Э. Рахмона использовала для активного подавления своей оппозиции: журналистов, политиков и представителей мирных религиозных организаций. Согласно закону, любое лицо или группа лиц, подозреваемые в «подрыве конституционного строя в стране», могут быть подвергнуты аресту. В 2006 году президент Э. Рахмон издал указ о введении "Единой концепции Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом". В указе была фраза "терроризм и другие формы экстремистских проявлений", но не уточнялось значение ни "экстремизма", ни "терроризма".

В 2015 году были внесены изменения в Закон о борьбе с терроризмом. Поправки разрешают блокировать интернет и телекоммуникационные системы во время

"контртеррористических операций". В июле 2017 года правительство также приняло законы о цензуре, которые резко ограничили свободу слова и доступ к информации. Новое законодательство наделяет полицию и службы безопасности новыми полномочиями по получению информации об интернет-сайтах, посещаемых отдельными лицами. Поскольку в Таджикистане более 1,5 млн пользователей Интернета, закон был предложен, так как некоторые чиновники утверждали, что более 80% пользователей Интернета посещают сайты с экстремистской пропагандой и контентом. Новый закон, по сути, предоставляет полиции и службам безопасности право допрашивать или арестовывать граждан просто за "лайки" или просмотр контента, содержащего экстремистскую деятельность¹.

Государственный комитет национальной безопасности (ГКНБ) и Министерство внутренних дел (МВД) являются основными органами по борьбе с терроризмом в Таджикистане. ГКНБ и МВД прошли обучение, оба ведомства оснащены специальными тактическими подразделениями, которые занимаются стратегией борьбы с терроризмом. Однако, по мнению Международной кризисной группы, маловероятно, что подразделение Таджикистана по борьбе с повстанцами, в котором служат около 30 солдат, сможет эффективно нейтрализовать экстремистские силы.

Таджикистан охотно принимал у себя различные международные встречи высокого уровня по противодействию насильственному экстремизму и предотвращению насильственного экстремизма. В июне 2016 года Душанбе принимал "Совещание экспертов высокого уровня ПРООН по разработке решений в области развития для предотвращения насильственного экстремизма". Кроме того, Исполнительный директорат по борьбе с терроризмом ООН провел шестидневный оценочный визит в Таджикистан в феврале

¹ Набиева Д. Таджикистан пытается предотвратить терроризм // URL: <http://centralasiaonline.com> (Дата обращения: 09.06.2022).

2017 года, а также провел международную конференцию высокого уровня по противодействию терроризму и профилактике насильственного экстремизма в мае 2018 года. В ходе каждого мероприятия обсуждались вопросы законодательства и судебной практики, противодействия финансированию терроризма, правоохранительной деятельности, пограничного контроля, международного сотрудничества, противодействия насильственному экстремизму, ведущему к терроризму, а также необходимости принятия мер по борьбе с терроризмом на основе верховенства закона.

Таджикистан при поддержке Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в конце 2016 года опубликовал "Национальную стратегию по противодействию экстремизму и терроризму Республики Таджикистан". Стратегия направлена на борьбу с радикализацией и насилием как через национальные, так и местные правительственные каналы. Правительство также реализует спонсируемые США программы по охране общественного порядка, а представители Совета улемов Таджикистана встречаются с мигрантами в России, чтобы объяснить опасность радикализации среди таджикских мигрантов. Большая часть стратегии направлена на повышение устойчивости общества и экономических возможностей для таджиков.

Таджикистан также предпринял усилия по усилению антитеррористического реагирования и региональной безопасности посредством участия в

межправительственных союзах безопасности, таких как Организация Договора о коллективной безопасности, Содружество независимых государств и Шанхайская организация сотрудничества и др. Кроме того, Москва и Пекин усилили свое присутствие в регионе, учитывая возросшую террористическую угрозу в Таджикистане. Сообщается, что для защиты своих экономических интересов и интересов безопасности в регионе Центральной Азии Китай создал военную базу вблизи Мургаба, а в мае 2017 года Россия совместно с Таджикистаном приняла участие в различных антитеррористических военных учениях и сеансах обмена информацией, которые спонсировались Антитеррористическим центром Содружества Независимых Государств. Москва также предоставила Таджикистану значительную военную помощь для защиты границы, ссылаясь на растущее присутствие ИГИЛ в провинции Хорасан в Афганистане.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что угроза терроризма все еще продолжает оставаться острой проблемой в Республике Таджикистан. Руководство страны прикладывает все меры для борьбы с терроризмом, как на территории государства, так и за рубежом в рамках организаций по безопасности. Следует отметить, что правительство адекватно оценивает угрозу. Активно предпринимаются действия по ограничению возвращения граждан страны, которые причастны к террористическим актам за границей в силу вероятности, что они могут создать группировки на территории Республики Таджикистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акинер Ш.* Религиозный экстремизм в Центральной Азии // Материалы межд. конф. Душанбе, 2002. - 360 с.
- Билан А.К., Гришина Н.Р., Радзион А.О.* Проблема терроризма в Таджикистане. Постсоветские исследования. 2021;4(5):440–447.
- Бабаин А.* Проблема радикального ислама в Центральной Азии // Современное право, 2014. № 6. С. 97–102.
- Булкин В.В., Моисеенко К.С.* Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. Т.3. № 6 (2020). С.479-486.
- Искандарзода Б.Д.* Внешнеполитические факторы и урегулирование гражданского конфликта в Таджикистане // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 1. С. 30–38.
- Косиченко А.Г.* Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии / Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 213 с.

- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для студентов направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» / Москва, 2013. (Издание 3-е, переработанное и дополненное).
- Майтдинова Г.* Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в. // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 1. С. 9–16.
- Рахимов К.Х.* Международно-правовые основы сотрудничества республики Таджикистан с ШОС в сфере обеспечения безопасности и стабильности в многополярном мире // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1390–1401.
- Рахимов К.Х.* Шанхайская организация сотрудничества в системе обеспечения евразийской региональной, международной и глобальной безопасности (международно-правовое измерение) // Постсоветские исследования. 2020. – Том 3. №2. С.124-135.
- Трусова А.А., Черняев М.С.* Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // Постсоветские исследования. Т.3. № 6 (2020). С.470-478.
- Черняев М.С., Трусова А.А.* Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 6. С. 150–163.
- Чикризова О.С., Шумакова А.А.* Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии // Постсоветские исследования, 2020. – Т.3. - №4. – С. 78–82.
- Шаринов А.Н.* Основные этапы формирования внешней политики Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 7. С. 1503–1510.
- Яшлавский А.Э.* Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 632–642.

REFERENCES

- Akiner Sh.* Religious extremism in Central Asia // Materials of the international conference. Dushanbe, 2002. - 360 p.
- Bilan A.K., Grishina N.R., Radzion A.O.* The problem of terrorism in Tajikistan. Post-Soviet studies. 2021;4(5):440–447
- Babain A.* The Problem of radical Islam in Central Asia // Modern Law, 2014. No. 6. pp. 97-102.
- Bulkin V.V., Moiseenko K.S.* Terrorism in Central Asia (Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan) // Post-Soviet Studies. Vol.3. No. 6 (2020). pp.479-486.
- Iskandarzoda B.D.* Foreign policy factors and the settlement of the civil conflict in Tajikistan // Post-Soviet studies. – 2022. – Vol. 5. – No. 1. pp. 30-38.
- Kosichenko A.G.* Modern terrorism: a view from Central Asia / Almaty: Dyke Press, 2002. 213 p.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Commonwealth of Independent States // Educational and methodical manual for students of the areas of training "International relations", "Political Science", "History" / Moscow, 2013. (3rd edition, revised and expanded).
- Maitdinova G.* Tajikistan in geopolitical trends at the beginning of the third decade of the XXI century. // Post-Soviet studies. 2021. Vol. 4. No. 1. pp. 9-16.
- Rakhimov K.H.* International legal bases of cooperation of the Republic of Tajikistan with the SCO in the field of security and stability in a multipolar world // Post-Soviet studies. 2019. Vol. 2. No. 6. pp. 1390-1401
- Rakhimov K.H.* Shanghai Cooperation Organization in the system of ensuring Eurasian regional, international and global security (international legal dimension) // Post-Soviet studies. 2020. – Volume 3. No. 2. pp.124-135.
- Trusova A.A., Chernyaev M.S.* The threat of terrorism in Central Asia: prerequisites, directions, problems of regional security // Post-Soviet Studies. Vol.3. No. 6 (2020). pp.470-478.
- Chernyaev M.S., Trusova A.A.* The threat of terrorism in Central Asia: prerequisites, directions, problems of regional security // Post-Soviet studies. 2020. Vol. 3. No. 6. pp. 150-163.

- Chikrizova O.S., Shumakova A.A.* The impact of the crisis of Islamic education on the process of radicalization of Central Asia // *Post-Soviet Studies*, 2020. – Vol.3. - No4. – pp. 78-82.
- Sharipov A.N.* The main stages of the formation of the foreign policy of the Republic of Tajikistan // *Post-Soviet studies*. 2019. Vol. 2. No. 7. pp. 1503-1510.
- Yashlavsky A.E.* Myths and reality of terrorism of "loners" in the context of Islamist extremism // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2019. Vol. 19. No. 4. pp. 632-642.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Коваленко Диана Николаевна, Diana Nikolaevna Kovalenko, master's degree in International Relations RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: 1032217393@rudn.ru

Рахимов Комрон Хакимджонович, Komron Khakimdzhonovich Rakhimov, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN. Moscow, Russia. E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН / REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Научная статья / Research article

Становление и развитие терроризма в Республике Казахстан

Т. И. Понька, К. В. Сиголаев, У Цзисинь

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ponka_ti@rudn.university, 1032211918@pfur.ru, 1032165729@pfur.ru*

Аннотация. Террористическая активность является одной из наиболее заметных проблем в современном мире. Определённые группы прибегают к ней вследствие социальных, религиозных и этнических противоречий. Угрозе терроризма подвержено большинство современных стран и Казахстан также не стал исключением. Свою роль играет и географическое положение Казахстана, который находится в Центральной Азии и его непосредственной близости к очагу терроризма в Афганистане. Кроме того, общая неспокойная ситуация на постсоветском пространстве также наложила свой отпечаток в генезис терроризма. Важно также отметить, что Казахстан является членом многих объединений на евразийском пространстве, в цели которых в том числе входит и противодействие терроризму на территории стран-участниц. Актуальность данной работы связана с ростом радикализации в современном обществе данной республики, вследствие чего важно рассмотреть истоки, а также проявления террористической активности в Казахстане и методы противодействия ей со стороны специализированных органов. Целью статьи будет являться анализ предпосылок зарождения терроризма, рассмотрение истории террористической активности в Казахстане, а также рычагов противодействия ей со стороны правительства республики и международных организаций, в которых Казахстан принимает участие. Для достижения поставленной цели будут использованы следующие методы: историко-генетический, контент-анализ, метод периодизации.

Ключевые слова: терроризм, Казахстан, религия, история.

Для цитирования: Понька Т.И., Сиголаев К.В., У Цзисинь. Становление и развитие терроризма в Республике Казахстан // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):601-611.

Formation and development of terrorism in the republic of Kazakhstan

Tatyana I. Ponka, Kirill V. Sigolaev, Wu Jixin

*RUDN University, Moscow, Russia
ponka_ti@rudn.university, 1032211918@pfur.ru, 1032165729@pfur.ru*

Abstract. Terrorist activity is one of the most notable problems in the modern world. Certain groups resort to it due to social, religious, and ethnic contradictions. Most modern countries are exposed to the threat of terrorism, and Kazakhstan is no exception. The geographical position of Kazakhstan, which is located in Central Asia and its close proximity to the hotbed of terrorism in Afghanistan, also plays its role. In addition, the general turbulent situation in the post-Soviet space also left its mark on the genesis of terrorism. It is also important to note that Kazakhstan is a member of many associations in the Eurasian space, whose goals, among other things, include countering terrorism on the territory of the participating countries. The relevance of this work is related to the growth of radicalization in the modern society of this republic, which it is important to consider the origins, as well as manifestations of terrorist activity in Kazakhstan and methods of countering it by specialized bodies. The purpose of the article is to analyze the preconditions for the emergence of terrorism, review the history of terrorist activity in Kazakhstan, as well as the levers to counter it from the government of the republic and international organizations in which Kazakhstan participates. To achieve this goal, the following methods are used: historical-genetic, content analysis, periodization method.

Keywords: terrorism, Kazakhstan, religion, history

For citation: Tatyana I. Ponka, Kirill V. Sigolaev, Wu Jixin. Formation and development of terrorism in the republic of Kazakhstan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022;6(5):601-611 (In Russ.).

Предпосылки и причины терроризма в Казахстане

С момента провозглашения независимости в 1991 году Казахстан в той или иной степени страдает от террористической деятельности. Стоит заметить, что в период существования СССР на его территории не было зафиксировано крупных террористических актов.¹ В то же время распад Советского союза стимулировал на всём постсоветском пространстве рост террористической активности. Кроме того, процессы глобализации также оказали своё влияние на рост радикальных настроений в обществе.

Одной из ключевых предпосылок для возникновения терроризма в Казахстане явился распад СССР. Вследствие этого на всей территории постсоветского пространства произошёл отказ от социалистической системы, основанной на марксистско-ленинской идеологии. В ответ на духовную и идеологическую пустоту руководство страны прибегло к использованию привлекательности и сплоченности религии, а именно ислама. В 1994 президент республики Нурсултан Назарбаев посетил с официальным визитом Саудовскую Аравию, где встретился с королём Фадхом, а также совершил Хадж. Однако стоит заметить, что на тот момент данная информация не столь подробно освещалась казахскими СМИ.

В то же время население, оставшееся без привычных мировоззренческих идеалов стало прибегать к исламу. Одновременно с этим по территории Казахстана начинает распространяться ваххабизм, который является крайне радикальным религиозным движением. Большую роль в распространении экстремистских идей также сыграли процессы глобализации и отток молодых людей за рубеж. Многие молодые люди отправлялись в исламские центры за пределами Казахстана, в том

числе и в центр исламского экстремизма Афганистан, власть в котором с 1996 по 2001 года контролировало радикальное движение талибов. По возвращению на родину эти люди начинали пропагандировать свои радикальные взгляды среди населения своей страны и некоторые люди начинали разделять их взгляды вследствие социальной неустроенности и тяжёлой экономической ситуации.

Свой вклад в распространение радикальных идей внёс также и закон от 15 января 1992 года «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях»². Данный закон не регулировал в должной степени религиозные взаимоотношения и не препятствовал спокойному распространению экстремистских идей по территории Казахстана.

В подобного рода распространении скрываются и другие предпосылки, способствовавшие становлению терроризма в Казахстане. Здесь стоит сказать о тяжёлой экономической ситуации в Казахстане в 90-е годы после распада СССР, которая привела к росту безработицы и социальной неустроенности среди населения страны, что приводило к маргинализации определённой части общества и упрощало пути к их вербовке в экстремистские организации. По данным всемирного банка уровень безработицы в Казахстане в период с 1996 по 1999 стабильно держался на уровне 13 %³ от всего трудоспособного населения. Всё это было вызвано общим спадом производства. Именно по этой причине безработными оказались тысячи граждан Казахстана [Абуова Ж. У. 2017: 2].

¹ Rand database of worldwide terrorism incidents // Электронный ресурс. URL: <https://www.rand.org/nsrd/projects/terrorism-incidents.html> (Дата обращения: 01.06.2022)

² «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» // Электронный ресурс. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920004000_ (Дата обращения: 01.06.2022)

³ Уровень безработицы в Казахстане // Электронный ресурс. URL: <https://svspb.net/danmark/bezrabotica.php?l=kazakhstan> (Дата обращения: 01.06.2022)

Также в экономическом плане в Казахстане существует большой разрыв между богатыми и бедными, подобное расслоение начало формироваться ещё в 90-е годы и продолжает сохраняться до сих пор. Энергетический сектор растёт быстрыми темпами, но не всё население страны может ощутить это, так как он не включается в себя большую часть населения, а рост в остальных отраслях не столь сильный. Существуют также проблемы, связанные с высокой инфляцией. По данным Национального статистического управления Казахстана, уровень инфляции в мае 2022 года вырос на 14 % по сравнению с прошлым годом.¹

Всё это ведёт к социальному расслоению, что впоследствии выражается в социальной напряжённости, которая в конечном итоге может привести к радикализации бедных слоёв населения.

К ещё одному фактору способствовавшему зарождению терроризма в Казахстане следует отнести слабость властных структур, внутренних органов и нормативно-правовой базы по предупреждению террористической активности. После распада СССР республике пришлось практически с нуля выстраивать свои органы национальной безопасности, что ни могло ни сказаться на их эффективности. Только за период с 1992 по 2001 года пост главы Комитета национальной безопасности занимало шесть человек, что может свидетельствовать об отсутствии твёрдой линии в борьбе со внутренними угрозами.

Кроме того, долгое время в Казахстане отсутствовала нормативно-правовая база, регулирующая борьбу с терроризмом. Первым законодательным актом, который регулировал антитеррористическую деятельность стал принятый 13 июля 1999 года закон «О противодействии терроризму»². Всё это в совокупности затрудняло создание рычагов для оказания

давления на зарождающиеся террористические ячейки на территории Казахстана.

Также стоит отметить географическое положение Казахстана, которое явилось одной из предпосылок проникновения на территорию этой страны экстремистских идеологий. Отметим близость Казахстана к Кавказу и Ферганской области, так как оба этих региона имеют достаточно высокий уровень террористических инцидентов. Террористы в западном и центральном Казахстане имели тесные связи с группировками в северокавказском регионе России. В то время как террористы на юге Казахстана как правило имеют больше связей с группировками в Центральной Азии, в основном с террористическими организациями в Узбекистане. Кроме того, казахские террористы имеют косвенные связи с экстремистскими центрами в Афганистане и Пакистане. Доступ в которые осуществляется в основном через другие страны Центральной Азии.

Все эти факторы оказали прямое влияние на генезис и развитие терроризма в Казахстане. Они могли проявлять себя в разное время, что отложило отпечаток на истории развития террористической деятельности в Казахстане.

История терроризма в Казахстане

В целом к сегодняшнему дню террористическая активность на территории Казахстана уже имеет долгую историю, которую можно разделить на несколько этапов.

Временные рамки для первого этапа можно установить с момента обретения Казахстаном независимости в 1991 году и до середины 2000-х годов. В этот период формируются все основные предпосылки для становления и развития терроризма в Казахстане, которые впоследствии окажут влияние на его развитие. В этот период на территорию республики начинают проникать идеи ваххабизма из ближайших очагов террористической активности, в период с 1996 по 2001 Афганистаном управлял режим талибов. Уже в 1994 исследователи отмечают появление первых салафитских общин на территории республики [Мамырайымов Т. К. 11] Кроме

¹ Национальное статистическое управление Казахстана // Электронный ресурс URL: <https://stat.gov.kz> (Дата обращения: 01.06.2022)

² О противодействии терроризму // Электронный ресурс URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416> (Дата обращения: 01.06.2022).

того этот период выделяется тем, что в это время на территории Казахстана скрывались террористы, преследуемые за свои преступления в других странах. Например, в период с 2000 по 2004 органы внутренней безопасности республики задержали и экстрадировали на родину 8 граждан Узбекистана.

Также в этот период происходит первый акт насилия по отношению к гражданским лицам. Речь идёт о побеге заключённых и захвате ими автобуса с 11 заложниками в Чиилийском районе в феврале 1992 года. Это первый акт насилия, который может квалифицироваться как террористический акт, произошедший в Казахстане. В результате спецоперации Комитета национальной безопасности заложники были освобождены, а террористы ликвидированы. В целом первый период не отмечен значимыми террористическими актами, так как на данном этапе в основном происходит проникновение радикальных идей.

Второй этап берёт своё начало в середине 2000-х годов и завершается в 2011. В этот период на территорию Казахстана продолжают проникать экстремистские идеи и в этот временной отрезок можно наблюдать увеличение числа их сторонников среди граждан республики. Несмотря на то, что на самой территории Казахстана всё ещё не происходят масштабные террористические акты, граждане страны принимают участие в террористических операциях за рубежом. Например, 19 июля 2009 года спецназ Кыргызстана арестовал 18 человек, обвиненных в причастности к теракту в Бишкеке и Оше. По заявлениям киргизских правоохранительных органов в их число также входили и граждане Казахстана.

Также на этом этапе правительство Казахстана начинает более активно уделять внимание проблеме международного терроризма. Начиная с 2004 года, в республике постепенно попадают под запрет все крупные экстремистские движения. В 2004–2005 годах под запрет попадают: «Аль-каида», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламское движение Узбекистана»,

«Братья мусульмане», «Движение Талибан», «Жамаат моджахедов Центральной Азии»¹ и так далее. Кроме того, в информационном поле начинает чаще появляться информация о предотвращённых терактах в республике. Так, в 2009 году руководитель антитеррористического центра КНБ, генерал-майор Адиль Шаяхметов, заявил о том, в 2008 году было предотвращено четыре акта терроризма, а в 2009 году три².

На втором этапе терроризм в Казахстане постепенно начинает выходить на новый уровень, а именно на международный. Участились случаи участия граждан Казахстана в террористических операциях в сопредельных государствах, а также международные террористические организации обратили своё внимание на республику.

Третий этап террористической активности начинается в 2011 году и заканчивается в 2016. В этот период впервые террористические акты проводятся на территории Казахстана. Всего за это время было совершено более 9 громких терактов (см. табл. 1).

¹ Перечень зарубежных организаций, запрещённых в РК // Электронный ресурс URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/religion/zaprewennyye_ord_anizacii (Дата доступа: 02.06.2022)

² КНБ в 2008 предотвратил четыре, а в 2009 три террористических акта // Электронный ресурс URL: <https://diapazon.kz/news/4780-knb-v-2008-godu-predotvratil-chetyre-v-2009-godu> (Дата доступа: 02.06.2022)

Крупные террористические акты с 2011 по 2016 годы

Дата	Место теракта	Описание	Жертвы
17.05.2011	Актобе	Подрыв взрывного устройства террористом-смертником.	Пострадало три человека.
31.10.2011	Атырау	Взрыв у акимата и взрыв во дворе жилых домов, недалеко от здания прокуратуры.	Погиб один террорист, среди населения жертв нет.
12.11.2011	Тараз	Нападение на охотничий магазин, расстрел сотрудников правоохранительных органов, попытка подрыва гранаты.	Погибло восемь человек, включая самого террориста.
03.11.2011	Бородай (Алматинская область)	Штурм дома террористов, которые за несколько дней до этого застрелили двоих полицейских.	В ходе штурма погибло двое сотрудников спецназа.
11.07.2012	Таусамал (Алматинская область)	Детонация взрывчатых веществ в частном доме, в котором располагался склад боеприпасов террористов.	Погибли находившиеся в помещении террористы.
13.08.2012	Иле-Алатауский национальный парк (Алматинская область)	Массовое убийство в национальном парке, где был расположен укрепленный блиндаж террористов. В дальнейшем МВД связывало этот теракт со взрывом в жилом доме в Таусамале.	Погибло 12 человек.
14.09.2012	Атырау	Нападение на полицейский участок.	Погиб один сотрудник и двое ранено.
05.06.2016	Актобе	Нападение на два оружейных магазина и последующее нападение на воинскую часть.	Погибло 7 граждан и около 38 было ранено.
18.07.2016	Алматы	Нападения на полицейских при помощи огнестрельного оружия.	Погибло 10 человек.

Таким образом в период с 2011 по 2016 на территории Казахстана был совершён ряд крупных террористических актов, в результате которых пострадало большое количество граждан. Как правило террористы выбирали своей мишенью сотрудников правоохранительных органов. Одной из причин столь масштабной террористической активности можно назвать отмену действия закона «О свободе вероисповедания и религиозных общинах», что вызвало недовольство среди

приверженцев экстремистской идеологии, которая могла относительно спокойно проникать на территорию Казахстана, не попадая под серьёзные ограничения.

Четвёртый этап в истории терроризма в Казахстане продолжался с конца 2016 по 2022 год. В данный период ощущаются последствия разгула террористической активности на третьем этапе, вследствие которой органы национальной безопасности республики усовершенствовали методы борьбы с терроризмом, также свою роль

сыграло участие Казахстана в антитеррористических учениях и программах ШОС и ОДКБ. Также показательной является статистика осуждённых за террористическую деятельность. Если в 2003 г. осуждённых за террористическую деятельность было 16 человек, в 2004 г. – 20, 2005 г. – 6, то в 2019 г. это число возросло до 140 человек [Калдыбек А. 2021: 11]. В целом этот этап отмечается отсутствием крупных террористических атак и многие террористические ячейки перешли в режим спящих.

Пятый этап начался с массовых протестов в начале 2022 года и продолжается до сих пор. Разгорелись протесты 2 января в Жанаозене, в результате повышения цен на сжиженный газ. Вскоре протесты перекинулись на другие регионы Казахстана и к экономическим требованиям прибавились и политические, в том числе и радикального характера. Также к протестам присоединились представители экстремистских взглядов, которые после 2016 года ушли от активной деятельности.

Наиболее крупные очаги террористической активности в начале 2022 года

Место	Описание	Жертвы
Алматы	Штурм и поджог правительственных зданий, нападения и убийства сотрудников полиции и мирных жителей, мародёрство.	Погибло 160 человек, из них 11 сотрудников полиции. Сотни человек получили ранения.
Актобе	Штурм правительственных зданий, покушение на жизнь сотрудников правоохранительных органов, мародёрство.	Причинены телесные повреждения различной степени тяжести 17 сотрудникам полиции
Актау	Мародёрство, нападение на военнослужащих и сотрудников полиции.	Нет данных о пострадавших

Важно отметить, что большинство из требований протестующих было исполнено правительством Токаева, однако присоединение радикалов сделало невозможным мирное разрешение социального конфликта. В результате протесты переросли в погромы магазинов, поджог правительственных зданий, убийства сотрудников внутренних органов. Впоследствии 7 января на территорию Казахстана были введены вооружённые силы ОДКБ, по обращению президента республики к председателю ОДКБ, которые приняли участие в антитеррористической операции.

В целом правомерно выделить эти события как начало нового этапа терроризма в Казахстане, так как впервые терроризм в республике вышел на столь масштабный уровень, что правительство было вынуждено обращаться за иностранной помощью. Кроме того, отголоски январских событий сохраняются до сих пор. 5 июня в Казахстане прошло голосование по поправкам в конституцию, которые были

вызваны событиями января 2022 года и в этот же день президент республики Токаев назвал эти события террористической атакой¹.

Характеристика терроризма в Казахстане

Во-первых, в Казахстане продолжают активно действовать религиозные экстремистские организации. 12 октября 2006 года Казахстан официально объявил список из двенадцати новых запрещённых организаций, связанных с террористической деятельностью. Среди них Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Исламская партия освобождения, Организация освобождения Восточного Туркестана и другие.² В 2012 году наблюдался рост числа

¹ Токаев назвал январские события в Казахстане террористической атакой // Электронный ресурс URL: <https://ria.ru/20220605/ataka-1793223599.html> (Дата доступа 06.06.2022)

² Решение комитета секретарей Советов безопасности // Организация договора о коллективной безопасности. Электронный ресурс

террористических нападений, в основном против полиции и властей, в форме групп и отдельных лиц, а также увеличение числа нападений террористов-смертников. «Солдаты халифата» стали основной религиозной экстремистской группировкой, и они неоднократно брали на себя ответственность за ряд терактов в Казахстане. А в 2016 году 25 человек погибли в результате теракта в Актобе. По цели терроризм в Казахстане можно разделить на два вида: терроризм с политическими целями, в основном в форме оппозиции нынешнему режиму и убийств государственных служащих аппарата государственной безопасности; и терроризм с целью создания халифата в Казахстане и даже всей Центральной Азии [Сунь Ли, У Хунвэй 2013: 14].

Во-вторых, террористические организации в Казахстане тесно связаны с иностранными террористическими организациями. Высокого уровня достигло сотрудничество между многими террористическими организациями Казахстана и пакистанскими террористическими организациями. Например, «Солдаты Халифата» выступили с инициативой связаться с пакистанскими террористами за руководством перед совершением преступления. Лидеры «Солдат Халифата» в приграничных районах Афганистана и Пакистана хорошо знали действия филиалов в Казахстане. Лашкар-е-Тайба вербует через «Солдаты халифата», а затем отправляет их в Пакистан для обучения. Спецслужбы США полагают, что «Солдаты халифата» также может быть зарубежной добровольной организацией «Сети Хаккани» [Цзя Ю 2014: 16].

В-третьих, сетевую структуру имеют террористические организации в Казахстане, которые состоят из большого количества подсистем, работающих параллельно. Это повышает их гибкость и интенсивность. Если взять в качестве примера движение ваххабитов в Казахстане, сетевая структура этой организации имеет несколько характеристик [Ван Цайся 2017:

21]: лидеры организации, как правило, только номинальные, в основном богатые бизнесмены, скрывающиеся за границей, и их трудно арестовать; идеологический центр, отвечающий за издание книг, находится за границей; система пропаганды распространяет в мечетях нелегальные книги, кассеты и т. д.; большинство тренировочных лагерей скрыто за пределами страны; подземные транспортные линии отвечает за подкуп государственного транспортного департамента с целью решения вопроса; агентства по сбору средств в основном находятся в тесном контакте с международными бандами контрабанды наркотиков.

В-четвёртых, казахстанские террористы имеют отличительные черты. Тенденция омоложения мусульман в Казахстане очевидна, поэтому религиозно-экстремистские силы имеют хорошую социальную базу. По словам директора Бюро по делам религий в регионе Атырау, 90% мусульман региона относятся к возрастной группе от 13 до 30 лет и находятся под влиянием радикального салафитского религиозного экстремизма [Сунь Ли, У Хунвэй 2013: 56–57]. Террористы в Казахстане, в основном, местные граждане, большинство из них женаты, бороды не стригут в знак благочестия, но и чтобы избежать привлечь к себе внимание; они в целом незнакомы с интернет-технологиями, не имеют стабильной работы или имеют низкие доходы; они поклоняются силе, радикальны и смотрят на Соединённые Штаты свысока как на величайшего сатану. По интересам увлекается спортом и оружием, увлекается стрелялками в онлайн-играх типа «CS», имеет небольшой круг общения и в основном общается только с членами организации [Цзя Ю 2014: 23].

В-пятых, частая контрабанда наркотиков, подпитывающая терроризм. С

¹ Доклад о свободе вероисповедания в казахстане // Konrad adenauer stiftung. Электронный ресурс Url: https://www.kas.de/documents/266501/0/RUS_Fin+%281%29.pdf/eb89d76c-73ef-53ff-f728-c3d4e5b858dc?version=1.0&t=1600950070679 (дата обращения 01.06.2022)

Url: https://antiterror.odkb-csto.org/terror_orgs/ (дата обращения 25.05.2022)

выводом Международных сил содействия безопасности из Афганистана в 2014 году обострилась и ситуация с контрабандой наркотиков в Казахстане. С июня по октябрь 2012 г. в Казахстане была проведена общенациональная спецоперация по борьбе с наркопреступлениями под кодовым названием «Мак-2012», в ходе которой было изъято 20 тонн наркотиков и выявлено 1307 наркопреступлений¹. С 25 по 31 января 2013 года Антинаркотический комитет МВД РК раскрыл 76 наркопреступлений и изъял 38 килограммов различных наркотиков². Члены казахстанских религиозно-экстремистских организаций также участвовали в войне в провинции Бадахшан, Афганистан, стремясь усилить своё международное влияние, а также с помощью сбора средств, незаконного оборота наркотиков и других методов сбора денег. [Сюй Хайян 2015: 166–167]

Борьба с терроризмом в Казахстане

Прежде всего, это борьба с экстремизмом и терроризмом путём совершенствования соответствующих законов. В целях эффективного противодействия экстремизму и терроризму в 2004 году в Казахстане был принят Закон о противодействии экстремистской деятельности³. Законопроект уточняет понятие «экстремистская деятельность» и делит экстремизм на три вида: «политический экстремизм», «этнический экстремизм» и «религиозный национализм». Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев также поручил разработать утверждённую в сентябре 2013 года Национальную программу противодействия религиозному экстремизму и терроризму на 2013–2017

годы⁴, направленную на устранение условий для терроризма и религиозно-экстремистской деятельности.

Во-вторых, поддержание хороших отношений с международными и региональными державами. В последние годы Назарбаев активно участвовал в международных делах, усилиями его режима постоянно повышался статус Казахстана в международном сообществе. В 2010 году в качестве бессменного председателя ОБСЕ Назарбаев успешно провёл саммит ОБСЕ в Казахстане, что, несомненно, является крупной дипломатической победой для только что созданного за 20 лет Казахстана. Казахстан активно стремится к расширению своего влияния в международных делах, и принял на себя ротационное председательство Организации исламского сотрудничества в июне 2011 года после того, как в 2010 году принял ротационное председательство ОБСЕ. 28 июня 2011 г. в Астане, столице Казахстана, состоялась 38-я встреча министров иностранных дел Организации Исламская конференция, на которой было принято решение, объявляющее, что ОИК официально переименована в «Организацию исламского сотрудничества». Организация Исламская конференция была создана в 1970 году и насчитывает 57 государств-членов, Казахстан стал членом организации в 1995 году⁵. Явная светская идентичность Казахстана и усилия по активному укреплению международного сотрудничества в определенной степени признаются западным миром, что, в свою очередь, способствует укреплению его статуса региональной державы. Кроме того, правительство Казахстана выразило намерение укреплять антитеррористическое

¹ В Казахстане за полгода изъято 20 тонн наркотиков // Электронный ресурс URL: <https://news.sohu.com/20121103/n356522174.shtml> (дата обращения 02.06.2022)

² В Казахстане за неделю изъяли 38 кг наркотиков // Электронный ресурс URL: <http://www.people.com.cn/GB/8722/11140/237524/index1.html> (дата обращения 02.06.2022)

³ О проекте Закона Республики Казахстан "О противодействии экстремистской деятельности" // Электронный ресурс URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P040000400> (дата обращения 02.06.2022)

⁴ О Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы // Электронный ресурс URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648> (дата обращения 02.06.2022)

⁵ Қазақстан Республикасы және Ислам ынтымақтастық ұйымы // Қазақстан Республикасы Сыртқы істер министрлігі // Электронный ресурс URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/600?lang=kk> (дата обращения 02.06.2022)

сотрудничество с Соединёнными Штатами, особенно в области обмена информацией и сотрудничества правоохранительных органов, а также в развитии способности Казахстана проводить специальные антитеррористические операции. Стоит отметить, что Шанхайская организация сотрудничества также играет важную роль в борьбе Казахстана с терроризмом.

В-третьих, путём стабилизации политики и развития экономики. Признавая важность политической стабильности для социальной стабильности, Казахстан предпринял шаги по стабилизации политики. Назарбаев признан миром как президент с железной рукой. За годы работы он создал в Казахстане политическую структуру большого президента, маленького правительства и слабого парламента. [Сюй Хайян 2015: 166]. Хотя вопросы безопасности сложны, причины насилия и конфликтов включают несправедливость и нищету. Признавая это, Казахстан стремится развить свою экономику, а средства к существованию его населения относительно хороши по сравнению с другими странами Центральной Азии. В первое десятилетие 21 века Казахстан входил в десятку самых быстрорастущих экономик мира, и президент Назарбаев получил широкую поддержку. В последние годы экономика Казахстана динамично развивается, среднегодовой рост национальной экономики остаётся выше 8%. В 2011 году ВВП на душу населения достиг 11 300 долларов США. Заработная плата на душу населения является самой высокой среди стран Центральной Азии. [Сюй Хайян 2015: 167].

Кроме того, предотвращение проникновения религиозного экстремизма, путём усиления управление сайтами. В ответ на онлайн-экстремизм с 2011 по 2012 год суды всех уровней в Казахстане закрыли 950 сайтов, поддерживающих экстремизм и терроризм [Чжоу Чжэнь 2018: 22]. Более того, существует множество экстремистских веб-сайтов, которые настраивают серверы за границей, так что правительство Казахстана обратилось за помощью к соответствующим

странам, чтобы их закрыть. Ввиду того, что большинство участников террористической деятельности составляют молодые люди, в сентябре 2012 года министр образования и науки РК Жумагулов заявил, что в казахстанских вузах и общеобразовательных школах будет внедрена система, призванная различать традиционный ислам и исламский экстремизм, и создать фонд защиты интересов молодёжи для предотвращения религиозного экстремизма и правонарушений среди молодёжи [Чжоу Чжэнь 2018: 23]. Кроме того, в декабре 2012 года Казахстан запустил веб-сайт по борьбе с терроризмом с целью информирования граждан Казахстана, особенно молодёжи, об опасностях экстремистских организаций и недопущения их контакта с такими организациями.

Заключение

Как упоминалось выше, хотя Казахстан сталкивается с меньшей угрозой терроризма, чем другие страны Центральной Азии, и имеет более сильный контроль над внутренним обществом и границами, его ситуация с терроризмом все ещё остаётся сложной. Хотя казахстанская профилактика террористических преступлений имеет свои недостатки, она постоянно выступает против радикализации населения, усиливает пропаганду общественного мнения против экстремизма и просвещения в идеологической и культурной сферах, делает акцент на совершенствовании соответствующих законов и нормативные акты, строго следят за соблюдением закона; стабилизирует политику, развивает экономику и контролирует общественное мнение; усиливает сетевое управление для предотвращения проникновения религиозного экстремизма; проводит относительно взвешенную этническую политику, способствует гармонизации межнациональных отношений и другие меры по пресечению экстремизма и снижению террористические преступления, поэтому, можно сказать, что в Казахстане достигли неких успехов по борьбе с терроризмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абуова Ж. У.* Возникновение безработицы в Республике Казахстан в постсоветский период // *European research*. 2017. С. 41–43.
- Ван Гуаньюй* Текущее положение основных исламских экстремистских организаций в Центральной Азии // *Международная ситуация*. 2005. С. 200.
- Ван Цайся* Исследование исламского экстремизма в Казахстане // *Журнал Синьцзянского университета*. 2017. С.21.
- Ибраев Е.Е.* Противодействие к религиозному экстремизму и терроризму в Казахстане // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2019. С. 74–78.
- Калдыбек А.* Терроризм и насильственный экстремизм в СНГ на примере Республики Казахстан // *Постсоветские исследования*. 2021. С. 388–399.
- Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А.* Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 2. С. 315–327.
- Ли Жуйшэн и Ма Юэчэн* Религиозно-экстремистские террористические преступления и их предотвращение в Центральной Азии // *Global Law Review*. 2013. С. 34.
- Мамырайымов Т. К.* Терроризм в Казахстане: факторы и природа // *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН*. 2013. С. 81–92.
- Николашвили Н. Д.* Роль Шанхайской Организации Сотрудничества в борьбе с террористической угрозой на постсоветском пространстве // *Журнал Постсоветские исследования*. Т.3. №8. 2020. С.633-640.
- Плотников А. В.* К вопросу юридического определения понятия «международный терроризм» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2009. №3. С. 105–107.
- Рахимов К. Х. Курылев К. П.* Роль Шанхайской Организации Сотрудничества в обеспечении безопасности в центральной Азии. Москва, Издательские решения, 2018.
- Су Чанг* Об агломерационном эффекте угроз безопасности в Центральной Азии // *Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии*. 2018. С.116-135.
- Сунь Ли, У Хунвэй* Доклад о развитии стран Центральной Азии // *Издательство литературы по социальным наукам*. 2013. С.14.
- Сюй Хайян* Казахстан: жемчужина Нового Шёлкового пути // *Городской университет Гонконга*. 2015. С. 166–167.
- Цзя Ю.* Международный терроризм и борьба с терроризмом // *Антитеррористический исследовательский центр Китайского института современных международных отношений*. 2014. С. 16–23.
- Чжоу Чжэнь* Анализ современной контрэкстремальной ситуации в Центральной Азии // *Исследования Центральной Азии*. 2018. С. 22–23.

REFERENCES

- Abuova Zh. U.* The emergence of unemployment in the Republic of Kazakhstan in the post-Soviet period // *European research*. 2017. С. 41–43.
- Ibraev E.E.* Counteraction to religious extremism and terrorism in Kazakhstan // *Actual scientific research in the modern world*. 2019. S. 74–78.
- Jia Yu* International terrorism and the fight against terrorism // *Anti-Terrorist Research Center of the Chinese Institute of Contemporary International Relations*. 2014. S. 16–23.
- Kaldybek A.* Terrorism and violent extremism in the CIS on the example of the Republic of Kazakhstan // *Post-Soviet Studies*. 2021, pp. 388–399.
- Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Hotivrishvili A.A.* Migracionnye potoki iz Central'noj Azii v strany Evropejskogo soyuza // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. T. 18. № 2. S. 315–327.
- Li Ruisheng and Ma Yuechen* Religious extremist terrorist crimes and their prevention in Central Asia // *Global Law Review*. 2013. С. 34.

- Mamyrayimov T. K.* Terrorism in Kazakhstan: factors and nature // National Research Institute of World Economy and International Relations named after. EAT. Primakov RAS. 2013. S. 81–92.
- Nikolashvili N.D.* The role of the Shanghai Cooperation Organization in the fight against the terrorist threat in the post-Soviet space // Journal of Post-Soviet Studies. T.3. No. 8. 2020. P.633-640.
- Plotnikov A.V.* To the question of the legal definition of the concept of "international terrorism" // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2009. №3. pp. 105–107.
- Rakhimov K.Kh. Kurylev K.P.* The role of the Shanghai Cooperation Organization in ensuring security in Central Asia. Moscow, Publishing Solutions, 2018.
- Su Chang* On the agglomeration effect of security threats in Central Asia // Study of Russia, Eastern Europe and Central Asia. 2018. C.116-135.
- Sun Li, Wu Hongwei* Report on the development of the countries of Central Asia // Publishing house of literature on social sciences. 2013. P.14.
- Wang Caixia* Study of Islamic extremism in Kazakhstan // Journal of Xinjiang University. 2017.C.21.
- Wang Guanyu* The current situation of the main Islamic extremist organizations in Central Asia // International situation. 2005. C. 200.
- Xu Haiyan* Kazakhstan: the pearl of the New Silk Road // City University of Hong Kong. 2015. C. 166–167.
- Zhou Zhen* Analysis of the modern counter-extreme situation in Central Asia // Research in Central Asia. 2018. C. 22–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Понька Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, e-mail: ponka_ti@rudn.university

Сиголаев Кирилл Владимирович – магистр в области международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, e-mail: 1032211918@pfur.ru.

У Цзисинь – магистрант в области международных отношений, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, e-mail:1032165729@pfur.ru.

Tatyana I. Ponka – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. Moscow, Russia, e-mail: ponka_ti@rudn.university

Kirill V. Sigolaev – Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia, e-mail: 1032211918@pfur.ru.

Wu Jixin – Master in International Relations, RUDN University. Moscow, Russia, e-mail: 1032165729@pfur.ru.

Республика Казахстан: этническая идентичность и изобретение традиций

М. Ш. Кабазиев

*Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
e-mail: m.kabaziev@sszi.kz*

Аннотация. В статье анализируются причины изобретения новых традиций в период становления независимого Казахстана. Автор опирался на конструктивистский подход при исследовании этнических процессов, где был сделан упор на изменчивой, ситуативной и субъективной природе этничности. Согласно теории конструктивизма этнос - это искусственное образование, результат целенаправленной деятельности самих людей. То есть предполагается, что этничность и этнос являются не некой данностью, а результатом созидания. Автором было установлена взаимосвязь между мифологизацией истории, изобретением традиций и созданием национального государства. Различные интерпретации общих исторических событий приводят к рождению исторических мифов, которые впоследствии превращаются в «войны памяти» между народами. Изобретенные традиции используются при решении коллективных задач. Автор приходит к выводу, что традиционные институты, являющиеся наследием прошлых эпох, играют значительную роль в жизни современного Казахстана. Зачастую, многие открытые «казахские» традиции являются относительно новыми, по крайней мере, в той форме, в которой они были введены после приобретения независимости, именно поэтому речь идет о «изобретенных традициях». Мифологизированная история воспитывает граждан как наследников великой и сильной нации. Укреплению этих взглядов способствуют и изобретенные традиции. Этническая принадлежность движет действиями людей и дает им ощущение жизни. Вера в долгую общую историю укрепляет и узаконивает этнические связи казахов. Изобретенные традиции используются при решении коллективных задач.

Ключевые слова: этническая идентичность, изобретение традиций, мифологизация истории, государство, религия, ценности, государство.

Для цитирования: Кабазиев М. Республика Казахстан: этническая идентичность и изобретение традиций // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):612-619.

The Republic of Kazakhstan: Ethnic identity and the invention of traditions

Manarbek Sh. Kabaziyev

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
e-mail: m.kabaziev@sszi.kz*

Annotation. The article analyzes the reasons for the invention of new traditions during the formation of independent Kazakhstan. The author relied on a constructivist approach in the study of ethnic processes, where emphasis was placed on the changeable, situational and subjective nature of ethnicity. According to the theory of constructivism, an ethnos is an artificial formation, the result of purposeful activity of the people themselves. So it is assumed that ethnicity and ethnic group are not a given, but the result of creation. The author has established the relationship between the mythologization of history, the invention of traditions and the creation of a national state. Different interpretations of common historical events lead to the birth of historical myths, which later turn into "memory wars" between nations. The invented traditions are used in solving collective tasks. The author comes to the conclusion that traditional institutions, which are the legacy of past eras, play a significant role in the life of modern Kazakhstan. Often, many open "Kazakh" traditions are relatively new, at least in the form in which they were introduced after independence, which is why we are talking about "invented traditions". Mythologized history educates citizens as heirs of a great and

strong nation. Invented traditions also contribute to strengthening these views. Ethnicity drives people's actions and gives them a sense of life. Belief in a long common history strengthens and legitimizes ethnic ties of Kazakhs. The invented traditions are used in solving collective tasks.

Keywords: ethnic identity, the invention of traditions, the mythologization of history, the state, religion, values, government.

For citation: Manarbek Sh. Kabaziyev. The Republic of Kazakhstan: Ethnic identity and the invention of traditions // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2022; 6(5):612-619 (In Russ.).

Введение. В данной научной статье, основываясь на методологии Э. Хобсбаума, мы попытаемся проанализировать причины изобретения новых традиции в период становления независимого Казахстана. Обратимся к методологическим вопросам формирования национальной идентичности и роли в этом процессе изобретение традиций. «Изобретенная традиция» - это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени. Действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом. Специфика «изобретенных традиций» заключается в том, что их связь с историческим прошлым фиктивна. Изобретение традиций - это процесс формализации и ритуализации. Его отличают также отсылки к прошлому. Нет ни одного периода времени и ни одного места, где не было бы случаев «изобретения» традиции. Чаще всего традиция изобреталась в ходе радикального преобразования общества. Интересным представляется использование старинных материалов для того, чтобы сконструировать изобретенную традицию нового типа, служащую новым целям» [The Invention..., 1983: 14].

Как считают авторы сборника «Изобретение традиции»: «Все изобретенные традиции, насколько полно это, возможно, используют историю как легитиматор действий и цемент групповой сплоченности. Как только история превращается в кладезь знаний или идеологию нации, государства или

движения, она становится не тем, что сохранилось в народной памяти, а тем, что было отобрано, написано, запечатлено, популяризовано и институализировано теми, перед кем стояла эта задача, по ходу того, как происходит создание, демонтаж и реструктуризация образов прошлого, принадлежащих не только миру специальных научных исследований, но и публичной сфере политического бытия» [The Invention..., 1983: 15].

Размышляя о причинах появления изобретенной традиции Дж. Хоскинг приходит к выводу, что изобретенные традиции – это адаптированные и видеизмененные традиции, которые уже существовали в той или иной форме. По мнению ученого, процесс изобретения традиции образующихся наций проходит 3 стадии: «Стадия «А», - период научного интереса, когда этнографы, лингвисты, и историки изучают народные обычаи, ритуалы, традиции и основываясь на них, формируют «культурный пакет», предназначенный для более широкого распространения. На стадии «В» политики берут из сформированного «культурного пакета» необходимые им элементы, и используют для ведения в народе патриотической агитации. Затем следует стадия «С», когда - наступает подъем массового национального движения» [Хоскинг, 2000: 10].

По мнению казахстанского исследователя А. Галиева: «Изобретенная традиция является своего рода ритуалом, должным проиллюстрировать и закрепить конструируемое прошлое, то есть оно находится с мифологизированной историей в

тех же отношениях, как миф с ритуалом» [Галиев, 2018]¹.

Мифологизация истории и изобретение традиции. Формой существования мифологизированной истории являются стереотипы и изобретение традиций. Всем мифам свойственны общие черты. Так они основаны на идее автохтонизма, то никаких внутренних побудительных мотивов к эволюции культуры они не обнаруживают. Именно в силу этого обстоятельства, для понимания происходящих процессов, они часто обращаются к факторам внешнего воздействия (например, к теории катастроф), которым отводится главная движущая роль в историческом процессе. Еще одной характеристикой является «мировое зло», с которым данный народ самоотверженно сражается. Нередко оно персонифицируется в образе «какого-либо реального «народа-врага» (для армян, таджиков и лезгин ими являются турки и т.д.). Все перечисленные обстоятельства побуждают народ сниматься с насиженного места и расселяться по всей земле, распространяя свою высочайшую культуру среди остальных более отсталых, примитивных народов [Галиев, 2018]².

Гигантомания также характеризует этнонационалистическую версию истории. Ведь если только данный народ – «культуртрегер» призван нести миру свет, то для этого он должен путешествовать по всему земному шару. Отсюда возникает и идея мессианства [Шнирельман, 1999: 41].

Следует отметить, что формирование мифологизированного образа истории не является только «конструктивным» действием, поскольку оно также имеет и огромное «инструментальное» значение [Коренько, 2000: 48]. Под последним понимается использование истории в качестве инструмента, прежде всего в политических целях. Когда история не способна оправдать войны и завоевания, захват территорий, революций (или

наоборот, - контрреволюции), власть одного класса, народа или расы над другими, ее изобретают, создают [Томпсон, 1989: 13].

Мифологизация истории определяется древнейшим стереотипом менталитета человечества, своего рода архетипом - правом первого захвата. Именно отсюда берут начало истоки желания найти свидетельства о как можно более древней истории народа, попытки как можно глубже отодвинуть ее истоки.

Связь исторического знания с политической властью была актуальна уже в древности. Известный американский этнопсихолог Дж. Де Вос в ряде работ рассматривает этническую идентичность как некую форму идентичности, которая «воплощается в культурной традиции и обращена в прошлое в отличие от других форм групповой идентичности, ориентированных на настоящее и будущее» [Стеваненко, 1999: 211]. Эта же идея, несколько в иной форме, высказывается и многими российскими исследователями. Так, в частности, Г. Солдатова говорит о том, что основная опора идентичности этноса, это некая идея или мифологизированное представление об общих истоках культуры, происхождении и, наконец, истории [Солдатова, 1998: 187].

Казахстанский исследователь Кагазбаева Э.М. на примере турецко-армянского конфликта показала как общая история используется государствами в политических целях. В частности, Турецкая Республика и Армянская Республика в рамках различных дискурсивных конструкций по разному интерпретируют исторические события 1915 года. Различные интерпретации общих исторических событий приводят к рождению исторических мифов, которые впоследствии превращаются в «войны памяти» между народами [Кагазбаева, 2018].

Л.Дробужева отмечает, что в существующих условиях унификации традиционных этнических культур, вместе с

¹ Галиев А.А. Изобретенные традиции в контексте мифологизированной истории. Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 3 (15), 2018: URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/953> (дата обращения: 09.05.2022)

² Галиев А.А. Изобретенные традиции в контексте мифологизированной истории. Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 3(15), 2018: URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/953> (дата обращения: 09.05.2022)

необратимым сокращением этнодифференцирующих маркеров растет роль общности исторической судьбы как значимого символа единства этноса [Дробижева, 1991: 7]. Эти тезисы подтверждаются и результатами исследований В. Шнирельмана [Shnirelman, 1993].

Столь же важная роль принадлежит мифологизированной истории в создании национального государства. «Вполне очевидно, – пишет Э. Хобсбаум, – сколь привлекательной – ввиду потенциального воздействия на массы – может быть традиция государственности для современного национализма, цель которого – становление нации в форме территориального государства. Это заставляло некоторые из национальных движений выходить далеко за пределы реальной исторической памяти своих народов, дабы отыскать в прошлом подобающее (и подобающим образом внушительное) национальное государство. Так обстояло дело с армянами, которые после I в. до н.э. не имели сколько-нибудь крупного государства, и с хорватами, чьи националисты видели в себе (без особых оснований) наследников «хорватской политической нации» [Хобсбаум, 1998: 28].

Причины создания мифологизированной истории разнообразны: от утешения собственных амбиций до легитимации претензий на самоопределение, самостоятельную государственность и правящего режима. Иначе говоря, мифологизация прошлого имеет не только конструктивистское, но и инструментальное значение. В выполнении этой функции история, в силу своей объективности, порой не способна выполнить, к примеру, задачи интеграции, но с ней с лёгкостью, так же как и с дезинтеграцией, справляется мифологизация.

Поиск идентичности независимого Казахстана. После распада Советского Союза Казахстан должен был четко определить свою идентичность. Социогуманитарная наука Казахстана начала испытывать подъем, связанный с тем, что многие ранее закрытые темы получили освещение, начали выпускаться новые научные журналы, вышли в свет

исследования запрещенные советской цензурой. Безусловно, профессиональные историки и политологи сохраняют научные традиции и не участвуют в формировании мифологизированной истории. Однако наряду с наукой появился и ее мифологизированный вариант. Как правило он создается представителями технических наук и к сожалению активно участвует в формировании исторического самосознания общества. Главная цель этих «исследований» – это удревление прошлого того или иного племени, рода, жуза. Так, физик Е.С. Омаров сделал «открытие» что кипчаки являются потомками скифов и саков. Не менее древние предки у аргынов – эфталиты. Эта же идея лежит в основе работы инженера Ш.Т. Куанганова Куанганова [Омаров, 1997: 34]. В соответствии с этой идеей гунны и скифы провозглашаются казахами. Делаются попытки доказать казахскую принадлежность великого правителя – Чингизхана. Кандидат технических наук К. Данияров в «Предисловии» своей книги пишет о том, что отец и мать великого завоевателя происходили из казахских родов: Есукей хан из рода Кият, а Оян, мать Чингисхана, из рода Меркит [Данияров, 2007: 42].

По мнению доктора геолого-минералогических наук А.А. Байбатша люди возникли в одинаковое геологическое время и в трех независимых друг от друга очагах, одним из которых были Казахские степи, откуда появился вид «казахантропы» и около 2500 лет назад от них произошел казахский народ [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007: 40].

Безусловно, мифологизированная история опирается на сфальсифицированные источники и, как правило, такие «исторические сочинения» появились в начальный период становления независимого государства, когда формировалась идеология национально-государственного строительства [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007:168].

Возрождение и становление государственности в Казахстане связано с возрождением, которое в конструктивизме называется «изобретением традиции», что относится и к возрождению традиционных

институтов. Так, почти во всех районах Казахстана стали возрождаться институт советов старейшин (аксакалов). Как правило, они существуют при исполнительных органах (акиматах) различного уровня и действуют на общественных началах.

Интересная трансформация системы «жузов» произошла на современном этапе развития Казахстана. Проблема жузов стала проблемой трайбализма, что выражается в закреплении позиций того или иного рода (жуза) в какой-либо сфере деятельности и в получении рычагов власти. Сложные экономические условия, которые сопровождают становление любого государства, способствуют возрождению и развитию трайбализма. В частности, молодежь коренной национальности в поисках работы мигрируют в города и, оказавшись в незнакомой среде, группируются по земляческому, родовому признаку и получают определенную поддержку.

По мнению доктора исторических наук Галиева А. А.: «Созданию нации способствовал и праздник Наурыз, который также можно отнести к изобретенной традиции, так как первоначальный исторический смысл праздника был изменен и воспринимался современными казахами как символ исторической непрерывности. Для мультиэтнического населения Казахстана в конце советской эпохи задачей Наурыза стало выражение и закрепление межэтнического согласия народов» [Галиев, 2018]¹. По мнению исследователя Андреа Шмитс Наурыз является «изобретенной традицией», так как форма и значение праздника изменилась с конца 80-х годов XX века и воспринимался жителями страны (считающими себя мусульманами) как наследие казахов.

Показательным примером изобретения традиции является использование имени партии «Алаш» как националистической партии. На самом деле это исторический миф, так как лидер партии А. Букейханов относил себя к «западническому направлению» общественного движения казахов и видел будущее своего народа в

составе Российской демократической федеративной республики в качестве национал-территориальной автономии. Программный документ партии «Алаш» основывался на либерально-демократических ценностях. Используя данный миф, общественный деятель Арон Атабек в 1990 году создал националистическую партию и назвал ее «Алаш».

Возрождающимся институтом в независимом Казахстане является также ислам. После крушения марксистской идеологии был провозглашен возврат к общечеловеческим ценностям, под которыми стали понимать возрождение религии. Следует отметить, что возрождение данного института происходило под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. По мнению доктора исторических наук З.Г. Джалилова, поддержка официальной властью процесса возрождения ислама в казахстанском обществе преследовало две цели: во-первых, исламская религия сохранила свое влияние на определенные слои населения и государство стремилось использовать духовные ценности ислама для объединения общества; во-вторых, на основе поддержки религиозного возрождения проводить политику укрепления сотрудничества с мусульманскими странами» [Джалилов, 2016: 27]. Следует отметить, что на юге и западе Казахстана активны суфийские братства, идеология которых вступает в конфликт с традиционным исламом. В научном сообществе есть разные мнения о корнях ислама казахов: есть мнение, что ислам казахов не имел глубоких корней и является результатом русской политики. Мнения о широком распространении ислама среди казахов придерживается Н. Нуртазина [Нуртазина, 2008]. По мнению А. Султангалиевой современное «исламское возрождение» в Казахстане ничего общего не имеет с теми религиозными традициями, которые были в истории казахов, речь идет о совершенно новых явлениях и процессах [Султангалиева, 2014: 16]. По мнению политолога Д. Сатпаева: «В обществе

¹ Галиев А.А. Там же

присутствуют представления о том, что религиозная идентичность должна превалировать над этнической идентичностью»¹ [Сатпаев Д. (2017)]. Так, «в казахстанском обществе наблюдается «очень сильный раскол» по поводу того, с кем Казахстан должен себя ассоциировать – с Западом, Востоком, мусульманским миром – или вообще занимать нейтральную позицию»² [Сатпаев Д. (2017)]. На наш взгляд, важной проблемой при конструировании казахстанской идентичности является размытая самоидентификация. Данную проблему необходимо было решать сразу же после распада Советского Союза. Именно этим можно объяснить появление наших граждан в рядах ИГИЛ, а также споры о том, что должно быть заложено в основу казахстанской государственности – этническая, религиозная или гражданская идентичность. К сожалению, эти споры продолжаются и могут стать основой для будущих конфликтов.

Выводы. Мифологизация истории также не миновала Казахстан. Одна из причин данного явления заключается в том, что в современном казахском обществе до сих пор не искоренена традиция разделения на родоплеменные группы, среди которых группоцентрически ориентированные мифологизаторы создают приукрашенные истории своих родов, уводят их основание в глубокую древность. Также недостаточно подготовленные «исследователи» (как было показано выше – представители различных технических наук) автоматически зачисляют великого правителя Чигиз хана в казахи и создают «новую хронологию», удревняя историю народа до шумерского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данияров К. Альтернативная история Казахстана: езе раз о Чингисхане // Экономические стратегии-Центральная Азия / №1. – 2007. – С. 40–45
- Джалилов З. Г. Возрождение ислама в контексте новых реалий Казахстана. Мир Большого Алтая. 2(1.1.). 2016. С. 23–32

Этническая идентичность – это стабильный феномен, который претерпевает изменения с течением времени и в меняющихся условиях. Этническая идентичность и связанные с ней дискурсы влияют на поведение, образ жизни и ценности людей. Этническая принадлежность движет действиями людей и дает им ощущение жизни. Вера в долгую общую историю укрепляет и узаконивает этнические связи казахов. Изобретенные традиции используются при решении коллективных задач. Этническая идентичность может примирить различные религиозные группы, мусульманскую и христианскую идентичности в одном обществе.

На основании вышеизложенного можно предположить, что продолжает работать архаическая циклическая схема, подтверждающая преемственность развития. Вслед за хаосом перестройки в Казахстане новый этап развития понимается как гармония.

Таким образом, традиционные институты, являющиеся наследием прошлых эпох, играют значительную роль в жизни современного Казахстана. Зачастую, многие открытые «казахские» традиции являются относительно новыми, по крайней мере, в той форме, в которой они были введены после приобретения независимости, именно поэтому речь идет о «изобретенных традициях». Мифологизированная история, воспитывает граждан как наследников великой и сильной нации. Укреплению этих взглядов способствуют и изобретенные традиции.

¹ Сатпаев Д. Цель элиты – не потерять доступ к ресурсам. URL: <https://www.ratel.kz> (дата обращения: 13.07.2022)

² Сатпаев Д. Геополитика вносит сильный раскол в наше общество. URL: <https://camonitor.kz/27550->

[dosym-satpaev-geopolitika-vnosit-silnyy-raskol-v-nashe-obschestvo.html](https://camonitor.kz/27550-dosym-satpaev-geopolitika-vnosit-silnyy-raskol-v-nashe-obschestvo.html) (дата обращения: 13.07.2022)

- Дробизева Л.М.* Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Советская этнография. – 1991. - №1. - 376 с.
- Кагазбаева Э. М.* Политизированные версии прошлого (на примере турецко-армянского конфликта) // Вестник КазНПУ имени Абая: Серия «Социологические и политические науки». - №3(63). – 2018. – С. 21–27.
- Кореняко В.* Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов. – Аналитическая серия. – 2000. - Вып. 3. – 258 с.
- Масанов Н. Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И. В.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. - Алматы: Дайк-Пресс. – 2007. - 296 с.
- Нуртазина Н.Д.* Ислам в истории Казахстана: новые подходы и итоги изучения проблемы за 30-летие независимости (1991-2021) / Вестник КазНУ: Серия история. - №3 (102).-2021. – С. 3-11
- Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552-1917). – Смоленск: Русич, 2000. – 512 с.
- Шнирельман В.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. – М., 1999. – Вып. 2. – 654 р.
- Омаров Е.* Казахстан — наследник империи гуннов // Вестник университета «Кайнар». - 1997. - № 2. - С. 32–36
- Стеваненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Академический проект, 1999. – 320 с.
- Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
- Султангалиева А.* Пересматривая роль «религиозного возрождения» в Казахстане // Казахстан в глобальных процессах. – 40 (№2). – 2014. - С. 10–26
- The Invention of Tradition / eds. Hobsbawm E., Ranger T. – Cambridge 1983. – 320 p.
- Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. – М.: Высшая Школа, 1989. – 116 с.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
- Shnirelman V.* Struggle for Past: Ethnogenetic Studies and Politics in the USSR // 13th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. - Mexico City, 1993. - 420 p.

REFERENCES

- Daniyarov K.* Al'ternativnaya istoriya Kazahstana: eze raz o CHingiskhane // Ekonomicheskie strategii-Central'naya Aziya / №1. – 2007. – S. 40-45
- Dzhalilov Z.G.* Vozrozhdenie islama v kontekste novyh realij Kazahstana. Mir Bol'shogo Altaya. 2(1.1.). 2016. S. 23-32
- Dpobizheva L.M.* Etnicheckoe samocoznanie rucckix v sovremennyx ucloviyax: ideologiya i ppaktika // Sovetskaya etnografiya. – 1991. - №1. - 376 s.
- Hobcbaum E.* Nacii i nacionalizm posle 1780 g. – SPb.: Aletejya, 1998. – 306 s.
- Hocking Dzh.* Poccija: narod i imperiya (1552-1917). – Smolenck: Pucich, 2000. – 512 s.
- Kagazbaeva E.M.* Politizirovannye versii proshlogo (na primere turecko-armyanskogo konflikta) // Vestnik KazNPU imeni Abaya: Seriya «Sociologicheskie i politicheskie nauki». - №3(63). – 2018. –S. 21-27.
- Kopenyako V.* Etnonacionalizm, kvaziictopiografiya i akademicheckaya nauka // Peal'noct' etnicheckix mifov. – Analiticheckaya seriya. – 2000. - Vyp. 3. – 258 s.
- Masanov N.E., Abylhozhin ZH.B., Erofeeva I.V.* Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoj istoriografii Kazahstana. - Almaty: Dajk-Press. – 2007. - 296 s.
- Nurtazina N.D.* Islam v istorii Kazkhastana: novye podhody i itogi izucheniya problemy za 30-letie nezavisimosti (1991-2021) / Vestnik KazNU: Seriya istoriya. - №3 (102).-2021. – S. 3-11
- Omarov E.* Kazahstan — naslednik imperii gunnov // Vestnik universiteta «Kajnar». - 1997. - № 2. - S. 32-36
- Shnipel'man V.* Nacional'nye cimvoly, etnoictopichckie mify i etnopolitika // Teopeticheckie ppoblemu ictopicheckix iccledovanij. – M., 1999. – Vyp. 2. – 654 p.
- Shnirelman V.* Struggle for Past: Ethnogenetic Studies and Politics in the USSR // 13th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. - Mexico City, 1993. - 420 p.
- Soldatova G.U.* Pcixologiya mezhetnicheckoj nappyzhennocti. – M.: Smycl, 1998. – 389 s.
- Stevanenko T.G.* Etnopcixologiya. – M.: Akademicheckij ppoekt, 1999. – 320 s.

Sultangaliyeva A. Peresmatrivaya rol' «religioznogo vozrozhdeniya» v Kazahstane» // Kazahstan v global'nyh processah. – 40 (№2). – 2014. - S. 10-26

The Invention of Tradition / eds. Hobsbawm E., Ranger T. – Cambridge 1983. – 320 p.

Tompson P. Golos pposhlogo. Uctnaya ictopiya. – M.: Vyeshaya SHkola, 1989. – 116 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кабази́ев Манарбек Шакирович,	Manarbek Sh. Kabaziyev,
аспирант кафедры политологии Уральского	student of the Department of Political Science,
федерального университета им. Первого	Ural Federal University named after the First
Президента России Б.Н. Ельцина.	President of Russia B.N. Yeltsin.
Екатеринбург, Россия. E-mail:	Yekaterinburg, Russia. E-mail:
m.kabaziev@sszi.kz	m.kabaziev@sszi.kz

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ / SOUTH CAUCASUS

Научная статья / Research article

Прагматичная внешняя политика Ирана на Южном Кавказе

А. Г. Ибрагимов

*Бакинский Государственный Университет, Баку, Азербайджан
e-mail: ialimusa@mail.ru*

Аннотация. После революции 1979 года Иран принял внутреннюю и внешнюю политику, основанную на исламской идеологии. В рамках проводимой политики он занял прагматическую позицию на Кавказе. Иран выступает за сохранение текущего статус-кво вопреки изменениям, которые могут угрожать его национальной безопасности в регионе. Азербайджанские турки, живущие в стране, повлияли на отношение Ирана к Азербайджану. Поэтому ее отношения с Арменией строились с учетом этого фактора. Иран принял политику, которая пытается уравновесить Азербайджан с Арменией. Кроме того, Иран, изолированный от международного сообщества, пытался наладить тесные отношения с Грузией, которую он видел в стратегическом положении для выхода на европейский рынок. Однако между двумя странами сложились холодные отношения. Отодвинув свою религиозную идентичность на задний план, Иран попытался не отставать от нового геополитического уравнения на Кавказе с точки зрения безопасности. В статье рассматривается подход Ирана к Южному Кавказу и его отношения с Азербайджаном, Арменией и Грузией.

Ключевые слова: Ирана, Южный Кавказ. Азербайджан, Армения, Грузия.

Для цитирования: Ибрагимов А. Г. Прагматичная внешняя политика Ирана на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):620-626.

Pragmatic Foreign Policy of Iran in the South Caucasus

Alimusa G. Ibrahimov

*Baku State University, Baku, Azerbaijan
e-mail: ialimusa@mail.ru*

Abstract. After the 1979 revolution, Iran adopted a domestic and foreign policy based on Islamic ideology. As part of his policy, he took a pragmatic position in the Caucasus. Iran is in favor of maintaining the current status quo despite changes that may threaten its national security in the region. Azerbaijani Turks living in the country have influenced Iran's attitude towards Azerbaijan. Therefore, its relations with Armenia were built with this factor in mind. Iran has adopted a policy that tries to balance Azerbaijan with Armenia. In addition, Iran, isolated from the international community, tried to forge close relations with Georgia, which it saw in a strategic position to enter the European market. However, relations between the two countries were cold. By pushing its religious identity into the background, Iran has tried to keep up with the new geopolitical equation in the Caucasus in terms of security. The article examines Iran's approach to the South Caucasus and its relations with Azerbaijan, Armenia and Georgia.

Key words: Iran, South Caucasus. Azerbaijan, Armenia, Georgia.

For citation: Alimusa G. Ibrahimov. Pragmatic Foreign Policy of Iran in the South Caucasus // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;6(5):620-626 (In Russ.).

Факторы, влияющие на внешнюю политику Ирана

Факторы, влияющие на внешнюю политику Ирана, можно рассматривать по

трем направлениям: религиозная идентичность, иранская геополитика и иранская идентичность. Он призван сохранить свое существование, вынеся

революцию за свои пределы, обеспечить национальную безопасность за счет геополитических факторов и обеспечить национальную целостность через персидский язык и шиизм. Эти цели являются основными факторами, формирующими внешнюю политику Ирана.

После создания Исламской Республики в Иране внешняя политика Ирана строилась на исламской идентичности. Новый режим, построенный революцией, был сформирован в соответствии с идеологической структурой, основанной на учениях ислама и шиизма в рамках понимания Хомейни Велаяти Факих. В дополнение к этим учениям также воплощались антиколониальные дискурсы и дискурсы о полной независимости. Новый режим подчеркивал, что последует независимая политика «ни на Восток, ни на Запад» [Veliyev, 2007: 20].

В конституции, созданной после революции в Иране; Такие вопросы, как создание глобального исламского правительства, поддержка угнетенных в мире, защита независимости и территориальной целостности Ирана, защита прав мусульман раскрывают основную динамику нового режима [Dilek, 2011: 33–34]. Этот подход, разработанный Тегераном, претворяется в жизнь путем установления тесных контактов с исламскими группировками, особенно шиитами, и проведения активной внешней политики. Таким образом, Тегеран получил возможность мобилизовать шиитские группы в регионе и во всем мире и расширить свою внешнеполитическую перспективу режима [Demir, 2019].

Южнокавказский подход Ирана

Южный Кавказ, который в историческом процессе был полем битвы Ирана, России и Османской империи, продолжал привлекать своими богатыми энергетическими ресурсами и нестабильностью после холодной войны. Тот факт, что Закавказье является кризисным регионом в политическом, военном и этническом плане, влияет на национальную безопасность Ирана. Из-за особенностей этого региона Иран принял прагматичную политику, которая не

следовала исламской идеологии. Администрация Тегерана стремилась ликвидировать свою изоляцию в регионе из-за конфронтации с США [Veliyev, 2007: 48–50].

Распад СССР в 1991 году и провозглашение независимости Азербайджана, Армении и Грузии на Южном Кавказе привели к изменению геополитики Закавказья. Однополярная глобальная система усилила угрозу США в отношении Ирана. Иран истолковал независимость Азербайджана как вдохновение для азербайджанских тюрок, составляющих значительную часть его населения, и осторожно подошел к геополитическим изменениям на своем севере. Кроме того, он пытался наладить отношения с Арменией и Грузией через свои исторические, культурные и социологические связи. При таком понимании Иран стремился как найти союзников на международной арене, так и восстановить влияние на Кавказе. В то время как возможность представлять каспийские энергоресурсы на международные рынки через Иран и играть транзитную роль рассматривалась как преимущество, но маршрут Азербайджан-Грузия-Турция стал конкурентом [Veliyev 2007: 52].

Угрозы, которые представляет для Ирана новая ситуация на Кавказе, возникшая после распада Советского Союза, были больше, чем возможности, которые всегда подталкивали Иран к подходу к этому региону с осторожностью. Он развивает свои двусторонние отношения с Арменией гораздо больше, чем с Азербайджаном.

Политика Ирана в отношении Азербайджана

После распада Советского Союза Иран нерешительно приветствовал независимый Азербайджан из-за проблемы Южного Азербайджана. Иран признал Азербайджан 25 декабря 1991 года. Кроме того, он пытался направить Азербайджан на орбиту исламской революции. Он пытался предотвратить усиление турецкого и американского влияния в Азербайджане, получить доступ к азербайджанскому

рынку, перебросить природные ресурсы Каспийского моря через Иран и повлиять на мусульман Кавказа и Поволжья [Nassibli, 1999: 12–14].

Опасения Ирана усилил лидер националистического Народного фронта Абульфаз Эльчибей, пришедший к власти в июне 1992 года после оккупации Арменией азербайджанских земель. После Эльчибея президент Гейдар Алиев отказался от националистической риторики в отношении Ирана, и в двусторонних отношениях началась новая эра. Иран пытался выступить посредником в конфликтах между Азербайджаном и Арменией. Хотя оккупация Шуши Арменией в ходе посредничества нарушила посредническую деятельность, это вызвало недоверие к Ирану с азербайджанской стороны. После конфликтов политика статус-кво Алиева принесла облегчение Ирану. Иран пытался усилить свое влияние в Азербайджане своей политикой шиитского братства; Он помог отремонтировать мечети, призвал шиитов в Азербайджане посетить святыне места в Иране. После этой даты ирано-азербайджанские отношения развивались посредством взаимных соглашений и проектов [Nassibli, 1999: 16–19].

Но этот процесс вскоре уступил свое место напряженности. В сентябре 1994 года попытка передачи Ирану пяти процентов из двадцатипроцентной доли, которую Азербайджан получит по Соглашению века, подписанному между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР) и западным нефтяным консорциумом, была предотвращена под давлением США. Эта ситуация привела к обострению отношений между двумя странами. Иран отключил подачу электроэнергии в Нахчыван, Азербайджан запретил деятельность Ирана в стране, а проиранские партии и объединения закрылись. Иран открыл для обсуждения статус Каспия. Он заявил, что ресурсы Каспия должны использоваться по международному соглашению Эта попытка не увенчалась успехом после того, как Россия заключила соглашение с Казахстаном в 1998 г. и с Азербайджаном в начале 2001 г., определившие границы

Каспийского моря. С другой стороны, неопределенность каспийских границ между Ираном, Туркменистаном и Азербайджаном сталкивал страны друг с другом и вызывал напряженность [Yıldırım, 2014: 275].

Эта ситуация сблизил Азербайджан с США из соображений безопасности. Начались совместные мероприятия между США и Азербайджаном по защите нефтегазовых платформ на Каспии. Сближение Азербайджана с Израилем также вызывает реакцию Ирана. Израиль, покупавший у Азербайджана нефть и газ, присылал различных специалистов, оказывая при этом медицинскую и техническую помощь [Bourtman, 2006]. Пока Израиль искал союз против окружавших его арабов, Азербайджан, земли которого были оккупированы оказался для него подходящим партнером.

23 июля 2001 года Иран и Азербайджан столкнулись в Каспийском море. Иран заявил права на месторождение Араз-Алев-Шарк, которое Азербайджан считает своим, и забрал разведочное судно ВР, для которого Азербайджан предоставил лицензию на разведку нефти. Иран направил в регион военные самолеты, и напряженность между сторонами возросла. Примерно через месяц после этого кризиса из Турции начальник Генерального штаба Хусейн Кыврыкоглу посетил Азербайджан с визитом, и турецкие звезды сопровождали этот визит. Эта поездка и шоу турецких звезд были охарактеризованы как поддержка Турции Азербайджану [Djalili, 2002: 50-52].

Азербайджан поддержал операции в Афганистане и Ираке, организованные США в рамках концепции борьбы с терроризмом. В этом процессе появление спекуляций о том, что США будут вмешиваться в дела Ирана через Азербайджан, привело к тому, что Иран пригрозил Азербайджану ответными мерами в случае нападения со стороны Азербайджана. Иран, чье беспокойство усилилось после слухов, начал проявлять инициативу по сохранению нейтралитета Азербайджана в отношении возможного вмешательства США. Он разрешил Азербайджану открыть консульство в

Тебризе. Президент Ирана Хатами посетил Азербайджан в 2004 году и предпринял шаги по улучшению отношений. После визита Хатами И.Алиев организовал визит в Иран. Были заключены различные соглашения, такие как упрощение пересечения границ и создание воздушного коридора Тегеран-Баку [Sinkaya, 2012: 248].

Поскольку две страны имеют разную историю и идентичность и демонстрируют разные подходы, они поддерживают свои отношения с взаимным недоверием. В то время как отношения Азербайджана с США и Израилем и его близость с азербайджанцами в Южном Азербайджане вызывают у Ирана подозрительное отношение к двусторонним отношениям, сближение Ирана с Арменией, признаки его сотрудничества с ней в карабахском конфликте и его деятельность в Азербайджане вызывают подозрение.

Иран не хочет изменения статус-кво в регионе и появления более сильного Азербайджана. Во Второй карабахской войне, которая началась 27 сентября 2020 года и завершилась соглашением, подписанным между Россией, Азербайджаном и Арменией 10 ноября, Иран сохранял балансирующую позицию между Турцией и Азербайджаном и требовал сохранения статус-кво. По этой причине он оказал материально-техническую поддержку Армении. Иран придерживавшийся в начале войны стратегии «выжидания и наблюдения», призывал к прекращению огня, в то время как ход войны был в пользу Азербайджана. Ролики в соцсетях, передающие информацию о прохождении военной техники в Армению со стороны Ирана создавали впечатление, что Иран в этом процессе находится на стороне Армении [Basar, 2002]. Такой подход Ирана во время войны вызвал протесты турок в стране. Во время этих протестов иранские турки столкнулись с жестким вмешательством сил безопасности. Выражение поддержки Азербайджану через пятничных имамов, назначаемых непосредственно религиозным лидером, отражали стремление умиротворить народ.

Тот факт, что Иран не мог правильно прочесть события и не думал, что Азербайджан может добиться каких-либо успехов, привел к тому, что он оказался в числе проигравших в этой войне.

Политика Ирана в отношении Армении

Отношения между Ираном и Азербайджаном, построенные на взаимной подозрительности способствовали возникновению тесных отношений Ирана с Арменией. Иран признал Армению в тот же день, что и Азербайджан (25 декабря 1991 г.), и отношения продолжают развиваться до сегодняшнего дня. Тот факт, что Турция, Азербайджан и Грузия проводят общую политику, исключая Армению, вызывает изоляцию этой страны [Kelkitli, 2013: 130]. В этой ситуации Иран становится для Армении дыхательной трубкой. Во времена нестабильности или конфликтов Армения удовлетворяет свои потребности через Иран. Таким образом, он пытается уменьшить эффект эмбарго.

Иран устанавливает тесные отношения с Арменией, чтобы уменьшить влияние таких проблем, как санкции и его изоляция на международной арене. Иран рассматривает отношения как возможность заручиться поддержкой армянского лобби, которое сильно на Западе. В период, когда отношения Ирана с Азербайджаном обостряются или ухудшаются, развиваются отношения с Арменией. Мост, построенный через реку Аракс, соединяет Армению и Иран. Этот мост является спасательным кругом осажденной Армении.

Визит президента Ирана Хатами в Армению в 2004 году положил начало новой эре в двусторонних отношениях. Был подписан ряд соглашений и предприняты различные шаги на обоюдной основе. Были предприняты усилия для реализации проектов во многих областях, особенно в области железной дороги Армения-Иран стоимостью два миллиарда долларов и протяженностью 540 километров, а также в энергетике [Yildirim, 2014: 6–8].

В качестве примера таких проектов можно привести газопровод, строительство которого было завершено в 2008 году и запущено в эксплуатацию в мае 2009 года.

Были заключены договоренности о продаже Арменией электроэнергии за счет продажи Ираном природного газа и нефти. Видно, что объем торговли между двумя странами в 2018 году достиг 364 млн долларов¹. В то время как Армения рассматривает Иран как жизненно важного игрока; Иран видит в Армении стабилизирующего игрока на Кавказе. Ирану нужна Армения, чтобы не допустить усиления Азербайджана. Неуспешный Азербайджан не будет центром притяжения тюрков Южного Азербайджана и не будет представлять угрозы для Ирана. С другой стороны, возврат оккупированных земель Азербайджаном после Договора от 10 ноября сделал иранский подход к уравниванию Армении и Азербайджана нефункциональным.

США являются одним из важных факторов, влияющих на ход армяно-иранских отношений. Тот факт, что Армения, получающая помощь США, является стратегическим партнером Ирана, для США неприемлема. Поэтому Вашингтон оказывает давление на Армению. Эта ситуация тормозит рост и развитие двусторонних отношений [Sinkaya, 2012: 252].

Политика Ирана в отношении Грузии:

Грузия ищет новые пути сотрудничества, чтобы восстановить свою политическую независимость от России после обретения независимости. В региональном контексте она рассматривает Иран в качестве альтернативы в этом отношении. Грузия стремится диверсифицировать свой импорт энергоносителей за счет поставок из Ирана и снизить давление на него [Chitadze, 2012: 10].

Грузия может предоставить Ирану возможность использовать свои стратегические порты для контактов с Европой. Попытки Грузии сблизиться с Западом воспринимаются Ираном как угроза. Иран не одобряет вмешательство США или Запада в дела Кавказа. По этой причине двусторонние отношения, которые

были установлены и пытались развиваться после обретения независимости, остались на ограниченном уровне после «революции роз» в 2003 году в Грузии. Понимая, что после войны 2008 года нельзя полагаться только на Запад, Грузия предприняла усилия для восстановления отношений с Ираном. Иран осудил Россию в этих событиях и продал Тбилиси дешевый газ. После этого кризиса Грузия стала рассматривать Иран как фактор стабилизации. Визы между двумя странами были отменены в 2010 году. С отменой виз Иран сделал прорыв, чтобы открыться Западу через Тбилиси. Иранские бизнесмены обратились в Грузию и сделали значительные инвестиции [Chitadze, 2012: 9]. Иран занимает первое место по распределению предприятий иностранного капитала, созданных в Грузии².

Обе страны учитывают свои отношения с третьими странами при развитии своих взаимоотношений. Иран старается не напрягать отношения с Россией, а Грузия старается не беспокоить США и Европу. Из-за этих опасений Грузия ввела визовый режим, который был отменен в 2010 году, чтобы не охлаждать отношения с США и Израилем в 2013 году. После того, как США ослабили санкции против Ирана, Грузия снова отменила визы, и отношения начали укрепляться. Хотя Грузия рассматривала Иран как уравнивающий фактор против России, она не хочет терять поддержку США из-за Ирана [Dadashova, 2019: 30–32]. В то время как две страны развивают свои отношения, стремление не нарушать существующий баланс сил приводит к тому, что отношения развиваются медленно, периодически охлаждаются и имеют взлеты и падения.

Выводы

Пытаясь не отставать от изменяющейся после холодной войны конъюнктуры на Кавказе с прагматичным подходом, Иран развивает отношения с Арменией по нарастающей, демонстрируя при этом подход, построенный на взлетах и падениях с Азербайджаном и Грузией. Иран, установивший свой внешнеполитический

¹ Financial Tribune, 2019.

² Государственная комиссия по вопросам миграции, 2019, с. 52

подход на идеологии революции, оттеснил свою религиозную идентичность и сектантский подход на задний план на Кавказе. Государства, возникшие после распада Советского Союза на Кавказе, представляли возможности и угрозы для Ирана. Воспринимая влияние Израиля и США в регионе как угрозу, Иран хотел, чтобы Кавказ остался в российской орбите, а не входил в орбиту Запада. В последующий период, чтобы уравновесить США на Кавказе, она выступила за сохранение влияния России в регионе.

Иран, проявлявший дистанцированность в связи с азербайджанской проблемой, видел в Армении уравнивающий фактор против Азербайджана. Сохранение нынешнего статус-кво постоянно улучшало его отношения с Арменией, чтобы сбалансировать отношения Азербайджана с Западом и Израилем. При таком подходе Иран значительно улучшил свои двусторонние отношения с Арменией, чем Азербайджан, население которого исповедует ислам. Этот процесс является отражением прагматической позиции Ирана.

Грузия, занимая прозападную и проамериканскую позицию, рассматривал Иран как балансирующего игрока на региональном уровне. В то время как Иран пытался наладить отношения с Грузией, что он считал важным шагом на пути к Западу, не нарушая своих отношений с Россией, Грузия избегала реакции США в своих отношениях с Ираном. Таким образом, двусторонние отношения прошли курс взлетов и падений.

Мы видим, что, развивая свои отношения со странами Кавказа, образовавшимися после Советского Союза, Иран оставил в стороне свою идеологию и религиозную идентичность и принял прагматический подход. Успешно выйдя из войны и вернув себе оккупированные земли, Азербайджан находится на пути к тому, чтобы стать точкой притяжения тюрков Южного Азербайджана. Поскольку благосостояние страны увеличивается за счет ее энергетических ресурсов, она будет силой притяжения на Кавказе. Поэтому в новый период Азербайджан перестанет быть страной, которую можно уравновесить с любой из стран региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акдевелиоглу А.* (1999). Этнорелигиозные основы внешней политики Ирана. Магистерская диссертация. Анкара: Университет Анкары, Институт социальных наук, Департамент международных отношений.
- Читадзе Н.* (2012). Геополитические интересы Ирана на Южном Кавказе и грузино-иранские отношения. Журнал социальных наук, 1(2), 5–12.
- Дадашова Р. Б.* (2019). Грузино-иранские отношения после российско-грузинской войны 2008 года. Журнал евразийских исследований, 8(1), 23–34.
- Дилек К.* (2011). Политика Ирана в Центральной Азии. Анкара: Международный турецко-казахский университет имени Ходжа Ахмета Есеви.
- Джалили М. Р.* (2002). Иран и Кавказ: сохраняя некоторый прагматизм. Ежеквартальный журнал, 1 (3), 46–58.
- Келкитли Ф. А.* (2013). Армяно-иранские отношения после холодной войны: развитие и углубление связей. Арменоведческие исследования (46), 129–142.
- Нассибли Н.* (1999). Азербайджано-иранские отношения: прошлое и настоящее. Журнал азербайджановедения (22), 3–23. [Дата обращения: 15.11.2020, г.
- Синкая Б.* (2012). Кавказская политика Ирана. В М. Айдын, Изменение и трансформация на Кавказе (Трилогия Евразии III) (стр. 229–256). Анкара: Нобелевское издание.
- Велиев Э.* (2007). Политика Ирана на Южном Кавказе после окончания холодной войны. Магистерская диссертация. Анкара: Институт социальных наук Университета Анкары, факультет международных отношений.
- Йылдырым З.* (2014). Ирано-азербайджанские отношения: конфликт интересов, общая граница. Анализ Ближнего Востока; Ближний Восток и арабская весна после биполярной системы (с. 263–289). Стамбул: Изд. БЕТА.

Йылдырым З. (2014). Ирано-армянские отношения: сотрудничество, рожденное общими проблемами. Платформа демократии, 10(35), 1–28.

REFERENCES

- Akdevelioğlu, A.* (1999). *İran'da Dış Politikanın Etnik-Dinsel Temelleri*. Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara: Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı.
- Başar, U.* (2002). *İran Karabağ Savaşının Kaybedeni Mi?* [Erişim: 30.11.2020, <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/iran-karabag-savasinin-kaybedeni-mi/2052813>]
- Bourman, I.* (2006). *Israel And Azerbaijan's Furtive Embrace*. Middle East Quarterly: [Erişim: 30.11.2020, <https://www.meforum.org/987/israel-and-azerbajjans-furtive-embrace?ref=nf>]
- Chitadze, N.* (2012). Geopolitical Interests Of Iran İn South Caucasus And Georgian-Iranian Relations. *Journal Of Social Sciences*, 1(2), 5-12.
- Dadaşova R. B.* (2019). 2008 Rusya-Gürcistan Savaşı Sonrası Gürcistan İnan İlişkileri. *Avrasya İncelemeleri Dergisi*, 8(1), 23-34.
- Dilek K.* (2011). *İnan'ın Orta Asya Politikaları*. Ankara: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi.
- Djalili M.-R.* (2002). Iran and The Caucasus: Maintaining Some Pragmatism. *The Quarterly Journal*, 1(3), 46-58.
- Kelkitli F. A.* (2013). Soğuk Savaş Sonrası Ermenistan-İnan İlişkileri: Gelişen ve Derinleşen Bağlar. *Ermeni Araştırmaları*(46), 129-142.
- Khoshnood A., & Khoshnood A.* (2020). *The Armenian-Azerbaijani Conflict And Its Implications For Iran*. [Erişim: 16.11.2020, <https://besacenter.org/perspectives-papers/armenia-azerbaijan-conflict-iran>]
- Nassibli N.* (1999). Azerbaijan-Iranian Relations: Past and Present. *Journal Of Azerbaijani Studies*(22),3-23. [Erişim: 15.11.2020,
- Sinkaya B.* (2012). İnan'ın Kafkasya Politikası. M. Aydın İçinde, *Kafkasyada Değişim Dönüşüm (Avrasya Üçlemesi II)* (S. 229-256). Ankara: Nobel Yayın.
- Veliyev E.* (2007). Soğuk Savaş Sonrası İnan'ın Güney Kafkasya Politikası. *Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi*. Ankara: Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı.
- Yıldırım Z.* (2014). İnan-Azerbaycan İlişkileri: Çatışan Çıkarlar Paylaşılan Sınır. H. Çomak, & C. Sancaktar İçinde, *Ortadoğu Analizi; İki Kutuplu Sistem Sonrası Ortadoğu ve Arap Baharı* (S. 263- 289). İstanbul: BETA Yayınları.
- Yıldırım Z.* (2014). İnan – Ermenistan İlişkileri: Ortak Sorunlardan Doğan İşbirliği. *Demokrasi Platformu*, 10(35), 1-28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, **Alimusa G. Ibrahimov**, Ph.D. in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University. E-mail: ialimusa@mail.ru.
доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского Государственного Университета. E-mail: ialimusa@mail.ru.

Военно-техническое сотрудничество Азербайджана и Израиля

Р. И. Гузаеров

Отдел Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, guzaerov99@bk.ru

Аннотация: Азербайджан, занимая важное геополитическое положение в Закавказье, является привлекательным партнером для внерегиональных государств, желающих увеличить свое влияние на регион. Так одним из ключевых партнеров Азербайджана стал Израиль. Целью статьи является демонстрация уровня военно-технического сотрудничества Израиля и Азербайджана. Автор анализирует интересы государств, способствующих укреплению азербайджано-израильских отношений. В статье представлены важные элементы военно-технического сотрудничества Баку и Тель-Авива, продемонстрированы основные наименования вооружений, поставляемых в Азербайджан, а также совместные производства стран на территории Азербайджана. На данный момент Израиль является ключевым поставщиком вооружений для Азербайджана, обеспечивая последнему доступ к передовым военным технологиям.

Ключевые слова: Азербайджан, Израиль, ВПК, военно-техническое сотрудничество, вооружения, Закавказье.

Для цитирования: Гузаеров Р.И. Военно-техническое сотрудничество Азербайджана и Израиля // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):627-634.

Military-technical cooperation between Azerbaijan and Israel

Razil I. Guzaerov

Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, guzaerov99@bk.ru

Abstract: Azerbaijan, occupying an important geopolitical position in Transcaucasia, is an attractive partner for non-regional states wishing to increase their influence on the region. Thus, Israel has become one of Azerbaijan's key partners. The purpose of the article is to demonstrate the level of military-technical cooperation between Israel and Azerbaijan. The author analyzes the interests of the states contributing to the strengthening of Azerbaijani-Israeli relations. The article presents important elements of military-technical cooperation between Baku and Tel Aviv, demonstrates the main names of weapons supplied to Azerbaijan, as well as joint production of the countries on the territory of Azerbaijan. Now, Israel is a key supplier of weapons for Azerbaijan, providing the latter with access to advanced military technologies.

Keywords: Azerbaijan, Israel, military-industrial complex, military-technical cooperation, armaments, Transcaucasia.

For citation: Razil I. Guzaerov. Military-technical cooperation between Azerbaijan and Israel // Postsovetские issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;6(5):627-634 (In Russ.).

Азербайджан, обладая значительными запасами природных ресурсов и имея выход к Каспийскому морю, является стратегически важным игроком в регионе Закавказья. Важность Азербайджана как актора международных отношений растет по мере трансформации международной

системы и формирования новых центров сил [Аватков 2021]. Сотрудничество с Баку все больше начинает привлекать внерегиональных игроков. Азербайджан использует данный фактор для выстраивания взаимовыгодных двухсторонних отношений с другими

государствами. В свете Карабахского вопроса для Баку было необходимо наладить военно-техническое сотрудничество для получения современных образцов вооружений. Израиль стал одним из ключевых партнеров в данном вопросе.

Вопрос военно-технического сотрудничества нашел свое частичное отражение в работах исследователей внешних политик Азербайджана и Израиля. Роль Азербайджана в новой периферийной стратегии Израиля изучается в работе Костенко Ю. И. [Костенко 2017]. В. А. Аватков анализирует внешнеполитическую стратегию Азербайджана [Аватков 2021]. Среди авторов чьи работы посвящены факторам, способствующим развитию азербайджано-израильских отношений, в том числе в сфере военно-технического сотрудничества, следует выделить А. В. Виловатого, П. Джанкара, Я. Джанкара, Г. Линдестраусса, А. Муринасона [Виловатых 2015; Cankara, Cankara 2022; Lindenstrauss 2015; Murinson]. Дж. Чичекчи, Л. Спаткай изучили роль израильского вооружения в победе Азербайджана в 44-дневной войне [Çiçekçi 2021; Спаткай 2021]. Ряд авторов затрагивают вопрос роли иранского фактора в азербайджано-израильских отношениях [Алексеев, Бабилов 2020; Khalifa-Zadeh 2012].

Научная новизна данной статьи заключается в анализе военно-технического сотрудничества Азербайджана и Израиля сквозь призму факторов, обусловивших развитие тесных отношений Азербайджана и Израиля.

Целью исследования является демонстрация уровня военно-технического сотрудничества Израиля и Азербайджана. Ключевой гипотезой исследования выступает утверждение, что военно-техническое сотрудничество является ключевым для Азербайджана в его отношениях с Израилем.

Теоретико-методологической основой исследования является парадигма структурного реализма, в рамках которой азербайджано-израильские отношения рассматриваются как внутреннее и внешнее балансирование для гарантирования собственной безопасности государств, где в

случае Азербайджана — это усиление военного потенциала для решения Карабахского вопроса, а в случае Израиля — усиление отношений с государствами вокруг Ирана для его сдерживания. В исследовании используются такие методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез. Статья основана на принципах научного познания, историзма, научной объективности и достоверности.

Дипломатические отношения Израиля и Азербайджана

Израиль признал независимость Азербайджана 25 декабря 1991 г. страны установили дипломатические отношения 7 апреля 1992. В 1993 г. Израиль открыл свое посольство в Баку, однако Азербайджан до сих пор не предпринял ответных мер, несмотря на многолетние обещания. Функцию посольства в Израиле выполняет израильский офис азербайджанских авиалиний [Murinson]. Данную ситуацию можно объяснить аккуратной и взвешенной политикой Азербайджана, который является постоянным членом Организации исламского сотрудничества. Поэтому в данном вопросе Баку демонстрирует осторожность.

С момента установления дипломатических отношений между странами прошли несколько визитов на высоком уровне. Следует подчеркнуть, что визиты в основном проводились с израильской стороны [Lindenstrauss 2015]. Делегации стран проводили встречи в кулуарах международных форумов, в частности Генеральной Ассамблеи ООН [Сажин 2021]. Первая встреча глав государств состоялась в 1997 г., когда Б. Нетаньяху сделал остановку в Баку и встретился с Г. Алиевым. Следующий визит Премьер-Министра случился лишь спустя почти 20 лет. В 2016 г. Премьер-Министр Израиля Б. Нетаньяху прибыл в Баку для переговоров с И. Алиевым. Визит можно озаглавить как новый этап израильской политики на постсоветском пространстве, потому что помимо Азербайджана Б. Нетаньяху впервые посетил Казахстан. Переговоры продемонстрировали высокий уровень политического диалога между странами, несмотря на немногочисленные

двухсторонние встречи. По итогам встречи Б. Нетаньяху и И. Алиева стороны подписали соглашение «О сотрудничестве между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Государства Израиль в областях стандартизации, оценки соответствия и метрологии», соглашение «О сотрудничестве между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Государства Израиль в области сельского хозяйства», конвенцию «Об устранении двойного налогообложения в отношении подоходного налога и предотвращении уклонения от налогов между Азербайджанской Республикой и Государством Израиль», меморандум взаимопонимания «О создании Совместной комиссии между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Государства Израиль»¹.

Помимо этого, Ш. Перес посетил Азербайджан 2009 г. Министр иностранных дел Израиля А. дог Либерман совершил серию визитов в Баку в 2010, 2012, 2014 гг. С азербайджанской стороны, в свою очередь, Израиль посещал Министр иностранных дел Э. Мамедъяров. Проводились встречи на уровне министров разных отраслей. Важным элементом азербайджано-израильских отношений являются встречи руководства Азербайджана с представителями еврейских организаций. Так в 2017 г. в ходе встречи с представителями еврейских организаций в Нью-Йорке И. Алиев выразил удовлетворенность развитием отношений между Азербайджаном и Израилем.

Интересы Азербайджана по отношению к Израюлю

С момента обретения независимости главной целью Азербайджана было восстановление своей территориальной целостности. Как и Израиль, Азербайджан не мог чувствовать себя в полной безопасности в регионе. Возникшее чувство «региональной незащищенности» [Khalifa-Zadeh 2012] вынудило Баку искать новых

партнеров. Израиль же в свою очередь мог ответить на потребности Азербайджана.

В вопросе углубления отношений Баку и Тель-Авива следует выделить иранский фактор. Несмотря на то, что Тегеран одним из первых признал независимость Азербайджана и поддерживал контакты между азербайджанцами двух стран, Иран быстро сменил свою политику. Из-за осознания невосприимчивости Азербайджана к религиозной пропаганде и невозможности расширения шиитского влияния на соседа Тегеран начал проводить осторожную политику, перейдя к поддержке Армении. Для Ирана успех Азербайджана в конфликте виделся как потенциальный фактор дестабилизации положения в иранском Азербайджане².

Более того, давление Ирана на Азербайджан усиливалось по мере наращивания последним отношений с западными странами. Пик противоречий между соседями пришелся на 2001 г., когда в Азербайджане прошли совместные с США военно-морские учения по защите нефтяных вышек [Алексеев, Бабилов 2020]. С этого момента стороны смягчили свои подходы друг к другу, однако Азербайджан не отказался от тесных отношений с Израилем, что иногда приводит к новым кризисным моментам в отношениях между странами.

Немаловажным было стремление азербайджанской стороны воспользоваться влиянием еврейского лобби. В Азербайджане проживает несколько тысяч евреев, которые ассоциирует свою родину именно с Азербайджаном. Отсутствие антисемитизма в стране и дружественное отношение к евреям сыграли свою положительную роль в развитии азербайджано-израильских отношений. Активно работают ассоциация Азербайджан – Израиль, Общественный благотворительный фонд горских евреев и другие организации. Особо большой вклад в развитие Азербайджана вносят азербайджанские бизнесмены еврейского

¹ Состоялось подписание азербайджано-израильских документов [Электронный ресурс] // ИА Report. URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/sostoyalos-podpisanie-azerbajdzhano-izrail-skih-dokumentov/> (дата обращения: 04.06.2022)

² Сажин В. И. Иранский Азербайджан – история и современность [Электронный ресурс] // Сайт журнала Международная жизнь. 2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения: 03.06.2022)

происхождения¹. С помощью израильского лобби руководство Азербайджана хотели нивелировать то влияние, которое имело армянское лобби в США. Еврейское лобби предпринимала усилия по защите интересов Баку.

Важным составляющим этого звена являются евреи, переселившиеся из Азербайджана в Израиль. Таких насчитывается около 45 тысяч, примечательно, что и расселяются они близко к друг другу. Эта часть населения не обрывает связи со своей азербайджанской идентичностью и занимают проазербайджанскую позицию. Так в 2020 г. в городе Петах-Тиква прошли демонстрации в поддержку в Баку во время 44-дневной войны [Sankara, Sankara 2022].

Азербайджан столкнулся с необходимостью перевооружения своей армии. В условиях, когда Армения обеспечивала свои вооруженные силы поставками из России, а западные страны избегали поставок оружия для избежания новой эскалации между Баку и Ереваном, Израиль открыл для Азербайджана доступ к современным вооружениям.

Интересы Израиля по отношению к Азербайджану

В условиях, когда Иран и Турция начали все больше акцентировать на палестинской проблеме, а в случае Ирана и вовсе разорвали весь накопившийся багаж сотрудничества, Израилю необходимо было пересмотреть свои подходы к внешней политике и сотрудничеству с государствами. Новые государства на постсоветском пространстве вписались в периферийную политику Израиля и рассматривались как новые объекты для распространения своего влияния. В рамках своей новой периферийной стратегий Израиль хотел наладить прочные экономические, политические и военные отношения с умеренными мусульманскими государствами. Тель-Авив стремился создать вокруг проблемных стран, Ирана,

Ирака, Сирии, защитный пояс из нейтральных или дружественных ему государств [Костенко 2017: 104]. Подобная тактика необходима для посредственного влияния на потенциальных соперников и демонстрации возможности налаживания отношений между Израилем и мусульманскими странами.

В конце первого десятилетия 2000-х гг. данный вектор внешней политики Израиля становился еще актуальнее. В 2008 г. в МИДе Израиля была создана подструктура Евразия-2, которая отвечала за государства Южного Кавказа и Центральной Азии. Азербайджан, который сам стремился к стратегическому сотрудничеству с Израилем, стал одним приоритетов внешней политики Тель-Авива. К тому же, через Азербайджан представилась возможность сдерживанию Ирана и расширению его влияния на регион, который хочет вовлечь Азербайджан в экономический коридор с Россией [Костенко 2017]. Об обеспокоенности иранской стороны свидетельствуют периодические обвинения Баку в сотрудничестве с Израилем и использовании последним территории Азербайджана для разведки за Ираном.

Антииранский вектор в азербайджано-израильских отношениях является хоть и не ключевым, но важным. В дипломатической ноте, опубликованной на портале Wikileaks, советник посольства США писал, что «отношения Азербайджана и Израиля основаны на прагматизме и уважении приоритетов друг друга. Главная цель Израиля – сохранить Азербайджан в качестве союзника против Ирана, платформы для разведки за последним и рынка вооружений»².

Для Израиля Азербайджан является важным торговым партнером. Баку обеспечивает около 40% поставок нефти в Израиль³. Поэтому Тель-Авив

¹ Yevda Abramov: Jewish Lobby always supports Azerbaijan [Электронный ресурс] // APA. URL: <https://apa.az/en/xeber/domestic-news/yevda-abramov-jewish-lobby-is-always-with-azerbaijan-interview-288413> (дата обращения: 03.06.2022)

² Keinon H. How can Israel navigate the divide between Azerbaijan and Armenia? [Электронный ресурс] // The Jerusalem post. URL: <https://www.jpost.com/international/how-can-israel-navigate-the-divide-between-azerbaijan-and-armenia-636953> (дата обращения: 07.06.2022)

³ Lazaroff T. Azerbaijani ambassador: Border hostilities may harm Israeli oil supplies [Электронный ресурс] // The Jerusalem post. URL: <https://www.jpost.com/israel->

заинтересован в стабильности азербайджанского государства и его способности защитить себя и свое производство.

Ряд исследователей рассматривают развитие азербайджано-израильских отношений в контексте выстраивания оси Израиль-Турция-Грузия-Азербайджан, что активно поддерживалась со стороны США. Данная ось должна была стать противовесом оси Россия-Иран-Армения-Сирия [Lindenstrauss]. События 2008 г. в Грузии продемонстрировали несостоятельность выстраивания подобной оси. Однако динамика отношений Израиля и Азербайджана сохранилась на прежнем уровне.

Развитие отношений с мусульманской страной для Израиля носит идейный характер. Израиль, который долгое время находится в конфронтации с мусульманским миром Ближнего Востока, стремится прорвать эту изоляцию. Поэтому развитие отношений с новыми государствами с преобладающим количеством мусульман в населении было новым этапом отношений Израиля и мусульманского мира. Подобные отношения можно оценивать как знак всему исламскому миру о желании Израиля строить нормальные отношения с другими государствами. К тому же развитие отношений с Азербайджаном, где преобладает шиизм, усиливало позиции Израиля в его противостоянии с Ираном [Çiçekçi 2021].

Военно-техническое сотрудничество стран

Вопросы военно-технического сотрудничества занимают важную роль в двухсторонних отношениях стран. В целом, отношениях Азербайджана и Израиля носят скрытый характер. Поэтому взаимодействие государств в военной сфере, сфере безопасности и т.д. происходит под завесой тайны. Общественность узнает лишь о единичных случаях, что осложняет полный анализ военно-технического сотрудничества между государствами. Из имеющихся в открытом доступе данных

news/azerbaijani-ambassador-border-hostilities-may-harm-israeli-oil-supplies-635851 (дата обращения: 07.06.2022)

необходимо выделить важные моменты военно-технического сотрудничества Израиля и Азербайджана.

Сотрудничество в сфере ВТС началось в 2004 г. поставкой оружия из Турции в Азербайджан. Турция производила вооружения по израильской лицензии. В 2008 г. израильская Tadiran Communications начала поставку устройств связи. Israel Military Industries (IMI) поставила в Баку различные виды ракет и систем наведения, в добавок к модернизации РСЗО «Град»¹.

После событий 2008 г. Израиль увеличил поставки не только оборонительных, но и наступательных вооружений. Среди них следует выделить РСЗО Lynx, 4 БПЛА Aerostar, 10 БПЛА Гермес-450, 155-мм самоходные орудия ATMOS-2000, 10 БТР Sufa, а также противотанковые ракеты Spike-MR, LR. Среди поставок также были замечены противокорабельные ракеты Gabriel-5 [Виловатых]. Учитывая, что у Армении, как главного противника Азербайджана, нет флота, можно предложить, что данный потенциал направлен против Ирана.

В 2010 г. израильская компания «Elbit systems» начала модернизацию азербайджанских танков Т-72 и Т-55, а также БМП-2. Техника получила новую систему управления огнем, броню и системы наблюдения. Компания объявляла о том, что подписала контракт на модернизацию танков на 56 млн долларов с одной азиатской страной². Речь вероятнее всего шла как раз про Азербайджан. Годом ранее «Elbit systems» открыла свое официальное представительство в Азербайджане. Помимо этого, компания поставляла в Азербайджан 155-мм самоходные артиллерийские установки ATMOS-2000, беспилотные летательные аппараты, например дроны-камикадзе SkyStriker. В 2018 г. компания представила

¹ Сажин В. И. Кавказский излом: израильский фактор [Электронный ресурс] // Сайт журнала Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30249> (дата обращения: 02.06.2022)

² Израиль модернизирует азербайджанские танки Т-72 [Электронный ресурс] // Lenta. URL: <https://lenta.ru/news/2010/10/18/t72/>

САУ ATMOS M46 6x6 SPH на основе советской 130-мм буксируемой полевой пушки M46¹, что позволит Азербайджану модернизировать за счет своих запасов самоходную артиллерию.

Совместно с израильской компанией Aeronautics Defense Systems в Азербайджане было открыто предприятие по сборке БПЛА «AZAD Systems Co». Компания производит разведывательные БПЛА Orbiter-2M и Aerostar. Изначально было заявлено о планах производства 60 беспилотников, но на данный момент нет открытых данных об их численности в ВС Азербайджана. В 2014 г. компания представила тактический разведывательный БПЛА Orbiter 3, а в 2016 г. БПЛА-камикадзе «Zərbə 1K» [Спаткай 2021]. Все беспилотники, производящиеся по лицензии в Азербайджане, активно применялись во время 44-дневной войны.

Азербайджан имеет в вооружении РСЗО Lunx, установленные на шасси Камаз-6350. Заказ на поставку данных систем выполнила израильская компания Israel Military Industries. РСЗО используют тактические ракеты Extra с дальностью стрельбы в 130–150 км².

В 2016 г. во время своего визита в Баку премьер-министр Израиля Б. Нитаньяху и президент Азербайджана И. Алиев подписали договор о сотрудничестве в области обороны и безопасности. Согласно договору в Азербайджане на постоянной основе дислоцировались сотрудники МОССАДа и военные специалисты из Израиля [Иванов 2020]. О подробностях пребывания израильских военных в Азербайджане не сообщается.

В 2018 г. азербайджанские ВС получили 4 оперативно-тактических комплекса Lora, которые активно применялись во время 44-дневной войны. Азербайджан является единственным оператором этих израильских ракет. Самое примечательное, что Израиль

провел испытания ракеты Lora в июне 2021 г., как раз за пару месяцев до начала обострения в Нагорном Карабахе³.

В период с 2013 по 2019 гг. Израиль поставил в Азербайджан 6 патрульных кораблей проекта OPV 62, 6 патрульных катеров типа «Шальдаг», 260 единиц ПТРК Spike LR, 350 единиц ракет Spike NLOS, а также различные виды противотанковых ракет, БПЛА и т.д.⁴ Также на вооружении Азербайджана имеются минометные комплексы CARDOM и SPEAR MK2 и ракеты-перехватчики Barak-LRAD, Barak-MRAD [Military balance, 2021].

По сообщению Стокгольмского института исследования проблем мира (SIRPI)⁵, в период с 2011 по 2020 гг. на долю Израиля пришлось 27% импорта вооружений Азербайджана, однако в период с 2016 по 2020 гг. доля Израиля оценивалась в 69%. Несмотря на наличие информации о видах вооружений, закупаемых Баку, отсутствует информация о количестве этого оружия. Доля Азербайджана в израильском экспорте оружия достигла 17%, что является свидетельством о значимости отношений друг с другом для стран. При этом эксперты SIRPI ставят под вопрос мотивы о движущих силах азербайджано-израильских отношений: дело только в экономической выгоде или же в зависимости Израиля от поставок нефти и общее восприятие угрозы со стороны Ирана.

В СМИ появилась информация от неназванных американских дипломатов и военных о наличии в Азербайджане израильских авиабаз. Утечки были больше похожи на спланированную информационную атаку либо же на Израиль

³ Андреев С. Прямое попадание. Израиль вооружил Азербайджан аналогами российских комплексов "Искандер" [Электронный ресурс] // LIFE. 2020. URL: <https://life.ru/p/1348451> (дата обращения: 06.06.2022)

⁴ Delanoë I. Israel – Azerbaijan: an alliance in search of renewal [Электронный ресурс] // Fondation Méditerranéenne d'Etudes Stratégiques. 2021. URL: <https://fmes-france.org/israel-azerbaijan-an-alliance-in-search-of-renewal/>

⁵ Arms transfers to conflict zones: The case of Nagorno-Karabakh [Электронный ресурс] // SIRPI. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2021/arms-transfers-conflict-zones-case-nagorno-karabakh> (дата обращения: 09.06.2022)

¹ ADEX 2018: Elbit Systems unveils ATMOS M-46 130mm truck-mounted howitzer variant [Электронный ресурс] // ADEX. 2018. URL: <https://adex.az/en-opennews/6957.41.html> (дата обращения: 03.06.2022)

² Мардасов А. Армия Азербайджана целит в Ереван [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 2016. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/149342/> (дата обращения: 03.06.2022)

с целью сдерживать его амбиции, либо же на Иран с целью давления на него перед новыми переговорами по ядерному вопросу Ирана¹. Однако в 2021 г. произошли серьезные разногласия между Баку и Тегераном. Иран провел масштабные военные учения, что стало неожиданностью для Баку. Иран озвучил свои опасения насчет отношений Азербайджана и Израиля. М. Пакпур заявил, что «Иран не потерпит, чтобы его соседи стали «прибежищем и базой для присутствия фальшивого сионистского режима и его действий против безопасности»².

Иран считает, что Баку предоставил Израилю широкую оперативную свободу использовать территорию Азербайджана для подготовки операций против Ирана. Еще в 2018 г. Тегеран обвинял Израиль в краже ядерных файлов с помощью операционных мощностей на территории Азербайджана³. Такая острая реакция и резкое поведение Ирана могут служить неформальным свидетельством масштабов усиления позиции и влияния Израиля на Азербайджан и регион Закавказья в целом.

После усиления напряженности в отношениях Баку и Тегерана в израильских СМИ появились новости о том, что Израиль и Азербайджан ведут переговоры о поставках вооружений на 2 млрд долларов. Помимо иранского фактора в продвижении переговоров автором упоминаются периодические перестрелки на армяно-азербайджанской границе⁴.

Заключение

Сотрудничество в военно-технической сфере между Азербайджаном и Израилем находится на высоком уровне. Сам И. Алиев сравнивал отношения Азербайджана и Израиля с айсбергом, девять десятых частей которого скрыты от глаз⁵. Имеющиеся данные позволяют нам делать вывод о том, что страны развивают тесные и комплексные взаимоотношения в сфере ВПК. Основные поставки Израиля приходились на БПЛА, ПТУР и т.п., которые в условиях асимметричной войны в Нагорном Карабахе сыграли большую роль в победе Азербайджана.

Создаются предпосылки для интенсификации отношений стран. Нормализация отношений Израиля с арабскими странами может положительно сказаться и на характере взаимодействия Баку и Тель-Авива, который сейчас носит полускрытый характер. Безусловно вывод политических отношений на новый уровень скажется должным образом и на военно-техническом сотрудничестве. В целом следует ожидать, что страны будут стремиться сохранить имеющуюся динамику отношений и развивать новые отрасли сотрудничества в сфере ВПК.

¹ Does Israel have an Azerbaijan airbase? [Электронный ресурс] // Iran Times. URL: <http://iran-times.com/does-israel-have-an-azerbaijan-airbase/#:~:text=The%20Israelis%20have%20bought%20a,simpler%20and%20an%20attack%20easier>. (дата обращения: 06.06.2022)

² Kucera J. Iran holds war games near Azerbaijani border [Электронный ресурс] // Eurasianet. 2021. URL: <https://eurasianet.org/iran-holds-war-games-near-azerbaijani-border> (дата обращения: 07.06.2022)

³ Vatanka A. Azerbaijan and Israel's encirclement of Iran [Электронный ресурс] // Middle East Institute. 2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/azerbaijan-and-israels-encirclement-iran> (дата обращения: 07.06.2022)

⁴ Mehdiyev M. Azerbaijan Reportedly in Talks with Israel to Sign Arms Deal [Электронный ресурс] // Caspian news. 2021. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/azerbaijan-reportedly-in-talks-with-israel-to-sign-arms-deal-2021-8-20-0/> (дата обращения: 08.06.2022)

⁵ Sağlam M. Göründüğünden daha derin: İsrail-Azerbaycan ilişkileri [Электронный ресурс] // Duvar. 2021. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/gorundugunden-daha-derin-israil-azerbaycan-iliskileri-haber-1522575> (дата обращения: 08.06.2022)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аватков В. А.* Специфика геополитики Азербайджанской Республики // Постсоветские исследования. 2021. № 2 (4). С. 104–108.
- Алексеев Н. Н., Бабиров И. М.* Азербайджано-иранские отношения: трансформация внешней политики Азербайджана при президенте И. Г. Алиеве // Конфликтология / nota bene. 2020. №3. С. 16–27.
- Виловатых, А. В.* Безопасность России и военно-политические процессы в Кавказском регионе // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 3(42). С. 85–93.
- Костенко Ю. И.* «Новая периферийная стратегия» Израиля // Вестник МГИМО. 2017. №1 (52). С. 101–118.
- Спаткай Л.* Беспилотники в боевых действиях в Нагорном Карабахе. М., 2021
- Cankara P. Ö., Cankara Y.* İran ve Ermenistan gölgesinde İsrail'in Azerbaycan ile stratejik ilişkileri // Uluslararası Afro-Avrasya araştırmalar dergisi. 2022. № 7 (13). P. 1–21.
- Çiçekçi C.* İkinci Dağlık Karabağ Savaşı Işığında İsrail-Azerbaycan İlişkileri: Yapısal ve Analitik Bir Çerçeve // Güvenlik Çalışmaları Dergisi. 2021. № 2 (23). P. 267-285.
- Khalifa-Zadeh M.* Israel and Azerbaijan to counterpart Iran // Central Asia and the Caucasus. 2012. № 3 (13). P. 68-79.
- Lindenstrauss G.* Israel-Azerbaijan: despite the constraints, a special relationship Strategic Assessment. 2015. № 4 (17). P. 69–79.
- Military balance // The international institute for strategic studies. London, 2021. P. 180-182.
- Murinson A.* The Ties between Israel and Azerbaijan // Mideast Security and Policy Studies. № 110. P. 14-15.

REFERENCES

- Avatkov V. A.* Specifika geopolitiki Azerbajdzhanskoj Respubliki // Postsovetskie issledovaniya. 2021. № 2 (4). S. 104-108.
- Alekseev N. N., Babirov I. M.* Azerbajdzhano-iranskie otnosheniya: transformaciya vneshnej politiki Azerbajdzhana pri prezidente I. G. Alieve // Konfliktologiya / nota bene. 2020. №3. S. 16-27.
- Vilovatyh, A. V.* Bezopasnost' Rossii i voenno-politicheskie processy v Kavkazskom regione // Vestnik MGIMO Universiteta. 2015. № 3(42). S. 85-93.
- Kostenko YU. I.* «Novaya periferijnaya strategiya» Izrailya // Vestnik MGIMO. 2017. №1 (52). S. 101-118.
- Spatkaj L.* Беспилотники в боевйх dejstviyah v Nagornom Karabahe. M., 2021.
- Cankara P. Ö., Cankara Y.* İran ve Ermenistan gölgesinde İsrail'in Azerbaycan ile stratejik ilişkileri // Uluslararası Afro-Avrasya araştırmalar dergisi. 2022. № 7 (13). P. 1-21.
- Çiçekçi C.* İkinci Dağlık Karabağ Savaşı Işığında İsrail-Azerbaycan İlişkileri: Yapısal ve Analitik Bir Çerçeve // Güvenlik Çalışmaları Dergisi. 2021. № 2 (23). P. 267-285.
- Khalifa-Zadeh M.* Israel and Azerbaijan to counterpart Iran // Central Asia and the Caucasus. 2012. № 3 (13). P. 68-79.
- Lindenstrauss G.* Israel-Azerbaijan: despite the constraints, a special relationship Strategic Assessment. 2015. № 4 (17). P. 69-79.
- Military balance // The international institute for strategic studies. London, 2021. P. 180-182.
- Murinson A.* The Ties between Israel and Azerbaijan // Mideast Security and Policy Studies. № 110. P. 14-15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гузаеров Разиль Илшатович,	Razil I. Guzaerov, Junior Researcher
младший научный сотрудник Отдела	Department of the Near and Post-Soviet East,
Ближнего и Постсоветского Востока,	Institute of Scientific Information on Social
ИНИОН РАН. E-mail: guzaerov99@bk.ru	Sciences of the Russian Academy of Sciences
	E-mail: guzaerov99@bk.ru

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО / MULTILATERAL COOPERATION

Научная статья / Research article

Взаимодействие стран-участниц в рамках ОДКБ

Ву Чи-Ян (Китай)

Университет Китайской Культуры, Тайбей, Тайвань

e-mail: 1032205827@rudn.ru

Аннотация. Организация договора о коллективной безопасности – это региональная организация безопасности, созданная бывшими советскими республиками для реагирования на угрозы безопасности в прилегающих районах. В этой статье рассматриваются типологии и взаимодействия государств-участников внутри Организацией договора о коллективной безопасности. Характеризуются механизмы и особенности сотрудничества в организации, возглавляемой Россией и российскими элементами. В рамках исследования были рассмотрены четыре основные части: первая часть — это предыстория создания после распада СССР, вторая – влияние США как фактора создания Организации после событий 11 сентября 2001 г., третья – проекты сотрудничества ОДКБ, четвертая – новые угрозы безопасности. Выявлены изменения системы и функции ОДКБ. С помощью, через призму этих четырех аспектов был показан процесс трансформации ОДКБ из неэффективной структуры в многофункциональную организацию по обеспечению безопасности.

Ключевые слова: Организация договора о коллективной безопасности, ОДКБ, военное сотрудничество, безопасность.

Для цитирования: Ву Чи-Ян Взаимодействие стран-участниц в рамках ОДКБ // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):635-646.

Interaction of the participating countries within the framework of the CSTO

Wu Chi -Yuan (China)

Chinese Culture University, Taipei, Taiwan

e-mail: 1032205827@rudn.ru

Abstract. The Collective Security Treaty Organization is a regional security organization established by the former Soviet republics to respond to security threats in surrounding areas. This article examines the typologies and interactions of the participating states within the Collective Security Treaty Organization. The mechanisms and features of cooperation in the organization headed by Russia and Russian elements are characterized. As part of the study, four main parts were considered: the first part is the prehistory of creation after the collapse of the USSR, the second is the influence of the United States as a factor in the creation of the Organization after the events of September 11, 2001, the third is the CSTO cooperation projects, the fourth is new security threats. Changes in the system and functions of the CSTO have been identified. With the help, through the prism of these four aspects, the process of transforming the CSTO from an inefficient structure into a multifunctional security organization was shown.

Key words: Collective Security Treaty Organization, CSTO, military cooperation, security

For citation: Wu Chi-Yuan Interaction of the participating countries within the framework of the CSTO // Postsovetskie issledovaniya – Post-Soviet Studies. 2022;6(5):645-646. (In Russ.)

До теракта 11 сентября 2001 г. религиозные и террористические силы в Центральной Азии в основном опираются на конфликты в сфере безопасности в региональное развитие и распространение, Центральной Азии и ее окружающих они не породили глобальной районах еще массово не возникали, и террористической угрозы и не стали крупной вопросы безопасности в Центральной Азии угрозой стратегической безопасности не имели глобального значения. Во-первых,

мировых держав. До теракта 11 сентября с 1999 по 2001 гг. страны Центральной Азии были более склонны к восстановлению различных форм сотрудничества с Россией, чем с НАТО. Однако после теракта 11 сентября 2001 г. Афганистан и Центральная Азия заняли важное место в глобальной борьбе с терроризмом. Во время войны в Афганистане США осознали геополитическую важность Центральной Азии и начали всесторонне укреплять свои позиции в регионе. После теракта 11 сентября сформировалось три основных направления политики США в отношении Центральной Азии: борьба с терроризмом, расширение демократии, доминирование разведки и транспортировки нефти и газа. После того, как США начали «глобальную войну с терроризмом» на Ближнем Востоке, они начали проникновение в Центральную Азию, впервые в истории создав военные базы в Узбекистане и Кыргызстане. США стремились стать протекторатом для Центральной Азии, которая в свою очередь также начала полагаться на США, поскольку угроза со стороны афганских талибов и поддерживаемых ими исламистских боевиков в Центральной Азии сохранялась. При том, что страны региона были не в состоянии бороться с этой угрозой.

Поскольку распад СССР создал вакуум в идеологическом поле Центральной Азии, исламская культура, ставшая важной частью национального сознания, быстро распространилась во все сферы общественной жизни. Период с 1991 по 1996 гг. был периодом всестороннего возрождения ислама, например, количество мечетей в Казахстане до обретения независимости выросло с 63 до более чем 4000 в 1997 г. В Кыргызстане до обретения независимости количество мечетей выросло с 15–20 до 1500–2000 в 1996 г. Количество религиозных групп на казахском языке выросло до 1180. В Узбекистане существовало 15 сект, и в каждом селе есть мечети.¹ Во многих местах возродилась традиция обучения в продвинутых библейских школах для детей школьного возраста. В южных районах

центральноазиатских стран сформировалась сильная религиозная атмосфера. В связи с продолжающейся экспансией афганских талибов и ослаблением их фундаментализма, в сочетании с быстрым развитием этих религиозных сил в странах Центральной Азии, это создало условие для масштабной генерации религиозно-экстремистских сил и их вмешательства и влияния на социальную и политическую жизнь. Это еще больше усложняет политическую борьбу в Центральной Азии. Негативное влияние многолетней войны и хаоса в Афганистане на региональную безопасность и стабильность носит не только военный характер, но и представляет значительную опасность для политической, экономической и социальной стабильности региона.

Проекты сотрудничества ОДКБ

14 мая 2002 г. на Московской конференции стран-участниц Договора о коллективной безопасности (ДКБ) СНГ было принято решение о реорганизации ДКБ Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Это укрепило связи между государствами-участниками по вопросам защиты суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности, позволив государствам-членам более активно участвовать в борьбе международного сообщества с терроризмом и завершив создание системы коллективной безопасности для государств-участников.

В рамках зоны коллективной безопасности были выделены три субрегиональных направления: Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия. С одной стороны, это уточнение институциональных установок для повышения эффективности организационных действий, а с другой стороны, это также отражение региональных различий в распределении государств-участников внутри ОДКБ.

1. Восточный европейский регион:

Сотрудничество ОДКБ в Восточной Европе базируется на российско-белорусском военно-политическом союзе. Беларусь является единственной страной из трех восточноевропейских стран

¹ 蔣新衛。冷戰後中亞地緣政治格局變遷與新疆安全和發展，2007年，359頁。

Ассоциации Независимых Государств (Беларусь, Украина и Молдова), вступившая в Организацию Договора о коллективной безопасности, а также страна с наивысшей степенью военной интеграции с Россией. В 1998 году было принято «Соглашение между Российской Федерации и Республикой Беларусь о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере» также было принято решение сформулировать общую военную политику, создать совместные органы управления, исполнения и поддержки, создать совместные силы и определить единый военный план. В октябре 1999 г. создание РГБ было утверждено и стороны приступили к созданию совместных боевых сил и соответствующих командных структур.¹ По мере углубления интеграции России и Белоруссии военно-политическое сотрудничество между двумя странами обеспечивает Москве важный стратегический фронт в противостоянии с Европой.² Помимо связи России с Калининградским анклавом, она также стала важной частью сотрудничества в области безопасности в рамках ОДКБ.

2. Кавказский регион:

История и географическое положение Кавказского региона обладают некоторыми особенностями. Три страны Кавказского региона, Армения, Грузия и Азербайджан, имеют сложные отношения друг с другом. Сотрудничество ОДКБ в регионе характеризуется сложностью и хрупкостью. Армения всегда была верным союзником России и в настоящее время является единственным участником ОДКБ на Кавказе. В августе 1997 г. Россия и Армения подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения, предусматривающий обязательство предоставлять взаимные гарантии в конфликтных ситуациях. Согласно договору, Россия разместила в Армении около 2800 военнослужащих для совместной с вооруженными силами Армении обороны внешней границы СНГ.

Отношения между Грузией, Азербайджаном и ОДКБ более сложные. Две страны присоединились к организации после 1993 г. с целью стабилизации внутренних проблем, с которыми они столкнулись, используя силу ОДКБ. Азербайджан надеется занять выгодное положение в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе с Арменией, а Грузия надеется подавить сепаратистские тенденции Абхазии в своей стране. Однако после того, как Россия и Армения установили прочный союз, обе страны усомнились в том, что Россия отдает предпочтение Армении в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе, а также поддержке абхазского сепаратизма в Грузии. После истечения срока действия договора в 1999 г. две страны объявили о своем выходе из ОДКБ, что нанесло огромный удар по развитию организации.

3. Центральный азиатский регион:

За исключением нейтрального Туркменистана все страны Центральной Азии являются странами-учредителями ОДКБ, Узбекистан объявил о выходе из Договора о коллективной безопасности в 1999 году, но возобновил свое членство в июне 2006 г. Центральная Азия — относительно нестабильный регион в составе СНГ. Внутри стран Центральной Азии с момента обретения независимости присутствовала обеспокоенность этническими и религиозными конфликтами. С внешней стороны Центральная Азия окружена рядом нестабильных факторов от Афганистана на юге до северо-запада, а затем до Кавказа на западе. Крайний религиозный экстремизм, терроризм и национальный сепаратизм угрожают безопасности центральноазиатских стран. Неспособность решить эту проблему своими силами определяет сильную зависимость стран Центральной Азии от России. Поэтому сотрудничество в области безопасности ОДКБ в Центральной Азии является относительно эффективным. ОДКБ сыграл активную роль в предотвращении гражданской войны в Таджикистане в первые дни независимости. Затем ОДКБ

¹ Н.Г. Федуллова: Проблемы безопасности и военного сотрудничества в рамках СНГ, Отечественная история. 2000. № 5. с-69–84

² Dmitri Trenin, Russia's Spheres of Interest, not Influence, The Washington Quarterly, 2009г. том.32 №4, с.3-22

значительно укрепила стратегические позиции России в регионе, а также выполнила другие функции, такие как предотвращение нападений исламских боевиков. Коллективные силы быстрого развёртывания Центральноазиатского региона (КСБР ЦАР) были сформированы в августе 2001 г. на основании Решения Совета коллективной безопасности ОДКБ от 25 мая 2001 г., в КСБР ЦАР входят 10 батальонов из государств-участников ДКБ, около 5000 военнослужащих. Войска различных стран, входящие в состав КСБР ЦАР, дислоцируются на своей территории и подчиняются своим органам военного управления. Совместные действия осуществляются в соответствии с совместными мероприятиями походной и боевой подготовки. В рамках ОДКБ Россия приобрела 999-ю авиабазу в Канте в Киргизии и 201-ю военную базу в Таджикистане. Когда Путин посетил Киргизию в 2002 году, он решил арендовать военный аэропорт Кант и создать базу ВВС. Авиабаза Кант официально открылась в 2003 году. Согласно соглашению, подписанному с Киргизией, на созданной Россией авиабазе Кант будет дислоцировано более 20 «боевых самолетов различных видов фронтовой авиации, военно-транспортных самолетов и вертолетов», «на авиабазе планируется разместить 500 российских военнослужащих и более 200 гражданских лиц», Кыргызстан предоставит базе учебно-тренировочные самолеты Л-39 для подготовки собственных пилотов, Российская сторона предоставит средства базе ВВС России в Киргизии, задачу по охране базы и предотвращению чрезвычайных ситуаций возьмет на себя российская сторона и выполняют обязанность персоналы базы, Кыргызстан предоставит ВВС России недвижимость, воду, электричество и другие необходимые удобства безвозмездно; 1 Киргизские летчики будут использовать самолеты, предоставленные базе, для обучения и т.д. Эти двусторонние условия между Россией и Кыргызстаном недоступны американским военным, так как им приходилось платить за

содержание военных баз. Конечно, их цели и роли также различны. Авиабаза Кант также была первой военной базой, созданной Россией за границей после распада Советского Союза.

Для США Евразия является важнейшей геополитической мишенью, которая напрямую влияет на гегемонию США в Евразии. В целях стратегического развертывания сил США в Евразии, в дополнение к лозунгу борьбы с терроризмом, США осуществили серию цветных революций в Грузии, Украине, Кыргызстане и других странах Евразии для укрепления проамериканских режимов. Видно, что цветная революция - лучший способ для США реализовать евразийскую геополитическую стратегию Бжезинского после холодной войны [Brzezinski 1991: 201]

После события 11 сентября, после периода размышлений, США скорректировали свою внешнюю стратегию и приступили к реализации «Центральноазиатской стратегии», основанной на «Партнерстве для Центральной Азии»², предложенном Ф/Старром. Одним из важных направлений является возвращение проамериканских сил в странах Центральной Азии, осуществление политических изменений и, наконец, установление господства в этом регионе. А демократические преобразования - одна из главных целей политики США в отношении с СНГ. Время выпуска статьи «Партнерство для Центральной Азии», которую опубликовал профессор Старр, совпадает с революцией тюльпанов в Кыргызстане и андижанскими событиями в Узбекистане. Два крупных инцидента в Кыргызстане и Узбекистане в 2005 г. заставили некоторых американских ученых и политиков задуматься об установленной политике в отношении с Центральной Азией. Из-за глубокой озабоченности цветными революциями, спровоцированными США, и соображений консолидации собственных режимов, страны стали дистанцироваться от США, в частности, и Узбекистан, особенно после андижанского инцидента, быстро

¹ Россия перебрасывает на авиабазу "Кант" боевые самолеты, 17 октября 2003, <https://www.vesti.ru/article/2358966>

² Frederick Starr, A Partnership for Central Asiatic, Foreign Affairs Vol. 84, No. 4 (Jul. - Aug. 2005), pp. 164-178

оттолкнул США. Узбекистан вышел из ГУАМ и вновь развивал сотрудничество с Россией. Военное сотрудничество между двумя сторонами становилось все более тесным. Кыргызстан не отказался от своей пророссийской политики, как надеялись США.

Что еще более важно, на саммите ШОС в июле 2005 г. главы государств-членов выступили с совместным заявлением, единодушно и торжественно потребовав от США вывести свои войска с военных баз в странах Центральной Азии. На США был нанесен самый тяжелый удар с тех пор, как они вошли в Центральную Азию и Кавказ. Ввиду этой неудачи серьезно пострадали и геополитические интересы США, и политику продвижения демократии необходимо отложить и сделать ее долгосрочной политической целью. В то же время США также осознала, что культивирование демократии в Центральной Азии является долгосрочной задачей, и ее нельзя торопить.

В ответ на военное присутствие США в Центральной Азии Россия усилила свои вооруженные силы на юге, особенно военно-морские силы в Черном и Каспийском морях в своих планах военного строительства, более того, Россия также укрепила сотрудничество между странами ОДКБ в сфере противодействия терроризму и безопасности и усилила свое военное присутствие в Центральной Азии. Россия создала постоянные военные базы в Кыргызстане и Таджикистане, что является важным фактором для защиты ее долгосрочной безопасности и стратегических интересов в Центральной Азии. В Армении также размещены российские войска, а российские пограничники также помогают охранять границы Армении с Турцией и Ираном. У России по-прежнему есть две военные базы в Южной Осетии и Абхазии, которые до сих пор не выведены. Россия и Туркменистан достигли новой договоренности об увеличении численности российских пограничников в Туркменистане. Остаются и Российские миротворческие базы в Приднестровье. Кроме того, Россия и эти страны часто проводят двусторонние и многосторонние военные учения, чтобы

продемонстрировать силу российской армии и расширить ее влияние.

Цветная революция, принесенная США, и постоянное ускорение проникновения НАТО в СНГ, и в то же время правительство США приняло решение скорректировать направленность военного развертывания и увеличить численность войск в Афганистане. То есть с западной и с южной границы для участников ОДКБ будет оказываться большое давление. В этом контексте, чтобы справиться с этими новыми проблемами и угрозами в окрестностях, ОДКБ ускоряет формирование сил быстрого реагирования, для потенциальной борьбы с новыми вызовами и кризисами. С 2004 по 2008 год впервые был принят ряд документов, определяющих конкретное направление будущего развития, таких как: «О развитии и совершенствовании противовоздушной обороны государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности», «О реализации решений Астанинской (2004 г.) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, об утверждении Приоритетных направлений деятельности Организации Договора о коллективной безопасности во втором полугодии 2005 года - первом полугодии 2006 года и Плана основных мероприятий по всестороннему укреплению межгосударственного сотрудничества, формированию и развитию системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности на 2006 - 2010 гг.». ОДКБ также провело множество совместных военных учений по борьбе с террористическими атаками и контрабандой наркотиков, под кодовым названием «Рубеж» с 2000 г. также создало некоторые рабочие и вспомогательные учреждения для защиты от новых вызовов и угроз.

В июне 2005 г. пять президентов России, Казахстана, Таджикистана, Казахстана и Армении участвовали на саммите в Москве и выступили с четырьмя совместными декларациями: «Во-первых, пять государств-членов готовы осуществлять всестороннее сотрудничество в рамках СНГ, ШОС и ЕврАзЭС, надеются на развитие отношений с ЕС и подтвердила свою готовность

общаться и координировать свои действия с НАТО. Во-вторых, призвать заинтересованные стороны усилить координацию по афганскому вопросу и обеспечить центральную роль ООН в процессе решения этого вопроса. В-третьих, надеются, что удачно добьются прогресса в решении ядерной проблемы на Корейском полуострове. Считается, что соответствующие стороны должны решить иранскую ядерную проблему политическими средствами при условии, что Иран имеет право на мирное использование ядерной энергии. В-четвертых, стратегической целью организации является содействие установлению справедливого и демократического международного порядка, поддержанию процветания и безопасности в Евразии.»

На Минском заседании Совета коллективной безопасности в июне 2006 г. была принята «Декларация государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности о дальнейшем совершенствовании и повышении эффективности деятельности Организации». В документе было отмечено о необходимости принятия дополнительных мер по адаптации ОДКБ к меняющимся политическим реалиям и потребностям времени, когда она трансформируется в многофункциональную международную организацию безопасности. На заседании также было принято решение о восстановлении членства Узбекистана.

Заседание Совета коллективной безопасности состоялось в Душанбе, Таджикистан, в ноябре 2007 г. На заседании было подписано «Декларация государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 15-летием Договора о коллективной безопасности», был принят ряд важных резолюций по миротворчеству, военно-экономическому сотрудничеству, военно-техническому сотрудничеству, военному строительству. Президенты участвующих государств-членов подписали «Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности».

На Московском заседании Совета коллективной безопасности в сентябре 2008 г. была принята декларация и принят ряд важных решений по внешнеполитической координации, военному строительству, противодействию вызовам и угрозам как: «О дополнительных мерах по усилению антинаркотической деятельности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности», «Решение о Плане коллективных действий государств-членов ОДКБ по реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН на 2008-2012 гг.».

4 февраля 2009 г. на саммите глав ОДКБ (кроме Беларуси и Узбекистана) было принято решение о создании «Решение Совета коллективной безопасности о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ», «Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности». КСБР ОДКБ несут в себе важную роль в сфере безопасности.

После события 11 сентября 2001 г. нетрадиционное влияние обеспечения безопасности России в Центральной Азии все чаще встречалось с новыми вызовами. Столкнувшись с США и со стратегическими дилеммами, помимо проектов сотрудничества в рамках ОДКБ, Россия также сотрудничала с ШОС в сфере безопасности в рамках ОДКБ, с целью сдерживания США.

В октябре 2007 г. ОДКБ и ШОС подписали протокол о сотрудничестве «Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Секретариатом ОДКБ», В этом протоколе уточняется, что сотрудничество в сфере безопасности станет основным направлением взаимодействия ОДКБ и ШОС. Обе организации будут работать над установлением и развитием равноправного и конструктивного партнерства. Сотрудничество в обеспечении региональной и международной безопасности и стабильности, борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, незаконным оборотом оружия, транснациональной организованной преступностью и в других областях,

представляющих взаимный интерес. Будут проведены совместные консультации и обмен информацией, будут сформулированы совместные планы и меры действий. Представители постоянных органов двух организаций могут быть приглашены для участия в соответствующих мероприятиях в рамках двух организаций в качестве гостей.

На неформальном саммите ОДКБ, проходившем в Душанбе, в августе 2011 г., Президент России Дм. Медведев официально предложил изменить процедуру принятия решений, единогласно согласованную членами ОДКБ, на простое большинство в целях повышения эффективности работы ОДКБ. Медведев также предложил ОДКБ уточнить критерии оказания соответствующей помощи странам с внутренними беспорядками. По мнению Д.А. Медведева и генсека ОДКБ Н.Н. Бордюжа, ОДКБ должна эффективно предотвращать политические волнения, такие как «цветные революции» и «арабская весна», и четко давать понять, что ее государства-члены являются зонами ответственности ОДКБ, и ОДКБ должна осуществлять организационное вмешательство, которое заключается в поддержании конституционного порядка.¹

Ускорение темпов создания КСБР является важной вехой для ОДКБ, КСБР - новый состав Коллективных сил, утвержденный ОДКБ в феврале 2009 года и документ о формировании был подписан в июне того же года. Но прогресс был медленным с тех пор. «Арабская весна» ускорила процесс формирования сил. В августе 2012 г. на саммите ОДКБ было принято решение об усилении строительства сил быстрого реагирования.

С 2010 г. ОДКБ провела несколько саммитов и заседаний Совета министров обороны, на которых был принят ряд важных решений по усилению организации для реагирования на новые виды угроз, включая цветные революции.

Улучшение механизма КСОР

В июне 2014 г. Совет министров обороны ОДКБ принял решение об ускорении темпов формирования, сокращении цикла формирования и развертывания, подписании плана оперативного развертывания и утверждении типовой структуры КСОР, создали формирования сил специального назначения, в их состав входят подразделения радиоперехвата, информационно-психологической борьбы и сетевой защиты, и силы специального назначения входят в состав КСБР. Новое формирование сил специального назначения прошло частичную проверку на учениях коллективных сил ОДКБ «Взаимодействие-2014». В конце 2014 года ОДКБ приступила к повышению мобильности коллективных сил и приняла решение о создании коллективных авиационных сил, в состав Коллективных авиационных сил ОДКБ входят авиационные формирования военно-транспортной (транспортной) и специальной авиации вооруженных сил, органов внутренних дел (полиции), национальной гвардии, органов безопасности и специальных служб, а также органов, уполномоченных в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, это поможет ОДКБ добиться совместимости вооружения и техники коллективных сил, то есть иметь однотипные и совместимые в эксплуатации современные образцы вооружения, военной техники и средств связи, и также усилить совместную подготовку по быстрому реагированию.

В декабре 2014 г. Советом коллективной безопасности ОДКБ было принято Решение о создании Консультационного координационного центра Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам реагирования на компьютерные инциденты (ККИ). Ее деятельностью является обеспечение безопасности важных объектов национальной информационной инфраструктуры, которые требуют совместного мониторинга и осуществления обмена информации о кибератаках. Сейчас центр приступил к работе с другими

¹ Объединенный штаб ОДКБ разрабатывает ряд документов, которые регламентируют практическую деятельность Организации - Бордюжа, 27.04.2011, <https://odkb->

csto.org/news/smi/obedinennyy_shtab_odkb_razrabatyva_et_ryad_dokumentov_kotorye_reglamentiruyut_prakticheskuyu_deyateln/?bxaajaxid=18a73a444138192758c60ccab20504c0#loaded

странами и активно создает условия для облегчения руководства государств-членов вести замкнутую видеоконференция, чтобы своевременно получать кризисную информацию и принимать соответствующие меры.

Сотрудничество в информационной сфере

Интернет-сообщества сыграли большую роль в «арабской весне». Страны-члены ОДКБ стали ключевыми мишенями цветных революций, продвигаемых Западом, Кыргызстан является одной из пострадавших стран. Украинский кризис, начавшийся в 2014 г., заставил ОДКБ поднять цветные революции до уровня признания и обращения с ними как с первоклассной угрозой.

В ответ на новые угрозы безопасности в марте 2013 г. была создана Аналитическая инициатива информационно-аналитических ассоциация государств-членов Организации. К ним присоединились некоторые важные институты стратегических исследований, такие как РИСИ, МГИМО, Информационно-Аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) и Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики, что значительно укрепило сотрудничество и силу информационного анализа ОДКБ.

22 апреля 2014 г. в Екатеринбурге на базе УрГЭУ образована Университетская Лига ОДКБ [Панарин 2015: 20–30] в ходе V евразийского экономического форума молодежи. В состав Ассоциации входят 25 вузов и организаций государств-членов ОДКБ, Основная задача — объединить мощь интеллектуального сообщества, скоординировать действия и способствовать всестороннему и бесперебойному сотрудничеству между государствами-членами. Результаты ее исследований могут быть доложены непосредственно главам государств-членов. Оба института находятся под непосредственным руководством

Генерального секретаря ОДКБ. После создания этих двух учреждений они уделили внимание социальным вопросам и организовали широкомасштабные социальные опросы для изучения энтузиазма и мотивации различных социальных групп, особенно «молодых обездоленных групп, не имеющих работы и доходов, живущих в бедности», к участию в социальной жизни. и политической деятельности, в целях обеспечения социальной безопасности.

8 октября 2014 г. в рамках ОДКБ был проведен круглый стол на тему «Информационная война: сегодня и завтра», посвященный использованию пространства социальных сетей для реализации «цветной революции» в странах СНГ. В конце 2014 года состоялась международная научная конференция «Угрозы и вызовы, стоящие перед государствами-членами ОДКБ глазами студенческой молодёжи», организованная МГЛУ, присутствовавшие эксперты и студенты обменялись мнениями о вызовах, рисках и угрозах безопасности, с которыми сталкиваются государства-члены ОДКБ, для участия в которых были направлены представители ОДКБ и некоторых ее государств-членов. 30 июня 2015 г. ОДКБ провела первый круглый стол по информационной безопасности «Гибридные войны: история и современность», на котором обсуждалась гибридная война, ее определение терминов, информационная психология и военные силовые средства и др. сопутствующие вопросы.¹

В октябре 2016 г. в Ереване главы государств подписали Решение Совета коллективной безопасности о создании Центра кризисного реагирования ОДКБ, Целью организации является упрощение коммуникативных трудностей между главами государств, своевременное отслеживание ситуации для реагирования на высшем уровне и повышение эффективности работы различных органов ОДКБ. В центре с 2018 г. проводятся компьютерные учения и в 2019 г. принял участие на одном из крупнейших учений в рамке ОДКБ «Боевое

¹ Тему «Гибридные войны: история и современность» обсудили эксперты очередного "круглого стола" Аналитической Ассоциации ОДКБ, 01. 07. 2015 г., <https://odkb->

[csto.org/news/news_odkb/temu_gibridnye_voyny_istoriy_a_i_sovremennost_obsudili_eksperty_ocherednogo_krug_logu_stola_analitiche/#loaded](https://odkb-csto.org/news/news_odkb/temu_gibridnye_voyny_istoriy_a_i_sovremennost_obsudili_eksperty_ocherednogo_krug_logu_stola_analitiche/#loaded)

братство-2019» [Сидоров, В. Семиряга 2020: 91–14].

Тематика учений в рамках ОДКБ в основном сосредоточена на пяти ключевых звеньях: миротворческие задачи, совместное управление коллективными силами, боевая совместимость вооружения и техники, централизованное осуществление материально-технического обеспечения, совместный транзит войск. и персонал. На этой основе государства-члены регулярно организуют совместные учения, совместные тренировки и внезапные проверки боевой готовности. С помощью продолжения пересмотра содержания Договора о коллективной безопасности для преобразования организации из военно-политического блока, характеризующегося напряженной военной координацией, снижением угрозы каждого государства-члена другим членам организации в организацию многофункциональную всестороннюю систему безопасности, которая базируется на основе коллективного сознания и взаимопомощи. Этот сдвиг возродил в Москве надежды на военную интеграцию вооруженных сил России и Центральной Азии в рамках объединенного штаба, в основе которого будут Силы быстрого реагирования ОДКБ.¹ содействуя региональному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом и безопасности на нормализованной основе.

После теракта 11 сентября 2001 г. военные учения в рамке СНГ не ослабевали. Только в 2002 г. в Центральной Азии и прилегающих к ней районах были проведены совместные военные учения под названием «Юг-антитеррор-2002» и крупномасштабные совместные антитеррористические военные учения в Каспийском море, а также небольшие совместные антитеррористические и антинаркотические военные учения, такие как «Рубеж-2016» и «Гром-2017».

В марте 2017 года армии России и Таджикистана провели совместные антитеррористические учения на трех полигонах Минобороны Таджикистана и

двух полигонах 201-й российской военной базы в Таджикистане.

С момента распада СССР западные силы постепенно усиливались в круге российского традиционного влияния, что привело Россию инициировать создать новую организацию ОДКБ с усиленным оборонительным характером на основе СНГ, создавая специализированные силы и органы в рамке ОДКБ, которые дают больше шансов для реагирования на потенциальные угрозы и вызовы, и ОДКБ уделяет многое внимание на улучшение механизма взаимодействия. На развитие стратегии ОДКБ влияет ситуация на внешнем мире, на данный момент многосторонние и двусторонние антитеррористические военные учения сыграли большую роль в борьбе с региональными террористическими силами и стабилизации обстановки в регионе. С 2004 г. на территории государств-членов ОДКБ было проведено свыше 30 учений различного характера. Только в 2021 году состоялось восемь масштабных учений, пять из них были проведены на территории Таджикистана, близко к афганской границы. Причина ясна: с территории Афганистана исходит одна из самых серьёзных угроз безопасности всему региону. Возможны различные сценарии кризисного развития ситуации в этой стране, каждый из которых может отразиться на безопасности стран Центральной Азии.

ОДКБ имеет схожие стратегические цели с ШОС: борьба с терроризмом и экстремистскими группировками. Для достижения этих целей, в рамке ОДКБ с ШОС 5 октября 2007 г. подписали Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ, который определяет «точки соприкосновения» по налаживанию и развитию отношений и взаимодействия между Секретариатами ШОС и ОДКБ, и также был подписан меморандум с РАТС ШОС в 2018 году, как раз главной целью России с ШОС является военно-политическое сотрудничество [Амонулов, Холиков 2020: 205-211], это дает возможность ОДКБ на дальнейшее

¹ Roy Allison, Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia, International

Affairs, Royal Institute of International Affairs, Vol. 80, No. 3, 2004гг., pp.463- 483

развитие для региональной безопасности с активным участием России.

На самом деле, сотрудничество ШОС в областях обороны и безопасности все еще находится на относительно низком уровне. Хотя ШОС выпустила много деклараций и юридических документов о сотрудничестве в области безопасности, конкретная реализация идет относительно медленно, и многие из них все еще находятся в письменной или первоначальной форме. Кроме того, необходимо совершенствовать построение механизма сотрудничества в области безопасности ШОС. Что касается сотрудничества ШОС в сфере безопасности, то антитеррористическое сотрудничество остается в основном на стадии учений, а возможности координации контртеррористической деятельности и совместного реагирования ограничены. Люди склонны слишком много внимания уделять на характер и стратегическое значение ШОС и меньше на функциональную повседневную деятельность организации. Но как практика сотрудничества ШОС в области политики, экономики и гуманитарных наук продолжает углубляться, одновременно начинает появляться попытки добиться выдающихся результатов в нескольких областях. И вероятно, это усилит конкуренцию ШОС с ОДКБ.

Начиная со 2 января 2022 г. в крупных городах Казахстана вспыхнули масштабные акции протеста из-за постоянного роста цен на сжиженный газ и недовольства властью. Протестующие заняли многие правительственные здания, к протестующим присоединились многие военные и полицейские, а правительство объявило чрезвычайное положение. Президент Казахстана К-Ж. Токаев заявил, что усилит подавление протестов, и 5 и 6 января он заявил, что Казахстану угрожают террористические силы, которые наносили удары по арсеналам, аэропортам и военным объектам, вступали в перестрелки с солдатами, в связи с этим К-Ж Токаев запросил поддержку у ОДКБ. 6 января ОДКБ оперативно направила в Казахстан КМС в составе более 2000 военнослужащих из Армении, России, Белоруссии, Кыргызстана

и Таджикистана. Основной задачей КМС является защита казахстанских госструктур и ключевых объектов. 15 января ОДКБ объявила о выполнении основной задачи и приступила к выводу миротворческих сил, 19 января вывод КМС был завершен. Эта миссия оказала определенное влияние на западных наблюдателей и политиков, госсекретарь США Э. Блинкен заявил 7 января: «Так что непонятно, почему они нуждаются в какой-либо посторонней помощи, поэтому мы пытаемся узнать об этом больше.» и «Я думаю, что один из уроков недавней истории заключается в том, что когда русские находятся в вашем доме, иногда очень трудно заставить их уйти». Такой тип беспокойства уходит сам по себе после выполнения задачи. Данная операция является первой официальной миротворческой миссией ОДКБ.

В настоящее время ситуация в Афганистане сложная и изменчивая, она сопровождается острейшими экономическими и политическими проблемами, возрастает угроза терроризма и оборота наркотиков, полный вывод американских войск из Афганистана создал новые проблемы безопасности. И на афганской территории продолжают свою активность разные террористические группы, которые действующая власть Талибов в Кабуле не может ликвидировать. Элементы «Исламского государства», скрывающиеся в Афганистане, будут проникать в Центральную Азию и другие места, серьезно угрожая региональной безопасности, например, «Исламское государство» в 2021 г. совершило 334 террористических акта, что в пять раз больше, чем годом ранее. Для ситуации в Афганистане глава МИД РФ Сергей Лавров подчеркнул: «И, если будет нападение на Таджикистан, конечно, это будет немедленным предметом для рассмотрения в ОДКБ». Очевидно, что ОДКБ уделяет повышенное внимание на ситуацию в

Афганистане¹. Государства-участники ОДКБ углубляют сотрудничество в области безопасности границ и строят эффективные барьеры безопасности. Следует в полной мере учитывать комплексный характер афганской проблемы и сосредоточить внимание на афганском вопросе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Allison R.* Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia, *International Affairs*, Royal Institute of International Affairs, Vol. 80, No. 3, 2004гг., pp.463- 483.
- Brzezinski Zb.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, New York, Basic Books, p.201, 1997.
- Starr F.* A Partnership for Central Asiatic, *Foreign Affairs* Vol. 84, No. 4 (Jul. - Aug. 2005), pp. 164-178.
- Trenin D.* Russia's Spheres of Interest, not Influence, *The Washington Quarterly*, 2009г. том.32 №4, с.3-22.
- Амонулов Ш.П., Холиков И.В.* Современные тенденции развития военного компонента Шанхайской организации сотрудничества, *Военное право*. 2020. № 4 (62), с. 205–211.
- Ибрагимов А. Г.* ОДКБ как инструмент региональной безопасности // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 4. С. 1157–1164.
- Панарин И. Н.* ОДКБ и безопасность Евразии. Обзор. нцпти выпуск №7, 2015г. с.20-30.
- Пархитыко Н.П.* Военно-политическое сотрудничество на пространстве СНГ. Политика ОДКБ в итогах юбилейного саммита ОДКБ в Минске 30.11.2017. // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1. № 1. С. 9–19.
- Сидоров А., Семиряга В.* Осведомлен — значит, вооружен, *Армейский сборник*, №3, с. 9–14, 2020.
- Федулова Н. Г.* Проблемы безопасности и военного сотрудничества в рамках СНГ, *Отечественная история*. 2000. № 5. с-69–84.
- Федько А. В.* Роль ОДКБ в борьбе с наркотрафиком в Афганистане: пути решения 2001–2018 гг. // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 4. С. 1174–1179.
- Щеколдина Т. И.* Контртеррористическая и антиэкстремистская деятельность ОДКБ // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 6. С. 1373–1384.
- Щеколдина Т. И.* ОДКБ как инструмент обеспечения военно-политических интересов России на пространстве СНГ: проблемы управляемости // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 4. С. 1165–1173.
- 蔣新衛。冷戰後中亞地緣政治格局變遷與新疆安全和發展，2007年，359頁。

REFERENCES

- Allison R.* Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia, *International Affairs*, Royal Institute of International Affairs, Vol. 80, No. 3, 2004гг., pp.463- 483
- Amonuloev SH.P., Holikov I.V.* Sovremennye tendencii razvitiya voennogo komponenta SHanhaishkoj organizacii sotrudnichestva, *Voennoe pravo*. 2020. No 4 (62), s. 205-211.
- Brzezinski Zb.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, New York, Basic Books, p.201, 1997
- Fed'ko A.V.* Rol' ODKB v bor'be s narkotrafikom v Afganistane: puti resheniya 2001-2018 gg. // *Postsovetskie issledovaniya*. 2019. T. 2. № 4. S. 1174-1179.
- Fedulova N.G.* Problemy bezopasnosti i voennogo sotrudnichestva v ramkah SNG, *Otechestvennaya istoriya*. 2000. № 5. s-69-84.
- Ibragimov A.G.* ODKB kak instrument regional'noj bezopasnosti // *Postsovetskie issledovaniya*. 2019. T. 2. № 4. S. 1157-1164.
- Panarin I.N.* ODKB i bezopasnost' Evrazii. *Obzor.ncpti vypusk №7*, 2015g. s.20-30.

¹ Зась С. В., Комментарий Генерального секретаря ОДКБ Станислава Засы в связи с резким изменением ситуации в Исламской Республике Афганистан, 16.08.2021, <https://odkb->

[csto.org/news/news_odkb/kommentariy-generalnogo-sekretarya-odkb-stanislava-zasya-v-svyazi-s-rezkim-izmeneniem-situatsii-v-is/#loaded](https://odkb-csto.org/news/news_odkb/kommentariy-generalnogo-sekretarya-odkb-stanislava-zasya-v-svyazi-s-rezkim-izmeneniem-situatsii-v-is/#loaded), (дата обращения 20.03.2022)

- Parhit'ko N.P.* Voенно-politicheskoe sotrudnichestvo na prostranstve SNG. Politika ODKB v itogah yubilejnogo sammita ODKB v Minske 30.11.2017. // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. № 1. S. 9-19.
- Shchekoldina T.I.* Kontrterroristicheskaya i antiextremistskaya deyatel'nost' ODKB // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1373-1384.
- Shchekoldina T.I.* ODKB kak instrument obespecheniya voенно-politicheskikh interesov Rossii na prostranstve SNG: problemy upravlyaemosti // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 4. S. 1165–1173.
- Sidorov A., Semiryaga V.* Osvedomlen — znachit, vooruzhen, Armejskij sbornik, №3, s. 9-14, 2020.
- Starr F.* A Partnership for Central Asiatic, Foreign Affairs Vol. 84, No. 4 (Jul. - Aug. 2005), pp. 164-178
- Trenin D.* Russia's Spheres of Interest, not Influence, The Washington Quarterly, 2009г. том.32 №4, с.3-22

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ву Чи-Ян, магистр в области Международных отношений. Тайвань. E-mail: 1032205827@rudn.ru

Wu Chi-Yuan, Master of International Relations. Taipei, Taiwan. E-mail: 1032205827@rudn.ru

ПРОБА ПЕРА / FIRST STEPS

Научная статья/ Research article

Узбекская диаспора в Москве

И. А. Танчук

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: tanchuk.irina.alexeevna@mail.ru

Аннотация. В современной России вопросы устойчивой демографической динамики особым образом актуализированы. Ключевое место в их числе занимает проблематика миграций, включая и такие её приоритетные аспекты, как анализ важнейших факторов и направлений миграционных потоков, их этническая структура, а также воздействие миграции на этнодемографические и этнокультурные изменения в российских регионах. Весь постсоветский период подавляющую часть миграционного прироста населения России обеспечивали государства Центральной Азии. Этот процесс уже с середины 2000-х гг. сопровождается укоренением, ростом локализованных на территории Российской Федерации диаспор ведущих центральноазиатских этносов: в первую очередь представителей узбекской, киргизской и Узбекской национальности. В статье акцентированы геоэкономические факторы иммиграции в Россию, выделены пространственные особенности формирования диаспор народов Центральной Азии (с максимальной детализацией для наиболее многочисленной этнической общности Центрально-Азиатского макрорегиона — узбекского этноса). Показано, что на фоне практически повсеместного роста численности узбекской диаспоры наибольшую привлекательность для иммигрантов демонстрируют экономически высокоразвитые территории — столичный регион и их ближайшая периферия.

Ключевые слова: миграция, диаспоры, демографическая динамика, регионы, Россия, постсоветский период. Центральная Азия.

Для цитирования: Танчук И. А. Узбекская диаспора в Москве // Постсоветские исследования. 2022; 6(5):647-655.

Uzbek Diaspora in Moscow

Irina A. Tanchuk

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: tanchuk.irina.alexeevna@mail.ru

Abstract. In modern Russia, the issues of sustainable demographic dynamics are particularly relevant. The key place among them is occupied by the problems of migration, including such priority aspects as the analysis of the most important factors and directions of migration flows, their ethnic structure, as well as the impact of migration on ethnodemographic and ethno-cultural changes in Russian regions. Throughout the post-Soviet period, the vast majority of the migration growth of the Russian population was provided by the states of Central Asia. This process has been going on since the mid-2000s. It is accompanied by the rooting and growth of diasporas of the leading Central Asian ethnic groups localized on the territory of the Russian Federation: first of all, representatives of Uzbek, Kyrgyz and Uzbek nationalities. The article focuses on the geo-economic factors of immigration to Russia, highlights the spatial features of the formation of diasporas of the peoples of Central Asia (with maximum detail for the largest ethnic community of the Central Asian macroregion — the Uzbek ethnic group). It is shown that against the background of almost universal growth in the number of the Uzbek diaspora, economically highly developed territories — the capital region and their immediate periphery - demonstrate the greatest attractiveness for immigrants.

Keywords: migration, diasporas, demographic dynamics, regions, Russia, post-Soviet period. Central Asia.

For citation: Irina A. Tanchuk. Uzbek Diaspora in Moscow // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022;6(5):647-655 (In Russ.).

Миграции постсоветских лет заметно изменили этнический состав населения многих российских регионов. К причинам этих миграций относятся распад СССР, сложные социально-экономические условия в государствах Закавказья и Центральной Азии, военные и межэтнические конфликты. Под воздействием этих обстоятельств происходили масштабные миграции в Москву. Так в регионе появлялись «новые» диаспоры. Они сохраняют свои обычаи и культуру, часто предстают своего рода этническими анклавами. Одним из таких «новых» для края народов являются узбеки.

Значительный вклад в разработку методологии изучения диаспоральных отношений внесли и отечественные социальные исследователи. В частности, по мнению Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, диаспора представляет собой устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, которая живет в иноэтничном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеет социальные институты для развития и функционирования данной общности. Как метафорично отмечает В.И. Дятлов, диаспора некий отделившийся кусок этнического материка, его «сколок», продолжение, несущее в себе все его основные характеристики. Попытки теоретического осмысления и типологизации данного понятия принадлежат А.Ю. Милитареву, В.Д. Попкову и др. [Кашпур, Поправка 2018].

Широкий пул работ советских и российских авторов представлен результатами практикоориентированных исследований, направленных на выявление конкретных особенностей функционирования диаспор, их интеграции в принимающее сообщество. Так, научный коллектив под руководством А.В. Дмитриева проанализировал проблемы взаимодействия земляческих диаспор не только с местным населением, но и с прибывающими мигрантами. Национальный фактор принимался во внимание при изучении диаспоральных сообществ в работах А.А.

Авагимян, В. Кардумян и О.А. Щербиной об армянах, З. Алиева и Г.А. Ализаде об азербайджанцах, И.Л. Поздеева и А.А. Арзамасова об узбеках и др. Зачастую при изучении данного феномена в региональных пространствах прослеживается сдвиг в сторону этнографии. Вскользь о диаспоральных особенностях упоминается в социологических работах, посвященных межэтническим отношениям, а также особенностям межкультурной адаптации и интеграции представителей этносов в региональном сообществе [Левин 2019].

Процессы становления и развития диаспор народов Центральной Азии привлекают все больше внимание ученых. Миграционные и этносоциальные тенденции в Узбекской диаспоре Перми, Оренбурга и Екатеринбурга изучены в публикациях А.В. Черных, В.В. Амелина, Т.М. Баротова и В.И. Мукомеля. Сообщество московских узбеков пока специалистами не рассматривалось.

Глобальные изменения, происходящие в начале третьей декады XXI в., внесли коррективы на реализацию национальных стратегий развития и на геополитические процессы в Центральной Азии. Воздействие пандемии коронавируса стало серьезным испытанием для устойчивого развития Узбекистана в 2020 г. В связи с пандемией коронавируса Узбекистан, как и многие страны мира, выбрал практику определенной изоляции от окружающих государств. В Узбекистане в целях противодействия пандемии избрали «мягкий» режим «самоизоляции», перекрыв границы, прекратив воздушные и железнодорожные перевозки.

Распространение пандемии в Узбекистане привело к определенному ослаблению имеющихся связей промышленного и сельскохозяйственного производств и поставок товаров, перерыву работ гражданских авиа и железнодорожной коммуникации, сферы туризма и т.д. Закрывание границ уже привело к подорожанию продуктов питания и основных промышленных товаров, а из-за введенных карантинных мер в странах традиционного пребывания трудовых

мигрантов упал приток денежных переводов [Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика 2014]. В ближайшей перспективе Узбекистану, также как и другим государствам Центральной Азии, основные усилия придется прилагать не только для реализации Национальной стратегии развития, но и на преодоление кризиса до и после пандемии.

Ценность знания имеет исключительное значение в созидании человеческой культуры и цивилизации. Знание формирует отдельного человека и целые общества, лежит в основании взаимного общения стран и народов. Особое отношение к знанию характеризует страны и народы, строящие свои связи на прочном фундаменте глубокого взаимопонимания, ведущего к долгосрочной дружбе и взаимному согласию. К таким странам, безусловно, принадлежат Россия и Узбекистан. К таким народам принадлежат узбекский и русский народы.

Россия и Узбекистан входят в мировую культурную историю как уникальные центры науки, образования и просвещения. Искони русскому и узбекскому народу была присуща особая познавательная культура, особое видение познавательных способностей человека. Свою миссию оба народа усматривали в творческом освоении, приращении и сбережении человеческих знаний, в развитии и сохранении ценностей и достижений культуры. Именно поэтому их отношения были результативными и плодотворными, насыщенными взаимным сотрудничеством и свершениями.

Присущее обоим народам отношение к знанию выражалось, прежде всего, в представлении о неразрывной, сущностной связи знания и этики, в единстве знания и нравственного сознания, в истолковании сути познавательной деятельности человека как деятельности, имеющей ценностное измерение. Подчеркнем, что в среднеазиатском Возрождении и узбекском просвещении, а также в русском Возрождении и русском просвещении,

человеческое познание никогда не разобщалось с миром нравственных норм и императивов, имело четкий ценностный стержень и гуманистический смысл. Знание познания здесь строилось на надежном основании этики [Политика интеграции мигрантов 2020].

Познавательная культура, культура познания узбекского и русского народа обладает неповторимыми чертами. Речь идет о видении содержания знания как ценностно соотнесенного, нравственно значимого. Речь идет о понимании укорененности познания в системе духовно-интеллектуальных, неутилитарных ценностей гуманистических ценностях нравственно-разумной человечности, отражающих самоосуществление человека на путях истины, добра и красоты. В таком случае познание обретает способность формировать и совершенствовать человеческое бытие, творить облик подлинно культурного духовно-нравственного человека. Познание не сводится к набору исключительно утилитарно осознанных фактов и практик. По своему существу оно содействует гуманному облагораживанию и духовному росту человеческой личности.¹

Свойственное народам России и Узбекистана утверждение ценностно-нравственного смысла познания выражается в его культурно-центрическом видении. Следуя этому видению, мир человеческого знания неотчуждаем от мира ценностей, образующих мир культуры. Мир человеческого знания неразрывно соединен с культурными космосами конкретных народов, стран и цивилизаций. Человеческое знание не безжизненно и внеисторично. Оно существует в недрах культурных миров истории, воплощено в них, представлено ими.

Человеческое познание являет собой целостный онтокультурный процесс. Человеческое познание осуществляется через живое, действенное сопричастие бытию культуры, совершается посредством творческого участия в ее ценностных

¹ Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // «Национальный интерес». Специальный проект журнала «Россия в глобальной политике».

Электронный ресурс. -URL: <http://globalaffairs.ru/valday/Trudovaya-migratsiya-iz-Tcentralnoi-Azii-v-Rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa-18333>.

системах. Достижение и освоение знаний возможно через породившие их культурные миры, через познание и освоение их ценностных систем. Познание мира и человека реализуется через познание культуры, ибо всякое знание, в конечном счете, существует в соотнесенности с конкретными, своеобразными и неповторимыми ценностно определенными культурными мирами. Проникновение в эти миры расширяет горизонты познавательного совершенствования и роста.

Когда освоение и накопление знаний идет рука об руку с глубинным проникновением в иные культурные миры, постижение иной, содержательно богатой культуры предстает как важнейшая познавательная задача, мыслится условием собственного прогресса и развития. В данной ситуации межкультурное взаимодействие приобретает особый смысл. Оно претворяется в процесс приращения своего культурного потенциала. Одновременно оно видится как дарение себя другим, расходование своего культурного ресурса на обогащение иных культурных миров. Именно этими путями шли в истории народы России и Узбекистана.

Исторические связи России и Узбекистана всегда имели мощную культурно-просветительскую составляющую. Плодотворное взаимодействие в области всех форм интеллектуальной жизни, в том числе науки и образования, стало парадигмальным для сотрудничества обеих стран. Именно сфера интеллектуальной кооперации в течение столетий определяла исключительно позитивный фон отношения двух стран, объединяя усилия их народов через усилия их лучших сынов в общем движении к совершенству, процветанию и прогрессу [Ташкенбаева 2019].

Стремление к взаимному сотрудничеству между народами России и Узбекистана имеет глубокие исторические предпосылки. Продуктивный опыт культурного взаимодействия славянской восточно-христианской цивилизации России и тюркской среднеазиатско-мусульманской цивилизации Мавераннахра коренится в близости ценностей этих евразийских

культурных миров. Ценностные системы народов России и Узбекистана во многом имеют родственные смыслы и архитектуру. Стоит отметить, что на сходство тюркской и русской ментальности доказательно указывали ученые-евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Л.Н. Гумилев, А.С. Панарин и др.), видящие славяно-тюркское единение одним из решающих факторов развития Культурной Евразии.

Ценностные системы русского и узбекского народа всегда характеризовали традиционность и нравственный консерватизм. Эти системы включают близкие представления о едином Боге, вечном смысле неповторимой человеческой жизни, особом положении человека в мире. Оба народа имеют сходное видение взаимного солидарного служения человека человеку. Подобное видение выражается в семейственности, дружелюбности, честности и взаимном уважении. Подобное видение проявляется в мужественности и героизме в отстаивании идеалов справедливости и добра. Оно предельно отчетливо кристаллизуется в особой жертвенной этике культурного и цивилизационного строительства, когда отдельный человек и целый народ способны беззаветно жертвовать своими силами и ресурсами для общего блага и цели.

Русскому и узбекскому народу свойственен особый культурно-цивилизационный интегрализм, раскрывающийся в тяготении к мощным объединительным культурным и цивилизационным проектам, в стремлении выразить себя через собиравание, сосредоточение своих и чужих сил в масштабных исторических задачах и свершениях. Оба народа имеют близкие представления о сплачивающей и объединяющей, а, следовательно, определяющей роли знания в деле созидания культуры и цивилизации [Каримова 2014: 599].

Представления об особой роли знания многогранно раскрылись в создаваемых русским и узбекским народом грандиозных интегральных проектах культурного просвещения, охватывающих пространные

географические территории и большие исторические эпохи. Эти представления отразились в том исключительном значении, которое приобрел культурно-просветительский проект среднеазиатского Возрождения для исторического самоопределения культурных миров России и Узбекистана, для глубокого взаимного познания и длительного результативного сотрудничества узбекского и русского народа [Бируни 2011: 43].

Итак, с момента распада СССР и до сегодняшнего дня в Российскую Федерацию, и, в частности, в Москву, идет непрерывный поток трудовых мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев из стран Центральной Азии бывших советских республик, для которых Россия по-прежнему остается «общим домом». Масштабы, формы и направления миграционных потоков создают целый ряд сложных проблем, которые требуют новых решений у властей, общественных структур [Максакова 2008].

Притягательность Москвы для мигрантов из Центрально-Азиатского региона обусловлена рядом исторических, экономических, политических и социокультурных факторов.

Исторически сложившаяся на Евразийском пространстве миграционная система базируется на разнообразных тесных связях между странами бывшего Советского Союза, знании русского языка, понимании менталитета и культурных особенностей российского населения. Данное обстоятельство, безусловно, существенно снижает социокультурную дистанцию между мигрантами и принимающим населением (особенно представителями старшего поколения).

На сегодняшний день в России сложились «притягательные» экономические условия для трудовой миграции из стран Центральной Азии: масштабный и диверсифицированный рынок труда, растущая потребность в рабочей силе во многих отраслях экономики, более высокий уровень зарплат и качества жизни.

В реализации условий интеграции важнейшую роль играют национальные диаспоры — социальные образования, возникающие на основе национальных

меньшинств, находящиеся за пределами своей исторической родины и обладающие рядом характерных признаков (поддержка этнокультурной идентичности, солидарность и взаимопонимание между членами группы, коллективная память об исторической родине и т.д.) [Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика 2014].

Наиболее актуальной и точной нам представляется определение З.И. Левина, который под диаспорой понимает «устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в этнокультурном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа)» [Максакова 2014: 415-416].

Диаспоры могут действовать в двух организационных формах: как некоммерческие организации и как общественные объединения, которые, в свою очередь, делятся на национально-культурные автономии и общественные организации (фонды, ассоциации, культурные центры).

В Узбекистане из-за высокого демографического потенциала и ограниченного числа рабочих мест внутри страны сохраняется высокий спрос на работу за рубежом. Трудовая эмиграция исходит в основном из Андижанской и Самаркандской областей. По оценкам узбекского исследователя Л.П. Максаковой 10, 80—85% трудовых эмигрантов из Узбекистана направляется в страны СНГ, преимущественно в Российскую Федерацию и Республику Казахстан. Также постепенно увеличивается поток трудовой миграции из Узбекистана в США, Израиль, Грецию, ОАЭ, Турцию, Иран, Корею и другие страны за пределами бывшего СССР. Однако рынки труда этих стран для узбеков малодоступны. Во многих странах возникают проблемы с получением рабочих виз, приходится преодолевать высокую конкуренцию с мигрантами из России, Украины и других стран СНГ, Восточной Европы, бывшей Югославии. Кроме того, мешает отсутствие необходимого трудового опыта, низкая конкурентоспособность рабочей силы, слабое знание иностранных языков и т.д. Поэтому масштабы этого миграционного

потока относительно невелики и подавляющее большинство узбекских трудовых мигрантов пока осуществляют свою трудовую деятельность в пределах СНГ. Этому способствуют спрос на рабочую силу в России и Казахстане, не столь высокий языковой барьер, безвизовый режим въезда, давние партнерские, родственные и дружеские связи.

Определить реальные масштабы трудовой эмиграции из Узбекистана и численность узбекской трудовой диаспоры достаточно трудно. Начиная с 2004 года блок вопросов по трудовой миграции был включен в программу ежеквартальных выборочных обследований домохозяйств по вопросам занятости и безработицы, осуществляемых Министерством труда и социальной защиты населения (выборка охватывает 1% населения Узбекистана). По результатам опроса определяется расчетная численность трудовых эмигрантов за рубежом, что в какой-то мере позволило прояснить ситуацию с масштабами трудовой эмиграции [Бедрина, Шаболина 2012: 310-316].

Например, по этим данным, в 2005 году численность официально зарегистрированных трудовых эмигрантов составила 263 тыс. человек, а в 2007 году — более 400 тыс. человек. В то же время эксперты утверждали, что это неполные сведения. В частности, исследователь С. Олимова считает, что в 2005 году численность трудовых эмигрантов из Узбекистана составляла от 800 тыс. до 2 млн человек. По оценкам исследователя из Узбекистана Л.П. Максаковой, основанным на материалах выборочных социологических обследований и данных исследователей принимающих стран, в трудовую эмиграцию и внутреннюю трудовую миграцию включены не менее 1 млн человек¹². По данным Всемирного банка, за пределами Узбекистана в 2010 году работали 1 955 тыс. узбекских граждан, или 7% населения страны. Данные национальной статистики, опубликованные Статкомитетом СНГ, показывают, что в регионе в 2013 году численность узбекских граждан составляла около 480 тыс. человек.

Однако эти данные сильно занижены, прежде всего, потому что сведения не включают патенты для работы у физических лиц, выданные в Российской Федерации и Республике Казахстан. Если добавить к этому количеству 595 тыс. патентов, выданных только в России в 2013 году, то численность узбекских рабочих в СНГ составит около 1,1 млн человек.

Трудоустройство узбекских граждан, как правило, организуют этнические узбеки, ранее выехавшие из Узбекистана и обосновавшиеся в России. В последние годы они приезжают на родину и нанимают родственников и знакомых для работы в России. Многие мигранты из Узбекистана ездят на временную сезонную работу в Россию весной и летом, а осенью возвращаются на родину. Определенная часть узбекских трудовых мигрантов живет в России без регистрации по месту пребывания и (или) работает без разрешения на работу или патента. Являясь недокументированными мигрантами, многие из них абсолютно не защищены.

В России мигранты из Узбекистана концентрируются в пограничных с Казахстаном регионах — в Астраханской, Самарской, Саратовской, Омской областях, Алтайском крае [Мукомель 2013]. Также много узбекских трудовых мигрантов работают в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Калининградской области. Расселение и трудоустройство узбекских трудовых мигрантов преимущественно близ границы с Казахстаном обусловлено их желанием чаще выезжать на родину, отраслевой структурой экономики и миграционной политикой российских регионов.

По данным переписи населения 2010 года, в России насчитывалось 131 тыс. узбекских граждан, которые относились к категории постоянного населения (то есть жили в России более одного года). По данным ФМС, в 2013 году в российской экономике работали официально более 1,1 млн трудовых мигрантов из Узбекистана, в том числе с разрешениями на работу 477 тыс. и с патентами 595 тыс. человек. Большинство узбекских граждан в России с разрешениями на работу у юридических лиц работали в

строительстве (37%), промышленности (17%), торговле (12%), сельском хозяйстве (11%), сфере обслуживания (11%), транспорте (4%), жилищно-коммунальном хозяйстве (3%).

К сожалению, статистика трудовой миграции в отраслевом и страновом разрезе за более поздние годы в России недоступна. Но введение патентов для работы у физических лиц привело к тому, что значительная часть документированных мигрантов из Узбекистана теперь статистически «переместилась» в «домашнюю экономику» (примерно половина из них занята теперь именно здесь). Демографические прогнозы свидетельствуют, что Республика Узбекистан, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, останется для Российской Федерации и Республики Казахстан одним из основных поставщиков иностранной рабочей силы.

Информация о роли узбекской диаспоры в социально-экономическом развитии Узбекистана носит ограниченный характер. Прежде всего, вклад трудовых мигрантов может рассматриваться в контексте денежных переводов. В частности, поданным Центрального банка (ЦБ) России, размеры денежных переводов из Российской

Федерации в Республику Узбекистан в 2020 году составили 6,6 млрд долл. По данным ЦБ России, масштабы трансграничных операций физических лиц, находящихся в Российской Федерации, с Узбекистаном в 2020 году достигли 6,1 млрд долл., в том числе в пользу физических лиц-нерезидентов в Узбекистан было 5,7 млрд долл. Как используются данные переводы, оценить сложно, поскольку исследований по Узбекистану мало, а официальные данные весьма скудны.

Выводы. Следует заключить что, в 2022 году, работа Узбекской диаспоры Москвы, в области социальной адаптации может быть эффективной только в случае их тесного взаимодействия с местными органами власти и общественными структурами, что, в частности, предполагает оказание диаспоральной структуре различных форм помощи, организацию совместной консультативной деятельности, включение представителей этнических меньшинств в различные ведомственные экспертные советы и другие контрольные комиссии и т.д.

Представители национальных диаспор демонстрируют высокую степень лояльности по отношению к органам власти. Среди представителей национальных диаспор преобладают оптимистические взгляды на ближайшее будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедрина Е.Б., Шаболина К.А.* Мотивы иммиграции в современной России. / Демографический и миграционный потенциал Урала: материалы круглых столов III Уральского демографического форума с международным участием. - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. -С. 310–316.
- Бируни. Минералогия / Пер. А. М. Беленицкого. 2-е изд. СПб.2011. С. 43. Имеется в виду характеристика сочинения аль-Бируни, которую дал академик С. П. Толстов. См.: Толстов С. П. Бируни и его «памятники минувших поколений» / Бируни Абу Рвйхан. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 2015
- Калинина К.В.* Национальные меньшинства в постсоветских государствах как фактор национальной политики // Вопросы политологии. 2018. № 4.
- Каптур В.В., Поправке И.Г.* Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) // Вестник Томского университета. -2018. -№354.
- Конрад Н. И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1966. Гульга А. В. Н. И. Конрад как философ // Проблемы истории и теории мировой культуры. М.: Наука, 1974. См. Совастеева Ю. В. Академик Н. И. Конрад и его концепция Возрождения на Востоке // Россия и АТР. 2013. №1. О периодизации среднеазиатского Возрождения см. Хайруллаев М. М. Фараби - крупнейший мыслитель средневековья. (К 1100-летию со дня рождения Абу Насра Фараби). Ташкент, 1973. Ташкенбаева Д. А. Восточный Ренессанс и его культурное наследие: взгляд зарубежных исследователей // Колпинские чтения по краеведению и туризму. РГПУ им. А. И. Герцена. 2019.

- Курьлев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А.* Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 315-327.
- Левин З.И.* Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ. М.: Институт востоковедения РАН. Издательство «Крафт+», 2019.
- Максакова Л. П.* Внутренняя трудовая миграция. / В сб. «Трудовая миграция в Республике Узбекистан» / Отв. ред. Е. В. Абдуллаев. - Т., 2008.
- Максакова Л. П.* Узбекистан в системе международных миграций. // Демоскоп, 2010, № 415–416. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/institut/institute.html
- Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель М.: НИ «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека «Academia», 2014.
- Мукомель В.И.* 2013. Политика интеграции мигрантов циял,риски: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига. 33 с.
- Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2020.
- Цит. по: Каримова М. Ж. Улугбек как покровитель науки и искусный дипломат / М. Ж. Каримова, М. Ахмедова, М. М. Алимова И Молодой ученый. 2014. № 6(65). С. 599.

REFERENCES

- Bedrina E.B., SHabolina K.A.* Motivy immigracii v sovremennoj Rossii. / Demograficheskij i migracionnyj potencial Urala: materialy kruglyh stolov III Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem. - Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2012. -S. 310–316.
- Biruni.* Mineralogiya / Per. A. M. Belenickogo. 2-e izd. SPb.2011. S. 43. Imeetsya v vidu harakteristika sochineniya al'-Biruni, kotoruyu dal akademik S. P. Tolstov. Sm.: Tolstov S. P. Biruni i ego «pamyatniki minuvshih pokolenij» / Biruni Abu Rvjhan. Izbrannye proizvedeniya. T. I. Tashkent, 2015
- Kalinina K.V.* Nacional'nye men'shinstva v postsovetskih gosudarstvah kak faktor nacional'noj politiki // Voprosy politologii. 2018. № 4.
- Kashpur V.V., Popravke I.G.* Sociokul'turnaya adaptaciya migrantov: problemy i strategii (Tomskij kejs) // Vestnik Tomskogo universiteta. -2018. -№354.
- Konrad N.I.* Zapad i Vostok. M.: Nauka, 1966. Gulyga A. V. N. I. Konrad kak filosof // Problemy istorii i teorii mirovoj kul'tury. M.: Nauka, 1974. Sm. Sovasteeva YU. V. Akademik N. I. Konrad i ego koncepciya Vozrozhdeniya na Vostoke // Rossiya i ATR. 2013. №1. O periodizacii sredneaziatskogo Vozrozhdeniya sm. Hajrullaev M. M. Farabi - krupnejshij myslitel' srednevekov'ya. (K 1100-letiyu so dnya rozhdeniya Abu Nasra Farabi). Tashkent, 1973. Tashkenbaeva D. A. Vostochnyj Renessans i ego kul'turnoe nasledie: vzglyad zarubezhnyh issledovatelej // Kolpinskiye chteniya po kraevedeniyu i turizmu. RGPU im. A. I. Gercena. 2019.
- Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Hotivrishivili A.A.* Миграционные потоки из Central'noj Azii v strany Evropejskogo soyuza // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Т. 18. № 2. С. 315-327.
- Levin Z.I.* Mentalitet diasporы. Sistemnyj i sociokul'turnyj analiz. M.: Institut vostokovedeniya RAN. Izdatel'stvo «Kraft+», 2019.
- Maksakova L.P.* Vnutrennyaya trudovaya migraciya. / V sb. «Trudovaya migraciya v Respublike Uzbekistan» / Отв. ред. Е. В. Abdullaev. - Т., 2008.
- Maksakova L.P.* Uzbekistan v sisteme mezhdunarodnyh migracij. // Demoskop, 2010, № 415–416. [Elektronnyj resurs]. URL: www.demoscope.ru/institut/institute.html
- Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель М.: НИ «Central'nyj Dom advokata», Moskovskoe byuro po pravam cheloveka «Academia», 2014.
- Mukomel' V.I.* 2013. Politika integracii migrantov cial,riski: rabochaya tetrad'. M.: Speckniga. 33 s. Politika integracii migrantov v Rossii: vyzovy, potencial, riski: rabochaya tetr. / Rossijskij совет по mezhdunar. delam (RSMD). M.: Speckniga, 2020.
- Cit. по: Каримова М. ЗH. Улугбек как покровител' науки и искусный дипломат / М. ЗH. Каримова, М. Ahmedova, М. М. Alimova I Molodoj uchenyj. 2014. № 6(65). S. 599.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Танчук Ирина Алексеевна, магистр в области «Международных отношений». Москва, Россия, E-mail: 1032205910@rudn.ru
Irina A. Tanchuk, Master of International Relations. Moscow, Russia, e-mail: 1032205910@rudn.ru

Савин Л. В. Гибридная война и серая зона. М.: Евразийское движение, 2022. — 180 с.

В. Шапорова

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
9099176125@mail.ru*

Аннотация. В материале дается описание работы, посвященной динамике развития понятийного аппарата терминов «гибридная война» и «серая зона» и их внедрению в современный политически процесс. Книга написана в стиле междисциплинарных исследований - исторические аспекты связаны с политическими теориями. Рассмотрены различные трактовки базовых терминов в конкретных ситуациях. Также представлена оценка текущей политической обстановки и сделаны выводы относительно дальнейшего развития событий в указанной области.

Ключевые слова: гибридная война, серая зона, конфликт, международные отношения, политика, стратегия

Savin L. Hybrid Warfare and the Gray Zone. Moscow: Evrasiiskoe dvizhenie, 2022. — 180 с.

Victoria Shapороva

*RUDN University, Moscow, Russia
9099176125@mail.ru*

Abstract. The article describes the work devoted to the dynamics of the development of the conceptual apparatus of the terms "hybrid war" and "gray zone" and their introduction into the modern political process. The book is written in the style of interdisciplinary research - historical aspects are connected with political theories. Various interpretations of basic terms in specific situations are considered. An assessment of the current political situation is also presented and conclusions are drawn regarding the further development of events in this area.

Key words: Hybrid Warfare, the Gray Zone, conflict, International relations, Politics, strategy

Книга «Гибридная война и серая зона», автором которой является Савин Леонид Владимирович - главный редактор информационно-аналитического портала «Геополитика», генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств, руководитель администрации Международного Евразийского Движения, член Военно-научного общества при Министерстве Обороны Российской Федерации, представляет собой многоуровневое исследование происходящих изменений в области понятийного аппарата терминов «гибридная война» и «серая зона».

В монографии подробно рассмотрена эволюция вышеупомянутых терминов, их связь и взаимозаменяемость. Изучены

ключевые исследования в этой области и доктринальные документы западных стран.

Труд автора состоит из трех разделов: гибридная война, серая зона, объединение понятий. В них раскрывается трансформация этих терминов в контексте международной геополитической ситуации, их применение относительно конкретных мировых конфликтов и синонимичное восприятие в отдельных случаях.

В первом разделе, например, автор сообщает, что термин «гибридная война» впервые был использован в работе американского исследователя Роберта Уолкера. Теоретики в этой области рассматривали данный термин преимущественно по отношению к США. Уолкер утверждал, что гибридные конфликты стоят на стыке конвенциональных войн и специальных

операций. При этом, для победы в такого рода войнах необходимы гибридные вооруженные силы, и идеальным вариантом для этих целей является морская пехота.

В 2007 году Фрэнк Хоффман писал, что гибридные угрозы включают в себя полный спектр различных способов ведения войны, в том числе террористические акты и преступные беспорядки. Конфликт может быть развязан как государством, так и негосударственным образованием. Таким образом, первые определения гибридных конфликтов были связаны с военными действиями.

Позднее Брайан Флеминг выдвинул суждение, что гибридная угроза будет зависеть от конечной цели актора. Стратегия ее проведения осуществляется исходя из предрасположенности к дипломатической, информационной, военной и экономической деятельности.

Автор монографии отмечает, что в настоящее время гибридный конфликт выходит за рамки простого соединения традиционных и нетрадиционных тактик в боевых действиях. В современных условиях слияние передовых возможностей с текучестью нерегулярных тактик более эффективно. Государства используют манипулятивные методы для предотвращения реального вооруженного столкновения. Например, инициатор может угрожать противоборствующей стороне использованием ядерного оружия. Информационная война также является частью гибридной угрозы. Первоисточник конфликта обычно желает изменить политическую ситуацию в целевых странах.

Последними концепцию гибридной войны применяли США, Франция, Австралия, Германия, НАТО и ЕС. Западные страны относят к акторам Россию. В частности это касается действий РФ на территории Крыма и Украины.

В разделе «Серая зона» Леонид Савин пишет, что соответствующий термин также претерпевал изменения в своем значении. Автор отмечает, что в настоящее время он может трактоваться как спорный географический район, и как инструмент политической войны. Ранее само слово «серый» в аналогичном контексте означало

размытость границ при совершении определенных стратегических действий.

Конфликты в серой зоне сами по себе не относятся к состоянию войны или мира. Они располагаются между этих категорий.

Методы серой зоны включают в себя шпионаж, кибератаки, пропаганду, осуществления различного рода поддержки для террористов (финансовой, материально-технической и т. д.), угроза применения вооруженной силы в отношении граждан и другое. Отличительными признаками данных методов являются: постепенная реализация планов, скрытность актора, краткосрочные кампании, действия вне военных инструментов.

В ходе исследования автору публикации удалось выяснить, что в ближайшее время серая зона будет служить ярлыком для действий некоторых государств. Прежде всего, это касается России, Китая, Северной Кореи и Ирана.

В заключительном разделе исследования приводится анализ документов и исследований, в которых «гибридная война» и «серая зона» выступают как синонимы и взаимозаменяемые понятия. Автор монографии отмечает, что сейчас гибридная война может проводиться без прямых боевых действий. Например, через распространения дезинформации. К тому же, обнаружить и предотвратить гибридное воздействие довольно сложно. Самые сложные очаги конфликта упоминаются в исследованиях как «серые зоны», что позволяет сделать вывод о взаимном проникновении этих понятий. Гибридная война может проходить в серой зоне, а серая зона, соответственно, создает условия для гибридной войны.

В этой связи автор монографии рассматривает специальную военную операцию на Украине. Он отмечает, что при наличии вышеупомянутых условий, действия России нельзя считать гибридной войной, так как ведется непосредственное вооруженное противостояние.

Западные государства, в частности США, придерживаются другого мнения. Там считают, что гибридный конфликт РФ и Украины начался в 2014, когда Республика Крым присоединилась к России.

В целом, действия РФ на Украине действительно соответствуют классическим определениям гибридной войны и серой зоны. В конфликте используются смешанные вооруженные формирования. При этом очевидно, что Запад использует Украину в качестве инструмента для гибридной войны с Россией, а само государство является серой зоной, откуда можно проводить различные операции.

Наконец, стоит подытожить. Данная работа является глубинным исследованием в

области видоизменяющейся стратегии проведения современных международных конфликтов. Монография предназначена для широкого круга читателей. В первую очередь, для исследователей и теоретиков в области конфликтологии, международных отношений и военной стратегии. Книга также будет полезна создателям информационного контента и студентам соответствующих профильных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Савин Л. В. Гибридная война и серая зона. М.: Евразийское движение, 2022. — 180 с.

REFERENCES

L. Savin. Hybrid Warfare and the Gray Zone. Moscow: Evrasiiskoe dvizhenie, 2022. — 180 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шапорова Виктория, магистр в области
Международной журналистики, РУДН

Victoria Shaporova, Master of
international journalism, RUDN UNIVERSITY